

Учредитель: ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР

ИСТОРИЯ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

Научный журнал

2023/2

Издается с 2013 года
(до 2022 г. Евразийство и мир)

Выходит 4 раза в год

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-84317 от 8 декабря 2022 г.
Размещен в системе РИНЦ на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

International Editorial Council

А. В. Дамдинов, канд. ист. наук (председатель) (Улан-Удэ, Россия)	A. V. Damdinov, Cand. Sci. (History) (Chairman) (Ulan-Ude, Russia)
И. И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (заместитель председателя) (Улан-Удэ, Россия)	I. I. Osinsky, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Deputy Chairman) (Ulan-Ude, Russia)
В. В. Номогоева, д-р ист. наук, доцент (Улан-Удэ, Россия)	V. V. Nomogoeva, Dr. Sci. (History), A/Prof. (Ulan-Ude, Russia)
Чулуунбаатар Гэлэгпил, академик, Sc. D. (философия) (Улан-Батор, Монголия)	Chuluunbaatar Gelegpil, Member of the Academy, Sc. D. (Philosophy) (Ulaanbaatar, Mongolia)
Батбаяр Цэдэндамба, академик, Sc. D. (история) (Улан-Батор, Монголия)	Batbayar Tsedendamba, Member of the Academy, Sc. D. (History) (Ulaanbaatar, Mongolia)
З. Т. Голенкова, д-р филос. наук, профессор (Москва, Россия)	Z. T. Golenkova, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Moscow, Russia)
В. А. Мансуров, д-р филос. наук, профессор (Москва, Россия)	V. A. Mansurov, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Moscow, Russia)
А. С. Железняков, д-р полит. наук, профессор (Москва, Россия)	A. S. Zheleznyakov, Dr. Sci. (Polit.), Prof. (Moscow, Russia)
М. И. Добрынина, д-р социол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия)	M. I. Dobrynina, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (Ulan-Ude, Russia)
Е. А. Островская, д-р социол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)	E. A. Ostrovskaya, Dr. Sci. (Sociol.), A/Prof. (St. Petersburg, Russia)
Цзяньцин Ло, доктор философии (PhD), профессор (Хух-Хото, КНР)	Jianjin Luo, PhD (Philos.), Prof. (Hohhot, China)
Ихтияр Палторе, доктор философии (PhD), доцент (Алматы, Казахстан)	Ikhtiyar Paltore, PhD (Philos.), A/Prof. (Almaty, Kazakhstan)
А. Ш. Кадырбаев, д-р ист. наук, профессор (Москва, Россия)	A. Sh. Kadyrbaev, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Moscow, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Editorial Board

Т. Б. Бадмацыренов, д-р социол. наук, доц. (гл. ред.)	T. B. Badmatsyrenov, Dr. Sci. (Sociol.), A/Prof. (Editor-in-Chief)
А. М. Бадонов, канд. социол. наук, доц. (зам. гл. ред.)	A. M. Badonov, Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof. (Deputy Chief Editor)
А. Б. Цыденов (отв. секретарь)	A. B. Tsydenov (Executive Secretary)
И. Г. Актамов, канд. пед. наук, д-р философии (PhD)	I. G. Aktamov, Cand. Sci. (Education), PhD (Philos.)
Д. Д. Бадараев, д-р социол. наук, доц.	D. D. Badaraev, Dr. Sci. (Sociol.), A/Prof.
А. В. Винокурова, канд. социол. наук, доц.	A. V. Vinokurova, Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.
И. Ц. Доржиева, канд. социол. наук, доц.	I. Ts. Dorzhieva, Ph.D. Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.
В. Г. Жалсанова, канд. социол. наук, доц.	V. G. Zhalsanova, Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.
А. В. Комбаев, канд. полит. наук, доц.	A. V. Kombayev, Cand. Sci. (Polit.), A/Prof.
Т. Н. Литвинова, д-р полит. наук, доц.	T. N. Litvinova, Dr. Sci. (Polit.), A/Prof.
А. Ю. Мацкевич, канд. социол. наук, доц.	A. Yu. Matskevich, Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.
Мунхбат Оролмаа, доктор философии (PhD), проф.	Munkhbat Orolmaa, PhD (Philos.), Prof.
В. А. Родионов, д-р полит. наук, доц.	V. A. Rodionov, Dr. Sci. (Polit.), A/Prof.
Г. В. Тартыгашева, канд. социол. наук	G. V. Tartygasheva, Cand. Sci. (Sociol.)
Б. С. Будаев, канд. полит. наук	B. S. Budaev, Cand. Sci. (Polit.)
Н. С. Байкалов, д-р ист. наук, доцент	N. S. Baikalov, Dr. Sci. (Hist.), A/Prof.
О. А. Малыгина, канд. ист. наук	O. A. Malygina, Cand. Sci. (Hist.)

Адрес редакции: 670000, Республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а, каб. 0231
Тел.: (3012) 212-649
vostvector@bsu.ru

Адрес издателя: 670000, Республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
Тел.: (3012) 219-557
rio@bsu.ru

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.3

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-3-19

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ БЕЗВРЕМЬЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© **Тощенко Жан Терентьевич**

доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125047, г. Москва, Миусская площадь, 6;
главный научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
zhantosch@mail.ru

Аннотация. В статье дается анализ процесса возникновения, развития и интерпретации понятия «идеология». Особое внимание уделяется тому, как это понятие появилось в истории социальной мысли, развивалось и уточнялось. Рассматриваются структура идеологии, ее различные трактовки. На этой основе осуществляется анализ направлений современных идеологических концепций и обращается особое внимание на ренессанс интереса к проблемам идеологии и практике ее использования в общественно-политической жизни России. Отдельно анализируются ограничения и препятствия на пути развития идеологии.

Ключевые слова: идеология, современные идеологические концепции, ренессанс идеологии, российское общество, государственная идеология.

Для цитирования:

Тощенко Ж. Т. Идеологическое безвременье как характеристика современного российского общества // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 3–19.

Постановка проблемы

Актуальность данного анализа обусловлена тем, что понятие «идеология» стало полем ожесточенной борьбы между современными политическими силами — от полного ее отрицания до калейдоскопических изобретений, которые базируются не столько на имеющемся в науке богатстве информации по этому вопросу, сколько на произвольной и схоластической манипуляции теориями, а также существующими в общественном сознании идеями, мировоззренческими ориентациями и даже фантазиями, часто основанными на сиюминутных и/или эгоистических узкогрупповых и частных интересах. Поэтому чтобы дать оценку происходящему в сфере идеологии, вначале напомним исходные идеи, их эволюцию и их научно обоснованную трактовку.

Идеология — непреходящий атрибут развития общества

Понятие «идеология» появилось в научной терминологии в конце XVIII в. как продукт осмысления существующих реалий в духовно-культурной и социально-политической жизни общества. В научный оборот это понятие ввел французский философ-просветитель Антуан Дестют де Траси (1754–1836). В его концепции идеология представлена как совокупность идей, призванная, с одной стороны, привести в единую систему достижения различных, в первую очередь социальных, наук, с другой стороны, поставить на научную основу решение задач этики и практической политики. Мыслитель рассматривал идеологию как социально полезную форму знания, которая должна быть такой же точной, как естественные науки. В своем труде «Система идеологии», вышедшей в свет в 1804 г., он обозначил свое представление об идеологии, понимаемой им как учение об общих закономерностях их происхождения и функционирования идей в процессе развития общества. По его мнению, выдвинутая им концепция должна выступать одним из основных принципов организации государственной и общественной жизни. Он видел отражение в идеологии первооснов морали, политики, права. В своем труде он показал, что ни одно общество, ни одна существующая в нем организация и даже ни один человек не может и не обходится без тех или иных важных для них идей, которые имеют всегда оценочную сторону своего существования, что позволяет их идентифицировать как идеологические. По его трактовке, особую роль в идеологии играет то, что относится к мировоззрению, к ценностным ориентациям. Идеология, по его убеждению, является той организующей и скрепляющей силой, которая придает смысл жизни и деятельности каждого государства, общества, каждой организации и всех людей, независимо от того, осознают они это или нет. Но главная причина ее существования состоит в том, что в любом случае — осознанно и стихийно — все они, государство, организации, социальные группы (общности) — всегда будут ориентироваться на социально окрашенные оценки, на желаемые и предпочитаемые ими интересы, на способы обеспечения условий для своего нормального функционирования. Образно говоря, своим утверждением де Траси поставил вопрос о множественности видов идеологии, раз ее субъектом являются многие акторы социально-исторического процесса.

В дальнейшем процесс осмысления понятия «идеология» был продолжен К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые способствовали тому, чтобы термин «идеология» вошел в широкий оборот как в науке, так и в политической жизни. Обычно этот вывод об их разработке данной концепции связывают с их трудом «Немецкая идеология», в которой они определяли идеологию как «политическое мышление, формируемое в интересах определенных групп общества», как одну из форм превращенного сознания [14, с. 60]. Однако при этом надо сделать следующие оговорки (замечания). Во-первых, этот труд не был известен современникам: он был впервые напечатан чуть не век спустя, в 1932 г. в Советском Союзе. Во-вторых, почему этот труд не вышел в свет, Маркс объяснил тринадцатью годами позже, в 1859 г. в «Критике политической экономии»: «Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута» [13, с. 8]. Эта совместная работа была плодом работы «для себя», для того чтобы самим разобраться и осмыслить

накопленные идеи о развитии общества, оценить их и определить их роль и значение в жизни нарождающегося класса — пролетариата. В-третьих, часто обращают внимание на то, что в этой работе они говорят об идеологии как о ложном сознании и не всегда замечают, что ими использовалось и другое понятие — наивное, иллюзорное восприятие социального бытия, так как при анализе существующих на тот период времени представлений об общественном развитии они обратили внимание на их ограниченность, односторонность, отсутствие логически обоснованного понимания законов развития обществ, в том числе и буржуазного.

Поэтому вполне оправданно рассматривать те труды Маркса и Энгельса, в которых понятие «идеология» стало достоянием теоретической мысли и руководством для осуществления политической деятельности. Именно такой подход впервые нашел отражение в «Манифесте Коммунистической партии», в котором было обосновано представление об идеологии как научной теории и ее практическом использовании. В нем они обратили внимание на то, как конструируются идеи различными политическими силами и представителями правящего капиталистического слоя в своих классовых и групповых интересах. По их мнению, существующие и функционирующие идеологии опираются на социальные интересы, позиции и ценности эксплуататорских классов и в первую очередь буржуазии. В результате доминирующая идеология — буржуазная — является проекцией интересов не всего общества, а только одной (меньшей) его части — капиталистов. Поэтому в противовес буржуазной идеологии должна возникнуть и стать действенной силой пролетарская идеология, мировоззрение рабочего класса. В этом документе утверждалась точка зрения, согласно которой именно пролетарская идеология в большей мере отражает объективные потребности общественного развития и в большей мере выражает интересы большинства народа, в первую очередь рабочего класса [15, с. 46–56].

Хотелось бы отметить еще одно важное положение. Нередко идеологию трактуют только как некую обобщающую концепцию, которая объединяет и выражает идеи класса, большой социальной группы и государства. Между тем идеологические установки несет и стремится воплотить в жизнь каждая социальная единица, каждый человек. Такой подход нашел отражение в творчестве Маркса и Энгельса. Что касается Маркса, то он при анализе *объективных* свойств господствующих экономических отношений, определяющих тип общественного строя и соответствующее ему сознание показал, что мировоззрение каждого индивида в основном зависит от принадлежности к тому классу, к которому он принадлежит и определяется местом, которое он занимает в структуре общественного производства. Но одновременно большую роль играет тот факт, что каждый индивид обладает и *субъективными* свойствами — личными ценностными ориентациями, установками, предпочтениями, формирующими его отношение к окружающему миру во всем его многообразии. Эти духовные конструкции могут в большей или меньшей степени соответствовать объективной реальности, которая в них представлена. Иначе говоря, каждый человек, независимо от того, осознает он это или нет, является носителем определенных идеологических установок, в которых выражаются его социально-классовые интересы.

В дальнейшем Маркс и Энгельс развивали эти идеи, что, на наш взгляд, нашло отражение в таких наиболее значительных работах, как «Критика Готской

программы» и «Развитие социализма от утопии к науке» (1880). Особенно значим их вывод о том, что в отличие от предшествующих идеологий мировоззрение пролетариата не сводится ни в коей мере к защите узкоклассовых интересов. Оно раскрывает подлинную панораму происходящих исторических процессов, определяет место каждого класса в социальной борьбе, раскрывает объективные закономерности общественного развития. Именно поэтому идеология пролетариата носит научный характер, выступает средством социального ориентирования масс.

В рамках марксистской парадигмы наиболее значительные размышления об идеологии принадлежат В. И. Ленину. В его трактовке идеология как идея рабочего класса обозначена как научный социализм или марксизм, как особый язык революционных масс [8, с. 269]. Он особенно настойчиво повторял мысль о том, что идеология выступает одним из факторов сплочения всего общества вокруг рабочего класса и его партии в интересах достижения целей как в борьбе против царизма, так и при решении задач социалистического строительства [7, с. 41].

В XX в. понятие революционной идеологии стало одним из центральных в марксистской традиции и разрабатывалось Антонио Грамши, а Лукач предлагал видеть в идеологии проекцию классового сознания.

Что касается других исследований, то среди них наиболее значителен труд К. Манхейма «Идеология и утопия». В этой работе он в известной мере продолжил развивать идею Маркса о том, что идеология отражает мышление господствующего класса, что идеи, ее составляющие, стремятся к сохранению или постоянному репродуцированию существующего образа жизни. По его убеждению, господствующая идеология выполняет функцию стабилизации, используя при этом приемы что-то умалчивать, а что-то выпячивать для обеспечения устойчивости существующего и удобного ей политического режима. Отметим только своеобразие трактовки мышления (сознания) угнетенных классов — К. Манхейм называет их утопией [10].

Заслуживает внимания и вклад Т. Адорно и М. Хоркхаймера, основателей Франкфуртской школы, которые переняли и развили Марксов концепт «критики идеологии» («Диалектика просвещения», 1947). Они проводили различие между «сводной идеологией» субъекта и его идеологиями в различных областях социальной жизни (таких как политика, экономика или религия), подчеркивали, что идеологии различных эпох есть продукты исторических процессов.

Представляет интерес и попытка некоторых исследователей охватить все многообразие подходов с точки зрения и науки, и политической деятельности. Так, для Уилларда Маллинза идеология составлена из четырёх базовых характеристик: должна властвовать над познавательной способностью; должна быть способна руководить оценочными суждениями; должна служить инструкцией к действиям; должна быть логически последовательна [28].

Постепенно в XX в. в дискуссиях по поводу сущности идеологии сформировались две точки зрения. Одна из них, которая потом нашла отражение в работах многих советских обществоведов, сводилась к тому, что идеология — это совокупность (и даже система) научных теоретических взглядов, которые разрабатываются специалистами и в которых находят отражение объективные потребности общественного развития, предназначенные для выражения интересов трудящих-

ся. Эта идея была наиболее полно и последовательно развита в трудах отечественных философов Н. Биккенина и Л. Москвичева, которые делали акцент на доказательстве научных основ идеологии, воплощенной, по их убеждению, в марксистско-ленинском учении [3; 16].

Другая точка зрения рассматривает идеологию как бесконечное множество идей, при помощи которых люди осознают свой мир, свои интересы, свои ценностные ориентации, свое понимание устройства окружающего мира, своей страны, непосредственно окружающей среды. А так как осознание и понимание разнообразно, разнопланово и отражает различные мировоззренческие позиции, то соответственно существует множество идеологий, которые находятся в постоянном взаимодействии, в соперничестве и даже противостоянии [7; 18].

Ряд авторов уделял внимание тому, что идеология стимулирует политические действия, участвует в трансформации управления, играет роль символической защиты [9, с. 79–90].

Но несмотря на эти различия, большинство исследователей сходится в том, что ни одна страна, общество, государство не могут существовать без идеологии, она имеется в каждом из них, независимо от официального ее признания. Более того, в любом обществе существуют различные социальные группы, социальные общности, которые имеют свою идеологию, свои идейные установки, нередко кардинально отличающиеся друг от друга. При этом наиболее ярким проявлением существования многих идеологий являются политические партии, которые отражают и выражают основные устремления и особенности восприятия той социальной базы, которую они представляют (или претендуют представлять). Следовательно, в окружающем мире в реальной действительности независимо от специфики различных обществ идеология необходимый элемент их существования. И если эта определенность отсутствует, то можно в полной мере говорить о потере той стратегической цели, ради которой общество и государство существуют. В ином случае возникает духовный вакуум, который лишь разъединяет участников данного социально-исторического процесса.

Анализ процессов, которые происходят в реальном мире, позволяет сделать вывод, что *идеология — это совокупность взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются экономические, политические, социальные и духовно-нравственные отношения в целях их реализации в реально существующей действительности во всем ее многообразии*. В идеологиях, которые вырабатываются политическими силами (государством, партиями, массовыми движениями), содержатся цели (программы) их деятельности, направленные на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений, исходя из мировоззренческих позиций, находящих отражение в ценностных ориентациях, установках и интересах. Идеология предполагает, что она при всех ее многообразных проявлениях воплощает в себе: а) не просто знание, но и его оценку; б) знание, связанное с тем, что является для исповедующих (придерживающихся) ту или иную идеологию ценным, важным, тем, к чему надо стремиться; в) понимание того, как достигнуть провозглашенных целей, что неминуемо ведет к борьбе мировоззрений, постоянному их сопоставлению и отстаиванию в ходе политической и/или социальной борьбы.

Современные российские идеологии

Напомним, что идеи — особый, своеобразный и специфический продукт общественного бытия. Они рождаются, развиваются, нередко живут самостоятельной жизнью. Многие из них остаются мимолетной искрой, другие служат отдельным социальным и политическим силам ограниченное время. И среди этого потока множества идей лишь некоторые из них становятся не только отражением духовных смыслов отдельных людей или некоторых групп и объединений, но и воплощаются в реальной жизни государств, народов, всего человечества.

Что является критерием их значимости и устойчивости в процессе исторического развития? При каких условиях они становятся достоянием народов, его основных классов, определяющих будущее и судьбы миллионов людей? История развития революций — наглядный тому пример превращения идей в материальную силу.

История революций и прежде всего российской убедительно продемонстрировала стратегию и тактику большевиков, реализовавших убеждение К. Маркса: «Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами» [12, с. 416]. В 1917 г. произошло слияние воедино идей социалистической революции, воплощенной в программе большевиков и других левых партий, и устремлений основных движущих сил — рабочего класса и крестьянства. Реализацию этих идеолого-политических целей обеспечивал достаточно высокий уровень организационной работы, партийной дисциплины, последовательность действий большевиков. То, что не удалось ни одной политической партии того периода, удалось большевикам. Именно они в своих идеях и действиях олицетворяли желания большинства народа, что и обеспечило им массовую поддержку не только в период захвата власти, но и в течение длительной и изнурительной гражданской войны. Чаяния народа воплотила в себя программа большевистской партии, что стало залогом ее победы. Этот факт признавали даже те, кто на дух не переносит коммунистические и социалистические идеи.

Поэтому нелепой оказалась современная российская официальная политика по отношению к проблемам идеологии. Травмированность современной духовно-нравственной сферы российского общества во многом объясняется тем, что в Конституции РФ зафиксировано положение: в России нет государственной идеологии. Это негативное отношение к слову «идеология» во многом может быть объяснено тем, что в Советском Союзе признавалась (официально) только одна идеология — социалистическая. Попытки сказать, что наряду с ней существуют и другие идеологии, жестко пресекались и отвергались. Поэтому ассоциация понятия «идеологии» со словом «социалистическая» (а зачастую и «коммунистическая») сформировала предубежденность к ней, а в ряде случаев превращала это слово чуть ли не в ругательство.

Отказываясь от государственной идеологии, «творцы» Конституции России полностью игнорировали тот факт, что ни одно из существовавших и существующих государств не обходится без официальной идеологии при признании возможности одновременного существования других мировоззренческих позиций и ориентаций. Появившиеся предложения об ошибочности и изменения этой статьи Конституции РФ встретили ожесточенное сопротивление либералов, особенно таких видных их представителей, как политолог Н. Сванидзе, журналист

М. Гусман, протоиерей Вс. Чаплин, пугая всех возможным возрождением сталинизма, появлением нового ГУЛАГа. С этих позиций происходит интенсивная дегероизация отечественной истории, когда ниспровергается все, что являлось ориентиром для того, чтобы человек чувствовал себя патриотом. В таких условиях ничего святого не остается, кроме чувства полной растерянности, неуважения и даже презрения к отечественной истории.

Отказ от официальной идеологии привел к тому, что общественному сознанию была нанесена колоссальная травма, ибо в этой ситуации *произошла потеря прежних ориентиров, а новые не были сформированы*. Были утрачены прежние ориентирующие идеи, которые являются (или должны являться) непременным атрибутом всякой эффективной власти.

Однако, как показывает реальный исторический процесс, идеология, несмотря ни на что, возвращается [19]. Отсутствие государственной идеологии стало одним из пороков становящейся российской государственности. Уже при Ельцине это упущение было замечено. Но, не желая возвращаться к отвергнутому понятию «идеология», выдвинули предложение — найти национальную идею. Смысл предпринятого очевиден — народ надо объединить вокруг общественно значимых ориентиров, которые были бы понятны всем и побуждали желание и стремление участвовать в их реализации. В 1990-е гг. разразился целый бум инициатив, начиная от цитирования слов Уварова (министра просвещения правительства России в середине XIX в.) «Православие. Самодержавие. Народность» и до бесконечных поисков найти заветные призывы, устраивающие всех. Но это был поиск, заранее обреченный на провал. Это были идеи отдельных искателей истины, ученых, политиков, просто амбициозных персонажей. Хотя справедливости ради можно сказать, что в ходе обсуждения были высказаны интересные идеи и предложения. Но их ограниченность, условность была определена тем, что это были поиски отдельных идей, без обращения к мнению народа, к его пониманию того, чего надо добиваться и как строить отношения в существующем обществе. Это отражал и такой феномен — за эти годы как ни пытались назвать, охарактеризовать ситуацию в стране — «управляемая демократия» и «консервативная модернизация» и другие подобные изобретения. Отсутствие объединяющей идеи пытался устранить и недавний идеолог Кремля В. Сурков, предложив пространную концепцию о глубинном народе и в то же время не обращая внимания на те идеи, к которым стремится этот народ [21].

Против того, чтобы у России была идеология, особенно яро выступают либеральные силы, считая, что это ограничит поиск творческих сил, будет означать насилие над умами и поведением людей и, что самое опасное, будет способствовать укреплению тоталитаризма. В этих возражениях неизвестно чего больше — лукавства или просто незнания сути дела. Если речь идет о лукавстве, то они подменяют тезис — речь идет о единственной (??) идеологии в стране или о государственной, которая выражает стратегические идеи государства, не отменяя существование других идеологий. Если речь идет об использовании этого понятия в реальной политике, то об идеологии (это особенно важно) и об ее обновлении говорят многие политические деятели за рубежом, например, президент Франции Макрон [6].

Если рассмотреть современную ситуацию в России, то в реальной политической и духовной жизни существует много идеологий, среди которых необходимо выделить основные. В результате в обществе, как в калейдоскопе, сложился конгломерат различных мировоззренческих ориентаций, которые самым причудливым образом отражают устремления различных социальных групп и общностей.

Во-первых, определенное влияние имеет либеральная идеология, которая нацелена на такие внешне привлекательные ценности, как развитие демократии и обеспечение прав человека, но в достаточно специфическом толковании. Под этим флагом подразумевается нацеленность на преимущественное существование, развитие и функционирование частной собственности, превращение государства в «ночного сторожа», абсолютная, безоговорочная ответственность каждого человека за свой жизненный путь, за свою судьбу, за свою конкурентоспособность для выживания в нынешних российских реалиях. Более того, открыто провозглашается, что «новое неравенство» не может считаться несправедливым, поскольку в его основе лежит не принуждение, а результат деятельности творческих (креативных) личностей [5]. Социальную базу либеральных идей сначала составила часть населения, надеявшегося, что эти идеи обеспечат ему более благоустроенную жизнь, чем в Советском Союзе. Слова известного режиссера С. Говорухина «так жить нельзя» пришлись по душе многим людям, поверившим в существенное обновление общественной и личной жизни. Но уже в первые годы существования новой России большинство людей убедилось, что ориентация на либерализм выгодна сравнительно небольшому количеству захвативших власть амбициозных деятелей и их окружению, успевших за короткий срок нажиться на разграблении национального богатства под видом приватизации, залоговых аукционов и специальных правовых актов, узаконивших различные приемы захвата государственной (общенародной) собственности. Показательно, что социальная база либерализма за все годы существования новой России значительно сократилась. Народ отверг правые партии в их стремлении захватить законодательные и представительные органы власти. В общественном мнении были развенчаны и прежние, и существующие лидеры либерализма, начиная с Е. Гайдара. Однако, несмотря на отсутствие поддержки народа, экономические идеи либерализма продолжают существовать на государственном уровне. Именно существование и продолжение реализации либеральных идей на официальном уровне привели (наряду с другими факторами) к стагнации социально-экономического развития России, к росту социального неравенства, к увеличению социальной напряженности, к формированию общества травмы [22].

Будучи неспособными сформулировать реальные предложения о будущем России, либералы сосредоточивались на решении эгоистических групповых или личных устремлений. «Истинные интересы и мотивы власти, которая взяла на себя ответственность за историческую судьбу России в 1991 г., никак не связаны с декларированными целями. Разговоры о демократической рыночной экономике и соответственно политических и экономических реформах, призванных обеспечить ее становление, были не более чем идеологическим прикрытием для куда более прозаических целей и задач» [27, с. 26].

Показательно, что ограниченность и даже гибельность идей либерализма стали очевидными и для президента страны, когда в интервью газете «Financial

Times» в июне 2019 г. прозвучала резкая оценка роли и значения либерализма в жизни как всего мира, так и отдельных стран. Причем президент особо подчеркнул, что проблема состоит не столько в том, что либералы и их идеи существуют, а в том, что «эта часть общества достаточно агрессивно навязывает свою точку зрения подавляющему большинству»¹. Но пока очевидно, что либеральная идеология в значительной степени способствует тому, что российское общество носит черты общества травмы.

Во-вторых, в современной России продолжает существование и развитие социалистическая идеология, несмотря на кризис с идеями социализма и коммунизма. Эта идеология никуда не исчезла и, более того, имеет тенденцию к ее большему распространению. Показателен в этом случае небольшой исторический экскурс. В 1994 г. во время выборов в первую Государственную думу за партии, олицетворяющие социалистические ценности, проголосовали в общей сложности около трети избирателей. Объяснение, особенно (нео)либералов, было такое: эти голоса — это голоса людей, сходящих с исторической арены, так как они олицетворяют установки старшего поколения, которому трудно смириться с изменением политического строя. А порой им, мол, невозможно расстаться с советским прошлым. Но скоро они уйдут. Придет новое поколение, и оно продемонстрирует иные ценности, иные ориентации. Но вот прошло более четверти века после этих выборов. И что же показывают выборы разного уровня в 2018 г.? Оказывается, опять не менее трети отдало предпочтения различным социалистическим и коммунистическим течениям (организациям, движениям). Как объяснить этот выбор? Ведь старшее поколение в самом деле ушло. Выросло новое поколение. И оказывается, что и для нового поколения социалистические ценности продолжают быть важными, значимыми. Иначе говоря, социалистическая идея продолжает свое существование, так как она олицетворяет собой вековую мечту о справедливом государстве, каким и был Советский Союз при всех зигзагах его развития. При этом надо отметить, что социальная база этих идей изменилась (что, к сожалению, еще не осознают левые партии): теперь не рабочий класс представляет собой ведущую политическую и социальную силу — он раздроблен, он трудится в различных экономико-финансовых условиях, опосредованных различными формами собственности. На наш взгляд, социальную базу левых идей составляет прекариат (от лат. нестабильный, неустойчивый, негарантированный), который состоит из больших социальных групп, живущих в состоянии неуверенности в стабильности своего нынешнего и будущего положения [20]. Именно эти группы заинтересованы в реализации социалистических идей, которые они считают олицетворением справедливого общества. Эти группы не отвергают существование частных форм собственности, ратуют за установление социального (но не уравнительного) равенства и в качестве желаемой цели ратуют за социальную справедливость. Именно поэтому можно согласиться с выводом, что «старые различия между левыми (коммунистическое и социал-демократическое крыло) уже в значительной степени потеряли свое значение, о всяком случае, на уровне теории» [18].

¹ Цит по: Коммерсантъ. 2019. 30 июня. URL: https://www.kommersant.ru/search/results?search_query (дата обращения: 16.03.2023). Текст: электронный.

В-третьих, в 2000-е гг. вырос спрос на консервативно-патриотическую идеологию, которую в настоящее время олицетворяет ряд довольно разношерстных социально-политических течений — от приверженцев идей традиционализма, ценностей предшествующих поколений до разного рода этнонациональных, националистических и конфессиональных организаций. И хотя в том или ином варианте все они выступают за сохранение национально-исторических ценностей, за их приумножение, за воспитание преданности стране, за поддержку традиций и обычаев в жизни современных граждан, эти организации лишь условно могут быть названы скрепляющей и нравственной силой, так как одежды патриотов надевают и те, кто сбежал за границу, захватив немало уворованных в стране средств, и те, кто живет в криминальном мире, и те, кто ради получения различных дивидендов готов присоединиться к этой идеологии. В этой связи возникает далеко не праздный вопрос — может ли считаться олигарх патриотом, если 70–80% капитала за границей?

На поле патриотизма играют многочисленные партии и движения — от либерально-демократической партии В. Жириновского до региональных объединений, ратующих за особенный путь развития своих территорий. Разношерстность этих сил усугубляется тем, что консервативные и патриотические идеи по-разному трактуются и реализуются политическими акторами разных национальностей, что нередко приводит к рассогласованности действий, а иногда и к столкновению. В этом случае ориентация русских националистов на соборность, патриотизм и коллективизм не всегда согласуется с целями национальных и националистических организаций других народов, что позволяет сделать вывод о необходимости следования тому пути, который был в историческом прошлом каждого народа [4].

В-четвертых, осуществляется попытка придать национальной идеологии облик религиозного фундаментализма, в первую очередь православия. Эта попытка реализуется предложениями амбициозных политиков, которые в своем желании заявить о себе, удержаться на плаву, предлагают свое видение мировоззренческих установок россиян и методы их формирования. Так, небезызвестный депутат Госдумы Е. Мизулина, которая уже многие годы стремится остаться в политике и для этого сменившая несколько партий в своем служебном рвении, в 2013 г. предложила идею — отразить в Конституции РФ, что православие является «основой национальной и культурной самобытности России», таким образом, заменив отсутствие понятия «государственная идеология» (Версия. 2018. № 49). К сожалению, в обновленной Конституции появилось слово «Бог», что в принципе противоречит другому положению Конституции о том, что Россия является светским государством.

Однако вернуться в прошлое невозможно, что неоднократно доказано историческим опытом. Поэтому попытки РПЦ выйти на желаемую ей траекторию внедрения в сознание россиян канонов и догм церковного учения встретили пассивное, сдержанное, а порой и явное сопротивление. Особый ущерб церкви принесло ее стремление прямо или косвенно участвовать в управлении государством, которое наряду с вмешательством в дела образования, культуры, воинской службы и даже науки позволяет утверждать о некоторых теократических чертах российского государства [24].

Отсутствие у государства и общества стратегической цели в виде идеологии порождает различные специфические и спорные идеи о «милитаризации сознания» [25] или о превращении среднего класса из опоры общества в источник его раскола и дестабилизации [26]. Стоит отметить и навязчивые и невразумительные попытки и стремления построить в России «славяно-православную политическую культуру» и утвердить «соборно-вечевую мораль», а также доказать, что будущее предсказал апостол Павел [2, с. 39, 46, 49].

Состояние российского общества как общества травмы порождает и такие эрзац-идеологические формы, как квази-, псевдо-, контр- и паракультуры, паразитирующие на ожиданиях и надеждах людей, что порождено, с одной стороны, неуверенностью людей в своем положении в существующем обществе, с другой, превращением культуры в бизнес-культуру, в средство получения прибыли, в том числе и за счет потакания низменным вкусам части населения. Это состояние привело к расцвету манипуляций Кашпировского, Чумака, Лолы и подобных мистических лиц. Это поветрие охватило даже верхи, которые страдали от сомнений в своих властных возможностях, в результате чего было создано даже подразделение в охране Ельцина по изучению паранормальных явлений и использованию их в политике. Отсутствие четких социальных ориентиров при возросшей личной неустроенности и шаткости реальной и будущей жизни привело к росту всяческих магов, колдунов, предсказателей, гадалок, число которых к концу 2010-х гг., по экспертным данным, насчитывало более 800 тыс. человек с годовым доходом более 10 млрд долларов. Распространение мистики беспокоит даже религиозных мыслителей. Игумен Петр Мещерский выразил большую озабоченность за культуру в целом, ибо такое состояние возвращает сознание людей в далекое прошлое, возрождая темную сторону жизни людей.

К этому следует добавить, что в политическом и идейном дискурсе существующей политической власти исчезла пропаганда личных качеств человека — чести, достоинства, трудолюбия, они забыты, исчезли или скомпрометированы. Не стало для официальных властей тех людей, которые воплощали в себе лучшие черты человека, которому бы следовало подражать, брать пример, ориентироваться в своих делах и поступках. Оскудение нравственного облика — это тоже один из показателей идеологического обнищания общества травмы. В манипулирование общественным сознанием и навязывание идеологических ориентаций были вовлечены и музыка, и дизайн, и реклама [1, с. 88].

Таким образом, анализ возможностей для консолидации российского общества показывает, что оно находится под угрозой в условиях существования различных идеологий, отражающих, как правило, интересы, ценностные ориентации и установки различных социальных классов, общностей, групп. Реальная ситуация требует формулировки стратегической цели развития России, находящей свое выражение в государственно-общественной идеологии с четким обозначением средств и методов ее достижения. Без такой идеологии Россия не может в полной мере выйти из травматического состояния.

Основные деформации духовно-нравственной жизни российского общества

Для российского общества, превратившегося в общество травмы, характерна потеря гомогенности. Суть гомогенного общества раскрывается как формули-

ровка общественного идеала, согласно которому оно определяется как сообщество однородных, свободных субъектов, равных в своих правах, равных перед законом, равных перед общественным договором, равных перед требованиями морали и т. д. Здоровое общество всегда относительно гомогенно.

Формирование гомогенного общества является целью не только политических режимов, тоталитарного и авторитарного, но и для демократических и социалистических идеологий. Демократическое общество при всей приверженности к многообразию взглядов в определенных, прежде всего экстремальных для общества, ситуациях всегда стремится к формированию общественного консенсуса, к определенной идеологической однородности, по крайней мере, по отношению к правам человека. Анализируя государственную политику с точки зрения стремления власти к созданию гомогенного общества, объединенного единой идеей (национальной, социальной или любой другой), можно достаточно ярко выявить тенденции к формированию в данном обществе (государстве) элементов тоталитаризма.

Если в стабильно развивающихся государствах, представляющих гетерогенное общество, в условиях существования в них различных классов, социальных групп и общностей достигается определенная согласованность отношений и способов устранения возникающих конфликтов, то в травмированных обществах относительное социальное согласие находится под угрозой или серьезно нарушено. Применительно к России можно сказать, что если в условиях Советского Союза существовало гомогенное общество, когда классовые и социальные различия были незначительны, то в условиях современной России об этом говорить просто невозможно как в настоящее время, так и в долговременной перспективе. Различия настолько значительны, что делают страну похожей на африканские страны или опрокидывают ее почти что в феодальное прошлое.

Дискурс развития и стабильности сменился на дискурс консерватизма, сохранения только традиционных ценностей, укрепления духовных скреп, т. е. обществом, в котором каждый занимает определенное место. Этим обществом легче управлять, хотя оно часто меняется, и тогда его развитие мало предсказуемо, но обязательно подвержено изменениям, нередко коренным. Такая ориентация политической власти на консерватизм продиктована тем, что сложившаяся модель российского общества, многие ментальные привычки населения дают для нее некоторое основание считать, что если все же идут дела хотя бы несколько лучше, чем раньше, то зачем менять тенденции и направления развития? Поэтому массово распространено скептическое отношение к переменам, риску, отказу от старого, от смены ролей. Справедливо утверждение, что общество с низкой мобильностью слабо реагирует на инновации, трудно подвергается модернизации. Но путь консервации уязвим, если он проводится без сочетания и без учета новых потребностей времени, что чревато непредвиденными конфликтами, обострением отношений на всех уровнях социальной организации общества.

В этих условиях происходит выход на первый план в общественном сознании идеологии потребительства под маркой строительства социального государства, тем более что о его существовании говорится в Конституции РФ. Материальный успех стал преобладающим в жизненных ориентациях молодежи и предпочитается среди многих у старшего поколения. Причем средством достижения материально-

го благополучия становится отнюдь не труд и не трудолюбие, им являются рыночные критерии — власть, капитал, паблисити. По данным социологов РГГУ, во всероссийском исследовании на вопрос «Какие обстоятельства определяют, на Ваш взгляд, социальное положение и престиж человека в нашем обществе?» 67% ответили — владение капиталом, деньгами, 58% — обладание властью или доступ к ней, 57% — связи с нужными людьми при 19% считающих, что роль играют личные достижения в образовании и профессиональной подготовке и столько же — личные качества (ум, привлекательность). Все это позволяет сделать вывод, что новый строй не разбудил творческие силы людей, не нашел убедительные механизмы заинтересовать людей в повышении эффективности и результативности труда. Это объясняет и тот факт, что производительность труда за 2012–2018 гг. вместо провозглашенных в 50% выросла лишь на 4%.

Именно под флагом потребительской идеологии происходит коммерциализация не только экономической, но и социальной и культурной жизни. И для них стал распространенным такой термин — «услуги». Услуги — это показатель рыночных отношений, которые предполагают не безвозмездную акцию за оказанные действия. Это привело к тому, что и сфера культуры, образования, науки стали рассматриваться в основном только с точки зрения получения дохода, прибыли, будучи уравнены с функционированием производства товаров, с реализацией требований рыночной экономики.

Фактически из лексикона общественной жизни и социальных практик исчезли такие понятия, как мораль и нравственность. Были подвергнуты обструкции практически все реальные достижения предшествующих эпох и в первую очередь советской. Стало распространяться унизительное и презрительное слово «совок», под которым понимались все советские люди. Был осмеян «Моральный кодекс строителя коммунизма», хотя внимательное его прочтение говорит, что 70–80% его содержания совпадает с Нагорной проповедью, с моральными установками других религий, в которых зафиксирован тысячелетний опыт развития народов, использованный и апробированный в организации публичной и личной жизни. Следствием такого подхода стало уже не скрытое, а декларируемое, открытое презрение и отношение к основным слоям народа как быдлу, как неудачникам, как бесперспективной, не умеющей жить массе. Стало модным декларировать свой успех, престижное потребление, презрение к тем, кто находится ниже по социальной лестнице. А если это декларируется сверху, в виде пожелания учителям, недовольным своей оплатой труда, идти заниматься бизнесом, то можно представить степень моральной деградации и абсолютной оторванности от реальной жизни произносивших эти слова.

Деформацию морального климата усиливает, с одной стороны, имитация деятельности, которая исходит, прежде всего, от представителей органов управления, которую достаточно отчетливо улавливает общественное сознание. С другой стороны, во все в большей степени распространяется такое явление, как анония, которое проявляется в социологически измеряемом феномене, как доверие. Именно его реальное состояние в России показывает катастрофически низкий его уровень ко всем уровням властной вертикали за исключением президента страны.

Произошло кардинальное изменение информационного пространства. Средства массовой информации — газеты, телевидение, радио — стали отражать интересы тех, кто их финансирует, не или мало заботясь о подаче правдивой информации. В результате стали массовыми фейковые методы в виде полного или частичного искажения, односторонней трактовки, преувеличения информации о происходящих в мире и в окружающей среде событиях, явлениях, процессах. Не удивительно, что именно в подобной обстановке появился феномен, такой как информационные киллеры (Доренко, Невзоров), которые прекрасно продемонстрировали методы передачи полуправды.

По мнению Ф. Шереги, шоу-передачам российского телевидения впору присвоить эпитет «истерический междусобойчик». Они занимаются «стиркой грязного белья», вынося на телеэкран в фокусированном виде все дрязги звезд шоу-бизнеса, разваливающихся семей и генетические аферы в отношении детей, якобы неизвестно от каких отцов родившихся. Такой концентрации социальной грязи в истории советского телевидения не было. Еще хуже ситуация с политическими шоу: порой опасаясь как бы не испачкаться от брызг с экрана слюны мечущихся в истерике телеведущих, поливающих все и вся, только не видящих бревно в своем глазу. Порой становится непонятным, то ли мы живем в России, то ли в Украине, то ли в США? В стране масса проблем с разрушающимися селами или горящими от степных и лесных пожаров. Но этих тем на политических телешоу не существует. Такая позиция российских СМИ, строящаяся на сгущении и злорадном смаковании несчастий людей, по сути, формирует у населения России чувство неполноценности, неспособности решить проблемы собственными силами, унижает его [2]¹. И почему исчезли рассказы о жизни и деятельности людей различных профессий, событий на производстве и в культуре (и не только звездных персон), поиски смысла жизни учителя, медсестры, инженера, шофера (кстати, это самая большая профессия в стране — их насчитывается более 7 млн), пасечника и т. д. и т. п. И построить это таким образом, чтобы было не только интересно слушать и смотреть, но и чтобы части молодежи захотелось сделать жизнь по этим образцам. Но, к сожалению, довлеет установка: писать о народе — не формат.

Кроме того, через средства массовой информации, в том числе через интернет, стали навязываться вопреки здравому смыслу сомнительные стандарты толерантности, политкорректности. К чему это приводит, говорит опыт ряда стран в отношении гомосексуалов, феминистской идеологии, ксенофобских организаций, когда вопреки здравому смыслу реализуется примиренческое отношение ко всем без исключения актам, особенно когда это касается общественного порядка и нравственности.

Немалую дезорганизующую роль в формировании нового мировоззренческого поля сыграли акции либералов и на поле словотворчества, когда полностью отрицались прежние слова и выражения, конструировались и внедрялись новые: «управляемая демократия», «либеральная империя», «консервативная модернизация». Придумали слова-обманки «крепкий хозяйственник», «надежный руко-

¹ См. подробнее Шереги Ф.Э. Интервью. URL: <http://www.socioprognoz.ru> (дата обращения: 25.10.2022). Текст: электронный.

водитель», «эффективный менеджер» — и даже заигрывают с термином «технократ». И зачем было запрещать слово «товарищ»?

В этом отрицании всего советского дело доходило до абсурда. Деструктивные личности вроде известного телеведущего П. Лабкова, который вел дачную тему, но никогда не забывал в каждой передаче лягнуть «советскую власть», коммунизм вместе с социализмом, оперировать при характеристике прошлого только словом «коммуняки». Патологические наклонности проявлялись в регулярных заявлениях типа «погребение Владимира Ленина стало бы для России шагом вперед» (директор Государственного музея истории ГУЛАГа Р. Романов). Вместо того чтобы заниматься делами созидания, эти люди видят возможность применить свои «способности» только к тому, чтобы «бегать с гробами», чем в свое время особенно прославился А. Собчак. По мнению Л. Радзиховского, это «ненависть классовая, стадная, почти биологическая» [16].

К этому примыкают и такие акции, когда амбициозные деятели, не зная, как проявить себя, выступают с такими законодательными инициативами: Следственный комитет России должен возбудить уголовное дело о заговоре с целью убийства Пушкина. Другая деятельница, прикрываясь заботой о здоровье, предлагает закрепление в законодательном порядке иметь каждому гражданину России талию не более 90 см. И это вместо решения вопросов, которые так остро стоят во всех сферах общественной жизни, в том числе и духовной.

Таким образом, в укреплении или дезорганизации жизни государства и общества важнейшую роль играет идеология. Однако существующее безвременье в духовно-идеологической сфере только усиливает травмирующее воздействие на человеческий потенциал и социальный капитал. Возникшие новые вызовы для социума в виде необходимости мировоззренческой определенности требуют скорейшего решения проблем жизнеустройства россиян, гуманизации их трудовой и общественной деятельности, создания возможностей для раскрытия творчества и реального участия в строительстве нового общества.

Литература

1. Адорно Т. Избранное: социология музыки. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. 445 с. Текст: непосредственный.
2. Асонов Н. В. Современная политическая культура России как элемент гражданского и религиозного типов общества // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 2. С. 39–47. Текст: непосредственный.
3. Биккенин Н. Б. Социалистическая идеология. Москва: Политиздат, 1983. 414 с. Текст: непосредственный.
4. Дугин А. Г. Геополитика России. Москва: Гаудеамус: Академический проект, 2011. 584 с. Текст: непосредственный.
5. Иноземцев В. Кризис великой идеи // Свободная мысль. 2011. № 1. С. 17–28. Текст: непосредственный.
6. Крашенинникова В. Европа: быть или не быть // Литературная газета. 2019, № 10. 13–19 марта.
7. Ленин В. И. Три источника и три составные части марксизма // Полное собрание сочинений. Т. 23. Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1973. 622 с. Текст: непосредственный.
8. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии) // Полное собрание сочинений. Т. 6. Москва: Госполитиздат, 1963. 644 с. Текст: непосредственный.

9. Макаренко В. П. Главные идеологии современности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 476 с. Текст: непосредственный.
10. Манхейм К. Идеология и утопия // Избранное: диагноз нашего времени. Москва: Юрист, 1994. 698 с. Текст: непосредственный.
11. Марков Б. В. Незавершившаяся революция: политическая философия Франкфуртской школы // Вестник СПбГУ. Философия и политология. 2018. Т. 24, вып. 1. С. 79–90. Текст: непосредственный.
12. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Сочинение. Москва: Госполитиздат, 1954. Т. 1. С. 414–429. Текст: непосредственный.
13. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Сочинение. Москва: Госполитиздат, 1959. Т. 13. 770 с. Текст: непосредственный.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Москва: Госполитиздат, 1950. 72 с. Текст: непосредственный.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Нищета философии // Сочинения. Москва: Госполитиздат, 1955. Т. 3. 630 с. Текст: непосредственный.
16. Москвичев Л. Н. Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. Москва: Мысль, 1971. 238 с. Текст: непосредственный.
17. Радзиховский Л. Классовая ненависть // Версия. 2019. 4 марта. URL: <https://versia.ru/klassovaya-nenavist?ysclid=lfv4p8ze2x151755546> (дата обращения: 12.03.2023). Текст: электронный.
18. Ржешевский Г. О кризисе великой идеи // Свободная мысль. 2011. № 4. С. 147–158. Текст: непосредственный.
19. Славин Б. Ф. Идеология возвращается. Москва: Социально-гуманитарные знания, 2009. 647 с. Текст: непосредственный.
20. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с. Текст: непосредственный.
21. Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html?ysclid=lftxbkir3m403233546 (дата обращения: 15.03.2023). Текст: электронный.
22. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Весь мир, 2020. 352 с. Текст: непосредственный.
23. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Москва: Наука, 2018. 350 с. Текст: непосредственный.
24. Тощенко Ж. Т. Теократия: фантом или реальность? Москва: Academia, 2007. 664 с. Текст: непосредственный.
25. Ципко А. С. Милитаризация сознания убивает инстинкт самосохранения и делает смерть сакральной // Независимая газета. 2019. 3 июля. URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-07-03/5_7613_ideas.html?ysclid=lfty0370qq708703866 (дата обращения: 16.03.2023). Текст: электронный.
26. Щипков А. Протестная рента. Средний класс, призванный консолидировать общество, его раскалывает и дестабилизирует // Независимая газета. 2019. 7 июля. URL: https://www.ng.ru/politics/2019-07-07/8_7616_chrono.html?ysclid=lfty3vlguj156576270 (дата обращения: 16.03.2023). Текст: электронный.
27. Явлинский Г. А. Периферийный капитализм. Москва: Интегорал-Информ, 2003. 159 с. Текст: непосредственный.
28. Mullins W. A. (1972). On the Concept of Ideology in Political Science // American Political Science Review No. 66(2). P. 498–510. DOI: 10.2307/1957794.

Статья поступила в редакцию 08.04.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

IDEOLOGICAL STAGNATION AS A CHARACTERISTIC
OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Zhan T. Toschenko

Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Scientific Supervisor of Sociology Faculty,
Russian State University for the Humanities
6 Muisskaya Square, Moscow 125047, Russia;
Chief Researcher of Sociology Institute,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences RAS
24/35, corp. 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia
zhantosch@mail.ru

Abstract. The article analyzes the origin, development and interpretation of the concept of ideology. Particular attention is paid to how this concept appeared in the history of social thought, developed and refined. We have considered the structure of ideology, its various interpretations, and revealed based on it the recent trends of modern ideological concepts. Special attention is paid to the renaissance of interest in issues of ideology and its implementation in social and political life of Russia. We have separately analyzed the limitations and obstacles to the development of ideology.

Keywords: ideology, modern ideological concepts, ideology renaissance, Russian, society, state ideology.

Toschenko Zh. T. Ideological Stagnation as a Characteristic of Modern Russian Society. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2023; 2: 3–19 (In Russ.).

The article was submitted 08.04.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья

УДК 81'27(=512.31)

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-20-28

ДЕТСКИЙ БУРЯТСКО-РУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ: ДИНАМИКА СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

© **Дырхеева Галина Александровна**

доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
an5dagl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты проведенного в 2021 г. социологического обследования состояния бурятского языка среди детей дошкольного и школьного возраста Республики Бурятия. Результаты приводятся в сравнении с проведенными ранее (в 2000 г.) обследованиями. Особое внимание уделено учащимся средних общеобразовательных школ, признанию ими родного языка, их языковой компетенции, сферам использования бурятского языка, эффективности его преподавания в школе, ценностным ориентациям и языковым установкам, а также эмоционально-оценочным языковым характеристикам. В целом фиксируется ухудшение языковой ситуации в детской языковой среде.

Ключевые слова: бурятский язык, дошкольники, школьники, билингвизм, сравнительный анализ, родной язык, витальность языка.

Для цитирования:

Дырхеева Г. А. Детский бурятско-русский билингвизм: динамика социолингвистических изменений // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 20–28.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках государственного задания («Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», №121031000258-9)

Как известно, одним из показателей витальности языка является его использование молодым поколением этноса. Очевидно, что это особенно важно для языков, находящихся под угрозой исчезновения. В частности, анализ, мониторинг особенностей владения родным языком среди школьников и детей садовского возраста регулярно проводятся в Бурятии. В 2021 г. было проведено очередное масштабное обследование, целью которого было исследование состояния характерных факторов и тенденций сохранения и развития бурятского языка в среде детей дошкольного и школьного возрастов в Республике Бурятия как основополагающего этнического признака народа в условиях возрастания глобализационных процессов.

В данной работе сделана попытка частично сопоставить полученные данные с результатами обследования двадцатилетней давности (с 2000 г.) с целью выявления динамики социолингвистических изменений среди воспитанников дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) [2] и учащейся молодежи Бурятии (СОШ — средние общеобразовательные школы) [6].

Таблица 1

Общие социолингвистические сведения по обследованному массиву (учащиеся-буряты), (%) / город /данные 2000 г.

	Признали родным			
	бурятский язык	русский язык	оба языка	нет ответа
Учащиеся СОШ	55,23/44,03/66,4	24,26/33,1/8,9	1,8/2,1/2,8	18,2/20,0/22,0
	До школы говорили преимущественно			
	На бурятском языке	На русском языке	На обоих языках	-
	27,0/15,7/26,4	69,3/80,15/44,8	2,09/2,4/29,3	-
	Родной язык отца			
	Бурятский язык	Бурятский язык	Бурятский язык	Бурятский язык
	68,23/.../79,5	68,23/.../79,5	68,23/.../79,5	68,23/.../79,5
	Родной язык матери			
	Бурятский язык	Бурятский язык	Бурятский язык	Бурятский язык
	68,52/.../79,3	68,52/.../79,3	68,52/.../79,3	68,52/.../79,3

Полученные данные не всегда сопоставимы, поскольку при обследовании 2000 г. и 2021 г. перед исследователями стояли разные задачи, что обусловило, в частности, объемы и качество выборок, а также содержание опросников. Так, например, генеральную совокупность в работе Т. П. Бажеевой составили однонациональные бурятские семьи с детьми дошкольного возраста, посещающие детские сады или воспитывающиеся дома, а в 2021 г. были опрошены только родители детей, посещающих детские сады. Кроме того, в опросник не были включены вопросы об уровне владения детьми бурятским и русским языком и о сферах использования этих языков. Несколько отличались и формулировки вопросов и варианты ответов. Что касается учащихся СОШ, то последнее обследование было, наоборот, более расширенным за счет вопросов, касающихся такого субъективного фактора, как ценностное отношение учащихся к знанию и изучению бурятского языка.

Всего в опросе 2021 г. участвовали родители 936 детей из 15 сельских районов Бурятии и г. Улан-Удэ и 1 385 учащихся средних и старших классов (возраст от 10 до 16 лет) средних общеобразовательных школ 16 районов республики и г. Улан-Удэ.

Что касается опроса родителей детей, посещающих детские сады, то сопоставимыми оказались три вопроса: Говорите ли Вы на бурятском языке? Изучали ли Вы бурятский язык в школе? На каком языке Вы преимущественно общаетесь с детьми?

Так, на первый вопрос 55,24% современных молодых родителей ответили положительно. В 2000 г. 58,7% ответили, что «хорошо» говорят по-бурятски, а 25% — «удовлетворительно». Также не в пользу бурятского языка оказались ответы на третий вопрос: существенно увеличилась доля родителей, общающихся с детьми только на русском языке, с 27,4 (в 2000 г.) до 47,65%. Только бурятский язык в этой сфере общения ранее использовали 12%, теперь 6,73%. Соответ-

ственно уменьшилась доля функционального использования обоих языков с 60,6 до 38,15%. Интересными оказались результаты опроса по второму вопросу: достаточно значительная часть молодых родителей изучала бурятский язык в школе, 44,12% ответили, что изучали его все школьные годы, а 28,53% «изучали в некоторых классах». Двадцать лет назад только 47,4% родителей ответили на вопрос положительно, то есть можно отметить определенный рост грамотных по-бурятски родителей, которые однако не используют полученные ими знания, компетенции и не передают их своим детям. В связи с этим можно еще раз отметить решающее значение семейного общения. Так, «по мнению американского лингвиста Дж. Фишмана, который проанализировал, каким образом некоторым языкам удалось «подняться», находящийся под угрозой или исчезающий язык может вновь отвоевать утраченные позиции, если семья, объединив усилия всех поколений, будет систематически и серьезно поддерживать деятельность школы и иных общественных институтов — и все это при условии позитивного взаимодействия с национальным языком» [8, с. 118].

Как показал сравнительный анализ результатов по учащимся СОШ, то также почти по всем параметрам разница между показателями 2000 г. и данных последних лет оказалась не в пользу бурятского языка. В частности, это можно показать по доле учащихся-бурят, признавших родным бурятский язык.

Статус родного языка — один из основных параметров языковой ситуации. Как показывают результаты переписей населения, число бурят, признающих родным свой язык, постоянно уменьшается. По данным проведенного анкетирования, среди учащихся также наблюдается эта тенденция (табл. 1): родным признали бурятский язык 55,23% опрошенных, русский язык — 24,26%, оба языка — 1,81 и 18,19% не ответили на вопрос. При опросе двадцатилетней давности родным признали бурятский язык 66,4%. При этом можно отметить резкий рост показателей признания родным русский язык с 8,9% в 2000 г. до 24,26% в 2021 г.

Неточность определения понятия «родной язык» еще более подтвердилась при данном опросе, о чем, во-первых, свидетельствуют вопросы респондентов, что считать родным языком, во-вторых, как и двадцать лет назад, наблюдается довольно высокий процент не ответивших на вопрос о родном языке (18,9%/20,0%/22,0%). При этом можно предположить, что основными факторами в данном случае являются этническая принадлежность, язык семьи, родителей. Интересно, что соотношение показателей родного языка матери и отца за 20 лет практически не изменилось: 68,52%/79,3% (родной язык матери), 68,23%/79,5% (родной язык отца). В среднем же показатель «бурятский — родной язык» у родителей уменьшился на 10%, а «русский — родной язык» увеличился на 15%.

Судя по данным таблицы 1, можно считать стабильными данные об использовании до школы только бурятского языка: 26,4% в 2000 г. и 27,0% в настоящее время. Однако существенно (почти на 30%) увеличился процент говорящих только на русском языке. Очевидно, что данное увеличение произошло за счет тех, кто в 2000 г. ответил, что до школы использовал оба языка. Интересно, что, как и в случае прошлого опроса, наблюдаются определенные разночтения или «ножницы» между данными: 40,87% ответили, что знают бурятский язык с детства, однако использовали его до школы только 27% (63,9% против 29,3% в 2000 г.).

Как известно, способ расселения — город/село — детерминирует социальный состав и языковую компетенцию носителей языка, определяет качество, уровень владения языком. Очевидно, что именно в городах и районных центрах Бурятии, как и в других многонациональных городах страны, где процесс интернационализации идет более интенсивно, вопрос о национально-русском двуязычии, о знании бурятами родного языка стоит более остро. Так, судя по данным таблицы 1, доля учащихся, признающих родным бурятский язык в городе меньше, чем в целом по республике, примерно на 10% и в селах более чем на 20% (65,7%). Соответственно русский язык родным городские школьники признают более чем в два раза чаще, чем сельские (33,1% против 15,9%).

Показатель признания того или иного языка родным тесно связан с уровнем владения языками. Как показано в таблице 2, в целом для учащихся характерно ухудшение владения родным языком: оценки «очень хороших» и «хороших» устных форм (понимаю и говорю) понизились в среднем на 6–8%. Соответственно увеличились в среднем на 5–6% показатели «плохо» и «не владею».

Что касается письменных форм владения бурятским языком (чтения и письма), то здесь в отличие от 2000 г. заметно увеличение числа «удовлетворительно» владеющих чтением и письмом и незначительное увеличение числа учащихся «очень хорошо» читающих и пишущих (в 2000 г. наблюдалось увеличение «плохо» читающих и пишущих за счет не владеющих) и уменьшились оценки «плохо» и «не владею». То есть обучение бурятскому языку в школе более эффективно сказалось на письменных формах владения бурятским языком.

Таблица 2

Формы и степень владения бурятскими учащимися бурятским языком (%) / данные 2000 г.

Оценка	Очень хорошо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Не владею
Понимаю	18,48/17,9	27,15/33,8	21,23/19,2	20,07/16,0	10,9/5,5
Говорю	8,95/10,0	14,87/26,2	21,08/22,6	31,7/26,6	19,57/13,2
Читаю	11,19/8,8	28,01/26,2	32,42/25,8	16,17/23,2	8,66/14,6
Пишу	7,44/5,9	22,09/22,7	34,44/23,4	20,43/24,4	11,41/22,1

Показатели владения устными формами знания бурятского языка пока остаются относительно низкими у городских школьников (табл. 3). Увеличение «очень хорошо» понимающих и говорящих на родном языке, возможно, произошло за счет миграции сельских жителей с детьми в город. При этом незначительно уменьшились все остальные показатели: «хорошо», «удовлетворительно», «плохо». К сожалению, самыми высокими остаются оценки «плохо» говорю по-бурятски.

Таблица 3

**Формы и степень владения бурятскими учащимися бурятским языком
в г. Улан-Удэ (%) / данные 2000 г.**

Оценка	Очень хорошо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Не владею
Понимаю	12,1/7,2	24,2/28,9	23,3/26,5	23,7/25,3	13,9/11,4
Говорю	4,5/3,0	8,96/10,2	21,64/23,5	36,42/37,3	23,73/24,1
Читаю	7,16/2,4	25,22/12,0	35,5/24,7	16,1/30,7	11,8/28,3
Пишу	4,33/0,6	17,8/7,8	38,06/17,5	19,55/27,1	15,37/45,2

Как отмечает А. М. Шахнарович [7, с. 446], степень владения тем или иным языком зависит от времени общения на этом языке и частоты переключения с одного языка на другой. Данные предыдущего опроса (2000 г.) показали, что наиболее часто (35,6% опрошенных учащихся-бурят) переключение с бурятского языка на русский происходило в общественных местах (магазин, транспорт, службы быта и т. д.), в учебном заведении (22,6%). Однако чаще всего (36,7%) переход на русский язык происходит в случае, когда «собеседник не понимает Вас», то есть бурятский язык играет определенную роль в национальной идентификации индивида, при выборе языка общения («с бурятами я говорю по-бурятски»). Вариант ответа «когда, по Вашему мнению, более престижно разговаривать на русском языке» выбрали 6,3% респондентов.

Таблица 4

**Использование бурятского и русского языков
в различных сферах общения (%) / город / данные 2000 г.**

Сфера общения	В основном по-бурятски	В основном по-русски	На обоих языках	Нет ответа
1 Школа	5,78/1,8/14,7	88,23/92,7/72,6	4,04/3,43/7,6	1,95/2,1/4,9
2 Дом	28,81/17,8/38,2	61,01/72,4/50,5	7,94/7,6/10,2	2,24/2,24/1,1
3 С друзьями	6,64/1,5/19,5	85,92/93,28/64,7	4,55/1,94/14,0	2,89/3,3/1,8

Уровень владения родным языком, очевидно, повлиял на объем его использования во всех сферах. Практически на 10% сократилось общение на бурятском языке дома, в школе и с друзьями. Существенно изменились показатели «с друзьями» — на 20%. То есть, как отмечает Н. Б. Вахтин, «чем меньше используют язык, тем сложнее для них он становится в общении» [4, с. 234]. И можно добавить, тем сложнее его учить.

Как известно, школа является одним из важнейших социальных и стабилизирующих языковое образование факторов. Национальная школа — один из важнейших факторов сохранения, развития, распространения национального языка, национально-русского билингвизма. Ответы на вопросы анкеты показали, что изучение национального языка в школе дает людям не только знание языка, но и уверенность в себе, помогает в утверждении национального самосознания. Она обеспечивает или должна обеспечивать полноценное знание языка. Как отмечено выше (табл. 1), до школы разговаривали только на родном языке 27,0%

опрошенных, на русском языке — 69,31%, на обоих — 2,09%. При этом 40,87% учащихся ответили, что знают его с детства, а 60,22% учат его в школе, чему способствует также родители (19,86%) и бабушки/дедушки (17,83%). Фактор общения на родном языке в детстве, до школы, является очень важным, считает Н. Б. Вахтин [3], поскольку в пожилом возрасте именно те, кто усвоил родной язык в детстве, даже если в молодости говорил в основном по-русски, затем может возвратиться к родному языку. Вероятно, это связано с психическими особенностями мозга: язык, усвоенный первым, оседает в подсознании глубже. Как пишет В. М. Алпатов [1, с. 12], при усвоении языка до 5–7 лет задействованы оба полушария мозга, после — только левое полушарие.

Школа и особенно язык, на котором ведется преподавание, благодаря непосредственному распространению письменных и устных литературных норм являются одним из доминирующих факторов не только в приобщении к русскому языку, но и в поддержании национального языка. Фактически в этом смысле школа имеет даже большее значение, чем семья, поскольку объем общения в семье после того, как ребенок пошел в школу постоянно сокращается. В семье язык выполняет ограниченные функции и в социальном плане он менее престижен, чем, например, язык межнационального общения. Как отмечает Т. А. Гуриев, «ориентация в обучении родному языку только на семью является ошибкой, порожденной незнанием эффекта массового двуязычия населения... язык, загнанный в рамки семьи, не может быть эффективным средством общения, он обрекается на деградацию и вымирание» [5, с. 62–63].

Как отмечено выше, введение преподавания бурятского языка незначительно, но все-таки сказалось на уровне (особенно письменными формами) его владения опрошенными. Возможно, что незначительные изменения связаны с тем, что только 57,76% опрошенных (51,8% в 2000 г.) бурят оказались довольны преподаванием бурятского языка, 10,25% (25% в 2000 г.) охарактеризовали преподавание отрицательно, а 29,75% остались безразличными к данной проблеме. При этом желающих «очень хорошо» знать родной язык оказалось больше (67,44%), чем довольных его преподаванием, а 60,79% положительно ответили на вопрос «если ты не знаешь или плохо знаешь бурятский язык, хотел бы его изучать?».

В данном обследовании по сравнению с предыдущим особое внимание было уделено такому этнопсихологическому фактору, как ценностные ориентации молодежи в области языка, поскольку, как показал анализ двадцатилетней давности, подобные субъективные факторы играют существенную роль в определении приоритетного развития того или иного языка. Поскольку сравнение этносов по признакам распространения тех или иных норм затруднительно, для анализа этнолингвистических особенностей был использован ценностный подход, так как ценности — мощный нормообразующий фактор, основной стимул человеческой деятельности. Попытка использования такого подхода расширяет диапазон параметров, обычно привлекаемых для изучения вопросов языкового контактирования, а также помогает ответить на ряд вопросов исследования.

На выявление оценочных языковых установок были направлены несколько вопросов, в частности: «почему ты изучаешь бурятский язык?», «если ты не знаешь и не хочешь изучать его, то почему?», «какими словами можно охарактеризовать бурятский язык?», «какими словами можно охарактеризовать русский язык?».

Таблица 5

Мотивы изучения бурятского языка, %

		Итого	
		2000 г.	2021 г.
1.	Потому что считаю родным.	71,3	56,97
2.	Потому что его преподавали (ют).	21,3	49,1
3.	Потому что нравится изучать языки.	9,8	27,8
4.	Потому что заставляют родители.	4,0	8,88
5.	Потому что он помогает в общении с друзьями, родств.	21,3	-
6.	Он позволяет знакомиться с достиж. бур. нац. культуры.	31,2	-
7.	Другие причины.	1,6	1,88
8.	Нет ответа	6,9	4,69

Как видим, мотивация изучения бурятского языка как родного значительно снизилась, причем она практически совпадает с оценкой признания его родным (55,23 %). Соответственно, повысилась мотивация «потому что его преподавали (ют) в школе» и «потому что нравится изучать языки».

Среди причин нежелания или невозможности изучать бурятский язык большинство указали на то, что испытывают трудности в изучении языков (24,33%), на втором месте стоит ответ, что он им не пригодится в жизни (23,9%) или «на нем не с кем общаться, в нем нет необходимости» (15,96%).

Проведенный эксперимент позволил также установить отношение респондентов к русскому и бурятскому языкам, выявить наиболее актуальные их, в том числе, эмоционально-оценочные характеристики, которые в некоторой степени репрезентируют состояние национально-языковых отношений. Для этого в анкету были включены два вопроса: Какими словами Вы охарактеризовали бы бурятский язык? Какими словами Вы охарактеризовали бы русский язык? (Варианты ответов: родной, красивый, богатый, древний, сложный, непонятный, чужой, интересный, необходимый, исчезающий, странный, вымирающий, тяжелый, могучий, любимый, легкий).

Доля охарактеризовавших бурятский язык как «родной» (55,88%) пока самая большая и она почти совпала с долей признавших его родным (55,23%). На втором месте стоит характеристика «исчезающий» (53,72%). Далее по порядку бурятский язык: «красивый» (50,83%), «интересный» (48,95%), но «сложный» (47,73%) и «вымирающий» (45,2%), он «древний» (43,03), но «непонятный» (42,09%) и «тяжелый» (40,43%) и т. д. Только 26,21% ответили, что он «необходимый», а для 12,25% он «чужой». В сумме же доля положительных реакций (342,38%) превышает долю негативных реакций (273,72%).

Отношение к русскому языку выглядит следующим образом: в первую очередь он «богатый» (58,34%) и «необходимый» (55,09%), «легкий» (43,97%), «могучий» (43,61%), «красивый» (40,94%), «любимый» (39,06%), «интересный» (37,76%), «древний» (35,31%) и для достаточно большой части опрошенных уже «родной» (25,27%). Вероятно, «сложным» (26,93%), «тяжелым» (22,31%) и «непонятным» (10,16%) он является в плане его усвоения. Негативные реакции «чужой» (26,06%), «странный» (8,38%), «исчезающий» (3,39%), «вымирающий»

(2,82%) оказались в конце списка. Доля положительных оценок (379,35%) существенно превышает долю отрицательных (100,07%).

То есть значимость ценностного отношения к этническому языку как к национально-культурному явлению пока поддерживается. Очевидно, что оба языка имеют преобладающую положительную характеристику, причем значительную долю составляют эстетические характеристики. Однако в первую очередь здесь представлен этноидентифицирующий маркер, а на втором месте стоит прагматический, утилитарный мотив. Значительное число реакций со значением «трудный» (непонятный, сложный) в определенной степени объясняется системными проблемами в их освоении.

В целом, к сожалению, ситуация с бурятским языком остается критической. Судя по полученным результатам, перспективы его дальнейшего существования кажутся удручающими. Пока в Бурятии имеется возможность поддержать и сохранить естественный, а не искусственный (выученный чаще всего самостоятельно или при обучении в школе) бурятско-русский билингвизм. Нельзя допустить слом естественной передачи родного языка от родителя к ребенку. Для этого необходимо воспользоваться, в том числе, и объявленным ООН 10-летием языков коренных народов (2022–2032 гг.). Содержательным в этом плане является разработанная в этом русле ведущими специалистами РАН Концепция языковой политики РФ¹. Интерес, в частности, представляют пункты IX. Механизмы сохранения языкового многообразия, защиты и сохранения языков России данной Концепции и XVI. Инструменты реализации языковой политики Российской Федерации

Литература

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Москва: Крафт+, Ин-т языкознания РАН, 2000. 224 с. Текст: непосредственный.
2. Бажеева Т. П. Социальный и языковой аспекты формирования раннего (детского) бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 151 с. Текст: непосредственный.
3. Вахтин Н. Б. К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере. (Предварительные результаты исследования) // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 45–59. Текст: непосредственный.
4. Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с. Текст: непосредственный.
5. Гуриев Т. А. Семья и проблемы обучения родному языку // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. Москва, 1994. С. 61–64. Текст: непосредственный.
6. Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 188 с. Текст: непосредственный.
7. Шахнарович А. М. Раннее двуязычие: внутренний и внешний аспекты // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: материалы международной кон-

¹ [konceptsiya_jazykovo_j_politiki.pdf \(iling-ran.ru\)](#) (дата обращения: 12.03.2023). Текст: электронный.

ференции (Москва, 22–25 октября 1996 г.). Москва, 1996. С. 445–449. Текст: непосредственный.

8. Эран Ф., Филон А., Депре К. Динамика языковой ситуации во Франции в XX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. С.114–119. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после рецензирования 08.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

CHILDREN'S BURYAT-RUSSIAN BILINGUALISM: DYNAMICS OF SOCIOLINGUISTIC CHANGES

Galina A. Dyrkheyeva

Dr. Sci. (Phil.), Chief Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
an5dag1@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological survey of the state of the Buryat language conducted among preschool and school-age children of the Republic of Buryatia in 2021. We have compared its results with previous surveys, carried out in 2000. Particular attention is paid to the recognition of the native language by students of secondary schools, their language competence, areas of use of the Buryat language, the effectiveness of its teaching at school, value and language attitudes, as well as emotional and evaluative language characteristics. In general, we observe the deterioration of the language situation in the children's language environment.

Keywords: the Buryat language, preschoolers, schoolchildren, bilingualism, comparative analysis, native language, language vitality.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the state assignment ("The Human World in the Mongolic Languages: Analysis of the Means of Expressing Emotiveness", No. 121031000258-9)

Dyrkheyeva G. A. Children's Buryat-Russian Bilingualism: Dynamics of Sociolinguistic Changes. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2023; 2: 20–28 (In Russ).

The article was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 08.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья

УДК 81.512.31:316.43

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-29-37

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© Бадараев Дамдин Доржиевич

доктор социологических наук, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6;
доцент кафедры теории социальной работы,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
damdin80@mail.ru

© Актамов Иннокентий Галималаевич

кандидат педагогических наук,
заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков»
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6;
доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
aktamov13@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния и тенденций изменения бурятского языка во взглядах студентов Республики Бурятия. Оценки объективного и субъективного плана, касающиеся современного этноязыкового пространства региона, демонстрируют ряд очевидных парадоксов. По результатам Всероссийской переписи населения 2020 г., впервые за постсоветский период выявлена положительная динамика изменения бурятского языка в полиэтническом регионе. Результаты социологического исследования показывают высокий уровень этнического самосознания студентов, который не коррелируется с их реальным уровнем владения бурятским языком. В языковой среде современной бурятской молодежи доминирует билингвизм, бурятский язык остается преимущественно средством общения между выходцами из сельской местности, особенно с родителями и родственниками. Русский язык превалирует в общении студентов с их друзьями и полностью доминирует в учебном процессе. Относительно состояния и перспектив развития бурятского языка студенты придерживаются пессимистических взглядов, продолжается сужение этноязыковой среды.

Ключевые слова: бурятский язык, студенческая молодежь, Республика Бурятия, языковая среда, этническое самосознание.

Для цитирования:

Бадараев Д. Д., Актамов И. Г. Бурятский язык в оценках студенческой молодежи (по материалам социологического исследования) // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 29–37.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)»). № 121031000243-5).

Введение. В условиях глоболокальной модернизации язык остается одним из наиболее уязвимых признаков национальной идентичности бурят как крупной коренной этнической группы Сибири и Дальнего Востока. Бурятский язык, также как и другие миноритарные языки в Российской Федерации, оказался в ситуации, требующей всемерной поддержки со стороны органов власти региона, муниципалитетов разных уровней, широкой общественности, научных и образовательных структур, поэтапного принятия мер для расширения сфер его практического применения. Принятие в 2021 г. очередной Государственной программы Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы» стало важным событием в регионе, демонстрирующим возможности межведомственного участия представителей разных министерств, ведомств и структур в решении сложившихся задач в языковой среде республики.

Как показывает практика, возникает противоречие между юридическим статусом языков народов России и социальными функциями конкретного языка в локальном обществе. В большинстве случаев языки народов выполняют декоративную функцию. Можно выделить две социолингвистические тенденции в современном языковом пространстве. Первая тенденция выражена в расширении социальных функций языка большинства и обусловлена глобальным научно-техническим прогрессом, а вторая тенденция — в попытках выработать механизмы сохранения языкового разнообразия как на международном (ООН, ЮНЕСКО), так и на государственном уровне. Сохранение языков этнических групп, защита языковых прав личности являются одним из приоритетных направлений внутренней политики государства. Языковая ситуация, как показывают события в мире, является особо болезненной и взрывоопасной и потенциально может стать поводом к конфликтным ситуациям. От механизмов реализации государственной языковой политики, их эффективности зависит стабильность внутривнутриполитической ситуации.

Наравне с объективными факторами важнейшее значение имеет и субъективная сторона этноязыкового процесса, что непосредственно связано с внутренней мотивацией и наличием интереса к своему этническому языку у представителей того или иного народа. В этой связи особый интерес вызывают вопросы, касающиеся субъективных оценок этноязыковой ситуации в среде современной студенческой молодежи бурят в Республике Бурятия.

Цель и методы. Сектор социологии ИМБТ СО РАН совместно с Министерством образования и науки Республики Бурятия на протяжении последних двадцати лет проводит панельное исследование по изучению процессов сохранения и развития бурятского языка в различных социокультурных средах. Данное исследование можно рассматривать как часть большого мониторингового проекта. По результатам предшествующих этапов проекта сделаны определенные выводы, составлены практические рекомендации для разных целевых групп [2]. Исследование 2022 г. проводилось с применением метода анкетирования, основная цель которого — показать современное состояние бурятского языка в молодежной среде, выявить характер и интенсивность его использования, а также определить факторы, способствующие поддержке, сохранению и развитию бурятского языка.

Анкетирование проведено в форме онлайн-опроса и было ориентировано на студенческую молодежь бурят, обучающихся в средних специальных и высших учебных заведениях республики. Выбор студентов обусловлен специфическими характеристиками этой социально-демографической группы, воспроизводственной значимостью и выполняемой ею ролью как носителя этнонациональных признаков бурятского народа в настоящем и будущем.

В выборочную совокупность исследования были включены студенты четырех вузов и четырех ССУЗов, условно распределенных по четырем направлениям: естественнонаучное, гуманитарное, технологическое, социально-экономическое. Ввиду локализации абсолютного большинства вузов и ССУЗов республики в столице региона исследование проводилось в г. Улан-Удэ. В выборочной совокупности анкетирования представлены следующие профессиональные учебные заведения республики: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, Восточно-Сибирский институт культуры, Республиканский базовый медицинский колледж им. Э. Р. Раднаева, Бурятский республиканский педагогический колледж, Байкальский колледж туризма и сервиса, Колледж искусств им. П. И. Чайковского, Бурятский аграрный колледж им. М. Н. Ербанова. Отбор студентов для участия в онлайн-анкетировании производился по следующим признакам: национальность, место учебы, направление обучения. В анкетировании приняли участие 1 035 студентов ССУЗов и вузов Республики Бурятия. Вузы представляли 565 чел., а ССУЗы — 459 чел., 11 чел. не указали свое учебное заведение.

Результаты исследования. Проведение мониторинговых исследований предполагает комплексный анализ статистических показателей по изучаемому объекту, а также результатов социологического исследования. Так, по данным Министерства образования и науки Республики Бурятия, в 2021 г. общая численность студентов всех форм обучения составила 46 979. Обучались в четырех вузах республики (БГУ, ВСГУИУ, БГСХА, ВСГИК) и одном филиале (БИИК СибГУТИ) 19 072 чел., из которых в очной форме — 10 312, очно-заочной — 697, заочной — 8 063 чел. На средства федерального бюджета обучались в очной форме 7 867 чел. В 22 ССУЗах с их филиалами контингент студентов составил 27 907. Объективные данные об этнонациональном составе республики представлены результатами Всероссийской переписи населения — 2020. Так, самыми многочисленными этническими группами в Бурятии являются русские (63,94% — 581,76 тыс. чел.) и буряты (32,46% — 295,27 тыс. чел.). К коренным малочисленным народам Бурятии относятся сойоты (4 316 чел.) и эвенки (2 995 чел.). В этнической структуре республики выделяются татары (4 035 чел.), украинцы (2 007 чел.), узбеки (1 942 чел.), армяне (1 639 чел.), азербайджанцы (1 433 чел.), киргизы (1 343 чел.) и т. д. В данных ВПН 2020 г. высок показатель лиц, в переписных листах которых национальная принадлежность не указана (7% — 68 873 чел.)¹.

¹ Всероссийская перепись населения 2020 г. // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://burstat.gks.ru/vpn2020> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.

Дискурсивная практика и результаты государственных переписей населения 1989, 2002, 2010 гг. показывают, что между показателями признания языка родным и уровнем владения им на практике может быть существенная разница как методологического, так и количественного плана. Например, в 2010 г. при наличии в переписном бланке обоих пунктов бурятский язык родным указали 81,6% бурят, тогда как уровень владения языком был ниже почти в 2 раза — 43,6%. За межпереписной период ситуация с бурятским языком претерпела существенные изменения. По данным ВПН-2020, родным признали бурятский язык 261,7 тыс. чел., что соответствует 88,6% общего количества бурят (295,27 тыс. чел.), что больше на 7% показателей ВПН-2010. Небывалые позитивные изменения продемонстрировали данные по уровню владения бурятским языком в результатах ВПН-2020: владеют бурятским языком 204,2 тыс. чел., из них используют его в повседневной жизни 192,0 тыс. чел., что соответствует 69,1% и 65% по отношению к численности бурят. Среди населения республики в возрасте 15–24 года численность владеющих бурятским языком составила 21 921 чел. Произошел фактический рост уровня владения языком за последние 10 лет почти на 50%. Гипотетические суждения относительно такого роста уровня владения бурятским языком могут быть связаны, во-первых, со спецификой методологии проведения переписей населения в 2010 г. и 2020 г.; во-вторых, появлением реальных результатов реализации «Государственной программы сохранения и развития бурятского языка в Республике Бурятия» и включенностью общественных институтов в данную проблематику; в-третьих, подъемом этнического самосознания и самоидентификации бурятского населения. Ввиду некоторой условности пунктов по языку в переписных бланках требуется дополнительное, более углубленное рассмотрение таких показателей в призме социологического анализа.

Изучение этноязыкового сознания студенческой молодежи бурят позволило выявить следующие характерные особенности. На стандартный вопрос «Какой язык вы считаете родным?» 41% студентов дали ответ «бурятский», 22% ответили «русский», 36% считают оба языка родными. Одним из критических состояний языка меньшинства при билингвизме части говорящих на нем выступает переход билингвов (в нашем случае национально-русских билингвов) на функционально второй для них язык — на русский язык. Вполне понятно, что данный переход не связан с дефектами языковой компетенции и обусловлен либо несоответственной престижностью языков (при этом снижение престижа языка собственного этноса наведено извне из среды русскоговорящих при активном посредстве тех же билингвов) либо общими стереотипами коммуникации в полиэтничном социуме [1; 3]. Данные социологического исследования подтверждают достаточно высокое количество русскоязычных монолингвов в среде бурятской учащейся молодежи.

В целом готовность владеть бурятским языком в общей сложности выразили 85% опрошенных, что является довольно высоким показателем. Вместе с тем 16% респондентов не рассматривают хорошее владение родным языком жизненной необходимостью. Более того, следует учитывать, что готовность владеть языком далеко не всегда реализуется на практике в конкретную стратегию по его изучению. Таким образом, студенты-буряты, независимо от возраста, вуза или ССУЗа, места рождения, демонстрируют желание знать родной язык или, по крайней мере, отсутствие явного неприятия.

Данные ответов респондентов из числа студенческой молодежи подтверждают одну из рабочих гипотез о том, что знание родного языка уже не воспринимается как основной критерий этнической идентичности. Вместе с тем общепризнано, что именно язык является фундаментом и основным источником развития национальной культуры. Согласно полученным данным чуть менее 10% учащейся молодежи из города преимущественно говорят и думают на бурятском языке. Разница между городскими и сельскими жителями составляет порядка 5%. Это свидетельствует о том, что в сельской местности также сужается языковая среда и знание языка перестает быть основным этнодифференцирующим параметром.

По результатам исследования ожидаемо подтвердилась очередная гипотеза о более широком использовании бурятского языка в сельской местности — почти треть опрошенных респондентов является выходцами из села. В целом 30,2% сельских студентов постоянно используют бурятский язык, тогда как таковых среди городских студентов оказалось 9,2%. Далее, 19,9% сельских и 20,6% городских респондентов изредка используют бурятский язык. Никогда не используют бурятский язык 11,9% городских респондентов (с теми, кто вырос в городе) и 8,4% сельских жителей (с теми, кто вырос в селе).

Статус студентов предполагает их причастность к образовательному процессу как к основной сфере их деятельности. Вопрос, касающийся предыдущего опыта изучения бурятского языка в школе, показал, что в той или иной мере изучали бурятский язык 88% студентов, не изучали 12%. Полученные результаты довольно отчетливо показали, что только у трети опрошенных в образовательной программе есть дисциплина «бурятский язык» (32%). Таким образом, можно предположить, что отсутствие в образовательной программе дисциплины «бурятский язык» непосредственно сказывается на практике его применения в учебных заведениях и сужении языковой среды. Более половины респондентов (61%) не изучают бурятский язык вне своих образовательных программ, что показывает важность включения дисциплины в учебные планы ССУЗов и вузов республики. Из тех же, кто изучает язык, наибольшее количество ответило, что *«изучают дома с родителями, бабушками и дедушками»* (28%) и *«изучают самостоятельно»* (20%). В то же время наблюдаются незначительные отличия в распределении ответов среди студентов вузов и достаточно значимые отличия среди студентов ССУЗов. Студенты БГСХА и БГУ в отличие от студентов ВСГУТУ и ВСГИК чуть реже выбирали ответ *«Я не изучаю бурятский язык дополнительно»*. Среди студентов ССУЗов вариант *«Я не изучаю бурятский язык дополнительно»* чаще выбирали студенты медицинского колледжа (60,6%) и реже студенты аграрного колледжа (33,3%). В целом студенты как вузов, так и ССУЗов демонстрируют схожесть в том, что самостоятельное изучение они практикуют меньше по сравнению с изучением языка в семье.

Основную ответственность за то, что произошло и происходит с бурятским языком, ожидаемо респонденты возлагают на самих бурят. Вариант *«Сами буряты не прилагают усилия для сохранения языка»* набрал наибольшее количество выборов — 54%, следующий по количеству выборов вариант *«Бурятский язык перестали использовать в семьях»* — 53% и вариант *«Не введено обязательное изучение бурятского языка в образовательных учреждениях»* набрал 45%.

Из ответов на вопрос «Обязательно ли преподавание бурятского языка в следующих образовательных учреждениях?» выяснилось, что в целом студенты за то, чтобы язык изучался на всех уровнях образования. Группа студенческой молодежи Бурятии, судя по проведенному опросу, также осознает и выражает свою обеспокоенность сложившейся ситуацией. По мнению студентов, основная нагрузка по преподаванию бурятского языка всем детям, независимо от национальности, должна лечь на плечи школы, а не детских садов. Одновременно опрошенные не против того, чтобы язык преподавали также в вузах и ССУЗах, но больше по желанию, независимо от национальности. Выходцы из сельской местности значительно больше, чем другие студенты, за то, чтобы язык в детском саду и в школе изучали все дети, независимо от национальности, а по поводу обучения бурятскому языку в вузах и ССУЗах они за то, чтобы там обучались по желанию, независимо от национальности. Вместе с тем по всему массиву 9% студентов считают, что необязательно изучать бурятский язык в детских садах, 3% за то, чтобы не преподавать бурятский язык в школе, 11% отметили, что изучение языка необязательно в вузах и ССУЗах.

Раскрывая вопрос о языковой среде студентов, мы респондентам предложили ответить, на каком языке они обычно общаются с родителями, родственниками и друзьями. Данные показали, что респонденты склонны к выбору двух вариантов *Только на русском языке* и *На бурятском и русском языках одновременно*, причем в общении с друзьями 46% используют только русский язык. Влияние территориального фактора сказывается в том, что городские респонденты чаще используют русский язык в общении с родителями по сравнению с сельскими — 56,1% и 18,1% соответственно. Также родившиеся в городе, но выросшие в селе также чаще используют русский в общении с родителями по сравнению с родившимися в селе, но выросшими уже в городе — 33,3% и 28,9%. Почти 60% сельских респондентов используют оба языка в разных вариациях — *чаще на бурятском* (12,3%), *чаще на русском* (9,2%) и *На бурятском и русском языках одновременно* (37,5%). Схожие распределения наблюдаются при ответах на вопрос об общении с родственниками. В общении с друзьями в трех группах респондентов лидирует русский язык, а в группе у сельских наибольший процент набрал вариант *На бурятском и русском языках одновременно*. Анализ ответов студентов показывает, что именно семья, прежде всего родители, продолжает оставаться местом, где так или иначе используется бурятский язык. В среде своих сверстников студенты чаще используют только русский язык.

Позитивным фактом является то, что почти половина опрошенных студентов (48%) выражает желание *свободно говорить, читать и писать на бурятском языке*, а 18% — *свободно говорить*. Тех, кто выразил желание *знать только необходимые выражения, и не желающих изучать бурятский язык, так как достаточно знания русского языка* оказалось по 7%. 19% опрошенных выбрали вариант ответа *я не задумываюсь о том, на каком уровне хотел бы знать бурятский язык* (табл. 1).

В этноязыковом самосознании студенческой молодежи иногда возникают определенные чувства жалости к себе в связи с недостаточным владением или незнанием бурятского языка в таких случаях, как торжественные мероприятия (свадьбы, юбилеи и др.) — 34%, при общении с родственниками — 33%, при

прослушивании бурятских песен — 32%. Далее респонденты выделили случаи при чтении бурятской литературы и газет — 27%, в дацане — 24%, при общении с друзьями, знакомыми — 20%, в театре — 19%, при общении с родителями — 18%, в общественных местах — 16%, в Монголии — 10%. Таких случаев не было у 23% респондентов. Обобщенный анализ показывает, что в большинстве случаев респонденты жалеют о недостаточном владении или незнании разговорного бурятского языка, поскольку периодически возникает необходимость в его применении в повседневной жизни.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какого уровня знания бурятского языка Вы хотели бы достигнуть?», %

Свободно говорить, читать и писать на бурятском языке	48
Свободно говорить на бурятском языке	18
Знать обиходные выражения на бурятском языке	7
Я не задумываюсь о том, на каком уровне хотел бы знать бурятский язык	19
Я не хочу изучать бурятский язык, достаточно знания русского языка	7
Итого:	100

Оценки студентов по поводу перспектив бурятского языка разделились, несмотря на внутренний положительный настрой многих из них. Так, более половины респондентов считают состояние бурятского языка неблагоприятным и критическим, к таким относятся 52% респондентов. Из них 43% респондентов считают, что состояние бурятского языка скорее неблагоприятное, бурятский язык находится на пути к исчезновению, а 9% респондентов считают, что состояние бурятского языка критическое, он находится на грани исчезновения. 43% респондентов считают, что состояние бурятского языка скорее благоприятное или благополучное, из них 23% респондентов имеют мнение, что состояние бурятского языка скорее благополучное, бурятский язык используется в обществе, а 20% респондентов являются оптимистами, поскольку считают, что состояние бурятского языка является благоприятным, бурятский язык имеет потенциал для дальнейшего развития, получает всемерную поддержку со стороны государства и общества. 6% респондентов затруднились ответить на этот вопрос. Студенты, родившиеся на селе, более оптимистичны, так как большее их число считает, что язык останется на прежнем уровне, так же считают те, кто родился в селе, а вырос в городе, внутри этой группы больше тех, кто думает, что язык останется на прежнем уровне.

Студенты, как и вся молодежь, за то, чтобы язык можно было бы сохранять и развивать, используя современные технологии: мобильные приложения по изучению бурятского языка — 59%, электронные разговорники — 50%, снимать мультфильмы на бурятском языке — 51%. Поэтому, есть необходимость обратиться за помощью к профессионалам в сфере новых технологий, совместными усилиями лингвистов и IT-специалистов создавать современные продукты, которые могли бы стать полезными для развития языка и одновременно популярными у молодежи, заинтересованной в его знании.

Заключение. Следует отметить, что для большинства современных бурятских студентов, считающих, что они более или менее знают родной язык, скорее ха-

рактен бытовой уровень общения с ограниченным словарным запасом и фактическим отсутствием навыков чтения и письма. И даже с учетом возможного завышения уровня владения языком респонденты демонстрируют тот факт, что бурятский язык не исчез из коммуникативного, образовательного пространства. Студенты так или иначе знают родной язык и наличие такой базы может способствовать дальнейшему развитию бурятского языка. Несмотря на пессимистические оценочные суждения нынешних студентов относительно будущего языка, подтверждением положительных тенденций в развитии бурятского языка в республике являются результаты ВПН-2020 относительно родного языка бурят и уровня владения бурятским языком. Также высок уровень этноязыкового самосознания современных студентов, их готовность овладеть бурятским языком. Отдельным пунктом можно выделить роль властных структур в деле поддержки билингвизма в полиэтническом пространстве региона, в стремлении к созданию геополитических и социально-экономических условий существования бурятского языка. На втором месте по значимости стоит семья. В ситуациях общения молодежи со старшим поколением, родителями, родственниками именно они определяют выбор языка. Третьим значительным фактором является образование, школа. Уровень владения письменными формами языка во многом зависит от полученного образования. Разработчики уравновешенной модели развития двуязычия Р. Лэндри и Р. Аллард считают, что билингвизм чаще определяется не тем, кто ты есть, а тем, где ты живешь. Если же школа выступает против сочетания «семья + социальное окружение», то данная ситуация будет благоприятной для языка и называется ситуацией повышенной витальности. Как и большинство других авторов, они отмечают, что очень важным фактором сохранения языка является отношение носителей к своему языку, к его потере или поддержке [4].

Таким образом, выявление отношения молодежи к своему национальному языку является весьма актуальной теоретической и практической проблемой для современного бурятского общества. Результаты исследования позволяют определить акторов культурно-образовательной среды, чье влияние повышает витальность языка. Но, самое главное, позволяют определить пути поиска конкретных механизмов развития бурятского языка в современных условиях и помогают в некоторой степени сформировать целостное понимание дальнейших перспектив развития не только бурятского языка, но и всего общества в целом.

Литература

1. Бурыкин А. А. Язык меньшинства как «тайный язык» в отечественном социокультурном контексте. 2004. URL: <https://www.km.ru/BD7FDF83F8E4453D8804C216C325E380>. (дата обращения: 05.04.2023). Текст: электронный.
2. Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития / ответственный редактор Д. Д. Бадараев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 256 с. Текст: непосредственный.
3. Хилханова Э. В. Интернет и миноритарные языки России: символическое присутствие или инструмент ревитализации? (на примере бурятского языка) // Монголоведение. 2019. № 11(4). С. 967–988. Текст: непосредственный.
4. Allard R. and R. Landry. Ethnolinguistic Vitality Beliefs and Language Maintenance and Loss // Maintenance and Loss of Minority Languages. Studies in Bilingualism 1. Ed. by W. Fase, K. Jaspaert, Sjaak Kroon. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 171–196.

Д. Д. Бадараяев, И. Г. Актамов. Бурятский язык в оценках студенческой молодежи
(по материалам социологического исследования)

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023;
принята к публикации 14.04.2023.

THE BURYAT LANGUAGE IN STUDENT EVALUATIONS
(BASED ON MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Damdin D. Badarayev

Dr. Sci. (Sociol.), Senior Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia;
A/Prof. of Department of Theory of Social Work,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
damdin80@mail.ru

Innokenty G. Aktamov

Cand. Sci. (Education),
Head of the Laboratory "Center for Translations from Oriental Languages"
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia;
A/Prof. of Department of History and Regional Studies of Asian Countries,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
aktamov13@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the state and changes of the Buryat language from view-point of students of the Republic of Buryatia. Objective and subjective assessments of the modern ethno-linguistic space in the region demonstrate a number of obvious paradoxes. The 2020 All-Russian Population Census for the first time in the post-Soviet period has revealed positive changes in the state of the Buryat language in a multi-ethnic region. The results of a sociological research have shown a high level of ethnic self-awareness of students, which does not correlate with their real skills in the Buryat language. Bilingualism dominates in the language environment of modern Buryat youth, the Buryat language remains the primary means of communication between people from rural areas, especially parents and relatives. The Russian language prevails in the communication with friends and completely dominates in the educational process. Evaluating the state and prospects for the development of the Buryat language, students adhere to pessimistic views, the narrowing of the ethno-linguistic environment continues.

Keywords: the Buryat language, student youth, the Republic of Buryatia, language environment, ethnic identity.

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the state assignment (project "Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socio-Economic and Intercultural Interaction (17th–21st centuries)", No. 121031000243-5).

Badarayev D. D., Aktamov I. G. Children's Buryat-Russian Bilingualism: Dynamics of Sociolinguistic Changes. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2023; 2: 29–37 (In Russ.).

The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья
УДК 316.334(571.63)
DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-38-47

**«НОВЫЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ»
В ПРИНИМАЮЩЕМ РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)**

© Винокурова Анна Викторовна

кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник,
Дальневосточный федеральный университет
Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10, кампус ДВФУ
vinokurova77@mail.ru

© Ардальянова Анна Юрьевна

кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник,
Дальневосточный федеральный университет
Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10, кампус ДВФУ
ardy2004@mail.ru

© Сердюков Константин Николаевич

кандидат социологических наук, научный сотрудник,
Тихоокеанский институт географии
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Россия, 690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7;
научный сотрудник,
Дальневосточный федеральный университет
Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10, кампус ДВФУ
customs-toll@yandex.ru

© Яковлев Айтал Игоревич

кандидат исторических наук, доцент,
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Россия, 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58;
научный сотрудник,
Дальневосточный федеральный университет
Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, 10, кампус ДВФУ
aytalyakovlev@mail.ru

Аннотация. В данной работе основное внимание уделено специфической социальной категории — «новым дальневосточникам». Это иностранные мигранты — участники программы содействия переселению соотечественников в Приморский край. Большинство из них граждане стран СНГ. Исследование выполнено с опорой на данные официальной региональной статистики и количественного социологического опроса, проведенного методом телефонного интервью (n=145) в рамках разведывательного стратегического плана. Результаты показали, что миграционный обмен Приморья с другими регионами России отрицательный, а со странами СНГ положительный. При этом качество жизни можно интерпретировать как один из факторов, влияющих на миграционную (не)привлекательность региона, способствующих как миграционному оттоку, так и притоку населения. Удовлетворенность мигрантов своим пребыванием в принимающем сообществе повышает привлекательность Приморья как предпочти-

тельного региона для последующего притока иностранных мигрантов, в том числе и по программе содействия переселению соотечественников. Помимо этого результаты исследования позволили выявить типичные проблемные зоны социальной адаптации прибывающих на постоянное место жительства иностранных мигрантов в принимающем региональном сообществе, устранение подобных проблем в дальнейшем позволит свести к минимуму деструктивные последствия этой адаптации.

Ключевые слова: миграционные процессы, иностранные мигранты, социальная адаптация, адаптационные барьеры, принимающее сообщество, уровень и качество жизни, региональное развитие, Дальний Восток, Приморский край.

Для цитирования:

«Новые дальневосточники» в принимающем региональном сообществе: социологический анализ (на материалах Приморского края) / А. В. Винокурова, А. Ю. Ардальянова, К. Н. Сердюков, А. И. Яковлев // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 38–47.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

В современном российском обществе, несмотря на возрастающую роль цифровизации и автоматизации процессов, человеческие ресурсы, в первую очередь трудовые, остаются важнейшим капиталом. В связи с этим каждый российский регион в разной степени стремится увеличить данный капитал, и немаловажную роль в этом отношении играют демографические и миграционные процессы. Региональные и федеральные власти очень серьезно озабочены вопросом сохранения и территориального закрепления населения. Это особенно актуально в отношении субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО).

Дальний Восток занимает огромную территорию — 6,9 млн км², что составляет более 40% общей территории Российской Федерации. Но на такой масштабной территории проживает немногим более 8 млн чел., а это всего лишь 5,6% всей численности населения нашей страны. Несмотря на принятие беспрецедентных мер, направленных на увеличение численности населения дальневосточных регионов¹, переломить негативную демографическую динамику не удастся, указанный тезис подтверждают и официальные статистические данные (табл. 1).

¹ Об утверждении условий программы «Дальневосточная ипотека»: постановление Правительства РФ от 07 декабря 2019 г. № 1609. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 01 мая 2016 года № 119-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

Таблица 1

**Динамика численности населения субъектов
Дальневосточного федерального округа (ДФО) в 2012–2021 гг.**
(оценка на конец года; тыс. чел.)¹

ДФО	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
	8318,5	8290,9	8277,0	8260,3	8245,8	8222,6	8188,6	8169,2	8124,0	8091,2
Республика Бурятия (РБ)	971,8	973,9	978,5	982,3	984,1	984,5	983,3	985,9	985,4	982,6
Республика Саха (Якутия) (РС (Я))	955,6	954,8	956,9	959,7	962,8	964,4	967,0	972,0	982,0	992,1
Забайкальский край	1095,2	1090,4	1087,5	1087,5	1079,0	1072,8	1065,8	1059,7	1053,5	1043,4
Камчатский край	320,6	319,9	317,2	316,1	314,7	315,5	314,7	313,0	311,7	312,7
Приморский край	1947,2	1938,5	1933,3	1929,0	1923,1	1913,0	1902,7	1895,9	1877,8	1863,0
Хабаровский край	1342,1	1339,9	1338,3	1334,5	1333,3	1328,3	1321,5	1315,7	1301,1	1298,9
Амурская область	816,9	811,3	809,9	805,7	801,8	798,4	793,2	790,0	781,9	772,5
Магаданская область	152,3	150,3	148,1	146,4	145,6	144,1	141,2	140,1	139,0	137,7
Сахалинская область	493,3	491,0	488,4	487,3	487,4	490,2	489,6	488,3	485,6	484,1
Еврейская автономная область (ЕАО)	172,7	170,4	168,4	166,1	164,2	162,0	159,9	158,3	156,5	153,3
Чукотский автономный округ (ЧАО)	50,8	50,5	50,5	50,2	49,8	49,4	49,7	50,3	49,5	50,0

Как видим, за последние десять лет практически все регионы Дальневосточного федерального округа продолжают терять население. Исключение составляют два региона — Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия. И если Якутия демонстрирует устойчивую положительную динамику, численность населения в этом регионе стабильно увеличивается, то в Бурятии данная тенденция неустойчива. Так, в 2018 г. отмечается снижение общей численности населения, затем в 2019–2020 гг. наблюдается рост, в 2021 г. — снова снижение, но в целом

¹ Составлено по: Динамика основных показателей социально-экономического положения субъектов Дальневосточного федерального округа // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: <https://primstat.gks.ru/folder/78493> (дата обращения: 14.03.2023). Текст: электронный.

Территория и население Дальневосточного федерального округа // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: <https://primstat.gks.ru/storage/mediabank.pdf> (дата обращения: 14.03.2023). Текст: электронный.

за прошедший десятилетний период в Бурятии фиксируется общий положительный прирост численности населения.

Если же говорить о Приморском крае, он продолжает оставаться наиболее заселенным регионом Дальнего Востока, но численность населения Приморья сокращается за счет как естественной убыли населения (превышения числа умерших над числом родившихся), так и миграционного оттока. По прогнозным оценкам Приморскстата, при наблюдаемых тенденциях демографического развития отрицательная динамика сохранится, и в последующие десять лет население Приморского края уменьшится практически на 100 тыс. человек¹. И это несмотря на то, что Приморье является среди всех субъектов ДФО одним из наиболее благоприятных регионов для проживания с точки зрения качества жизни населения.

Так, РИА Рейтинг приводит данные по качеству жизни российских регионов за 2022 г. Приморье в этом рейтинге занимает 43-е место, не ухудшив свои позиции по сравнению с 2021 г. Если сопоставлять рейтинг Приморского края по качеству жизни с другими субъектами Дальневосточного федерального округа, то в 2022 г. ситуация была лучше только в Хабаровском крае (30-е место), Сахалинской области (31-е место) и Камчатском крае (40-е место), но эти регионы ухудшили свои позиции по сравнению с 2021 г., ранее они занимали 29-е, 28-е и 33-е места соответственно. Дополним, что улучшение ситуации по качеству жизни населения отмечается лишь в Магаданской области, если в 2021 г. этот регион занимал 55-ю позицию в рейтинге, то в 2022 г. — 51-ю. Остальные дальневосточные регионы являются аутсайдерами рейтинга и ситуация по качеству жизни в них усугубляется: Чукотский автономный округ — 70-е место в 2022 г. / 59-е место в 2021 г.; Республика Саха (Якутия) — 71-е место в 2022 г. / 70-е место в 2021 г.; Амурская область — 72-е место в 2022 г. / 68-е место в 2021 г.; Республика Бурятия — 81-е место в 2022 г. / 78-е место в 2021 г.; Забайкальский край — 82-е место в 2022 г. / 81-е место в 2021 г.; Еврейская автономная область и в 2022 г., и в 2021 г. занимала 83-е место².

Мы солидарны с мнением многих авторов и сами отмечали это ранее, что качество жизни можно интерпретировать как один из факторов, влияющих на миграционную (не)привлекательность региона и способствующих как миграционному оттоку, так и притоку населения [1–8; 11].

Рассмотрим это на примере Приморского края. Если говорить о миграционной ситуации, сложившейся в Приморье, то здесь также имеет место отрицательная динамика (рис. 1).

¹ Прогноз численности населения Приморского края // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: <https://primstat.gks.ru/storage/mediabank> (дата обращения: 04.04.2023). Текст: электронный.

² Рейтинг регионов по качеству жизни — 2022 // РИА Рейтинг. URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (дата обращения: 05.03.2023). Текст: электронный.

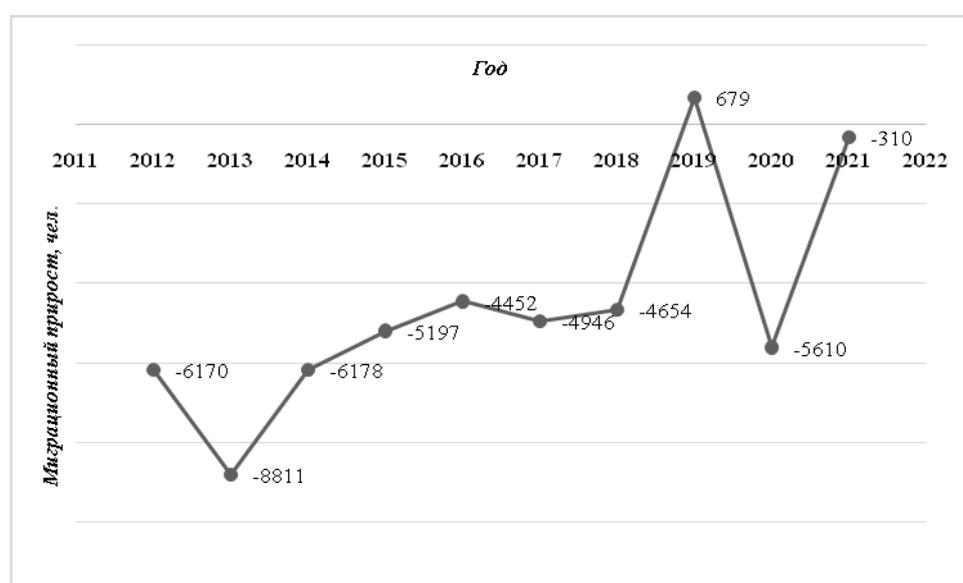

Рис. 1. Миграционная ситуация в Приморском крае в 2012–2021 гг.¹

В целом за прошедшие десять лет в Приморском крае фиксируется отрицательный миграционный прирост. Исключение составляет 2019 г., когда было отмечено положительное сальдо миграции. На основании имеющихся сведений можно сделать предположение, что при сохраняющихся отрицательных значениях все же имеет место замедление темпов миграционного оттока. Но мы полагаем, что для уточнения заявленного тезиса необходимы дополнительные статистические данные за 2022 г., поскольку на показатели миграционной активности существенное влияние могло оказать изменение социально-политической ситуации (объявление специальной военной операции (СВО), частичной мобилизации), но пока официальные оценки в открытом доступе за прошлый год не представлены.

Если рассматривать миграционную ситуацию в Приморье в более краткосрочной ретроспективе, т. е. за последние пять, то миграционный обмен Приморского края с другими российскими регионами был отрицательным, а с зарубежными странами, по большей части с государствами СНГ — положительным (табл. 2).

Как видим, миграционный обмен Приморского края со странами СНГ в течение последних пяти лет остается стабильно положительным, имеет тенденцию к увеличению. Исключение составляет только 2020 год, но в данном случае отрицательное сальдо миграции можно объяснить введением жестких пандемийных ограничений, которые вынудили значительную часть иностранных мигрантов вернуться на родину.

¹ Составлено по: Численность и миграция населения Российской Федерации (2012–2021) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 10.03.2023). Текст: электронный.

Таблица 2

Общие итоги миграции населения в Приморском крае в 2017–2021 гг. (чел.)¹

Год	Миграционный прирост/убыль, всего	Из него за счет передвижений		
		С другими российскими регионами	Со странами СНГ	С другими зарубежными странами
2017	-5591	-4946	770	-1415
2018	-4654	-4785	1087	-956
2019	679	-2827	1775	1731
2020	-6215	-2780	-2434	-1001
2021	-310	-4199	3280	609

В 2021 г. большинство прибывших в Приморье — это граждане Узбекистана, на втором месте — граждане Киргизии, на третьем — граждане Таджикистана. Приток иностранных мигрантов смягчает неблагоприятные тенденции, характерные для Приморского края, связанные с депопуляцией, старением и сокращением численности трудоспособного населения.

Демографическая и экономическая ситуация в Приморье ставит на повестку дня вопрос о расширении международной трудовой миграции, в том числе и за счет привлечения на постоянное место жительства в Приморский край иностранных граждан в рамках реализации Госпрограммы по переселению соотечественников². По данным Министерства профессионального образования и занятости населения Приморского края за 2022 г. в Приморье переселилось 1300 соотечественников [4].

Успешная адаптация иностранных мигрантов, прибывших в Приморье по программе переселения соотечественников является одним из ключевых факторов, определяющих эффективность работы формальных и неформальных региональных структур. Удовлетворенность мигрантов своим пребыванием в принимающем сообществе повышает привлекательность Приморья как предпочтительного региона для последующего притока иностранных мигрантов.

Исходя из этого положения мы предприняли разведывательное исследование, основные целевые установки которого заключались в выявлении причин, влияющих на формирование миграционных настроений, связанных с желанием переехать в Приморский край на постоянное место жительства, а также с тем, чтобы определить основные проблемы и трудности, с которыми сталкиваются иностранные мигранты в процессе адаптации в принимающем региональном сообществе. Объект исследования — иностранные мигранты, ставшие участниками

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации (2017–2021) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 10.03.2023). Текст: электронный.

² Паспорт подпрограммы «Об оказании содействия добровольному переселению в Приморский край соотечественников, проживающих за рубежом» Государственной программы Приморского края «Содействие занятости населения Приморского края на 2020–2027 годы» // Правительство Приморского края: официальный сайт. URL: <https://profzan.primorsky.ru/documents/detail/029cf044-0cda-4da9-b6f7-d132f88d4a28> (дата обращения: 27.03.2023). Текст: электронный.

программы содействия добровольному переселению соотечественников в Приморский край в 2022 году.

Основной инструмент сбора эмпирических данных — формализованное телефонное интервью. Опросник включал в себя 25 вопросов, часть из которых базировалась на методике Дж. Берри [10; 12], также были сформулированы вопросы, направленные на выявление субъективного представления мигрантов об их самочувствии, удовлетворенности и готовности решать проблемы как индикаторы успешности адаптации в принимающем региональном сообществе.

Полевые работы проводились в феврале 2022 г. Выборка — вероятностная, отбор респондентов производился случайным образом из общей базы участников, воспользовавшихся программой переселения соотечественников в 2022 г., предоставленной нам специалистами Министерства профессионального образования и занятости населения Приморского края. Отметим, что для обозначения размера колебаний случайных выборок используется термин «статистическая погрешность» [9, с. 182]. В нашем случае при уровне надежности 85% и статистической погрешности 6% минимально необходимый размер выборочной совокупности должен составлять не менее 130 респондентов ($n=130$). После завершения полевых работ и первичной обработки полученных данных действительных, полностью и корректно заполненных опросных листов по результатам проведенных телефонных интервью оказалось 145 ($n=145$). Соответственно полученный нами массив удовлетворяет требованиям репрезентативности.

Перейдем к описанию основных результатов исследования. Если говорить о причинах, связанных с желанием переехать в Приморье и стать участниками программы содействия переселению соотечественников, мы можем видеть, что основная причина — возможность добиться успеха в жизни (47,4%). Вторая по значимости — получение интересного жизненного опыта (27,6%). Следующие — возможность устроиться на высокооплачиваемую работу (11,8%), способ выживания (7,9%), возможность реализовать себя в профессии (5,3%).

Дополним, что в основном жизненный успех наши респонденты интерпретируют в терминах стабильности, семейного и материального благополучия. Это в некоторой степени коррелирует с результатами ответов на вопрос касательно уровня социально-экономического развития региона. Так, 36,8% опрошенных отметили, что Приморье — это благополучный, развитый регион; 39,5% — скорее благополучный, развитый. Другими словами, большинство участников программы по оказанию содействия переселению соотечественников (76,3%) положительно оценивают уровень социально-экономического развития Приморского края. Тех, кто дает отрицательные оценки, — 23,7%, из них 18,4% отметили, что Приморье скорее неблагополучный, слаборазвитый регион; 5,3% — слаборазвитый регион.

Вопрос, связанный с барьерами адаптации, выявил следующие основные проблемы: трудоустройство (25,4%); легализация статуса соотечественника, включая сложные процедуры, связанные с оформлением документов, бюрократическими проволочками и пр. (21,1%); бытовые трудности, в том числе проблемы с поиском жилья и т. п. (17,5%) (рис. 2).

Мигранты, ставшие участниками программы по оказанию содействия переселению соотечественников, достаточно успешно справляются с выделенными

трудностями: 32,4% на данный момент не имеют никаких проблем и 32,9% находятся в процессе решения своих проблем. Только 1,3% опрошенных не могут справиться с трудностями, возникшими в процессе переезда; 19,6% часть проблем преодолели, а часть нет; 11,8% затруднились с ответом.

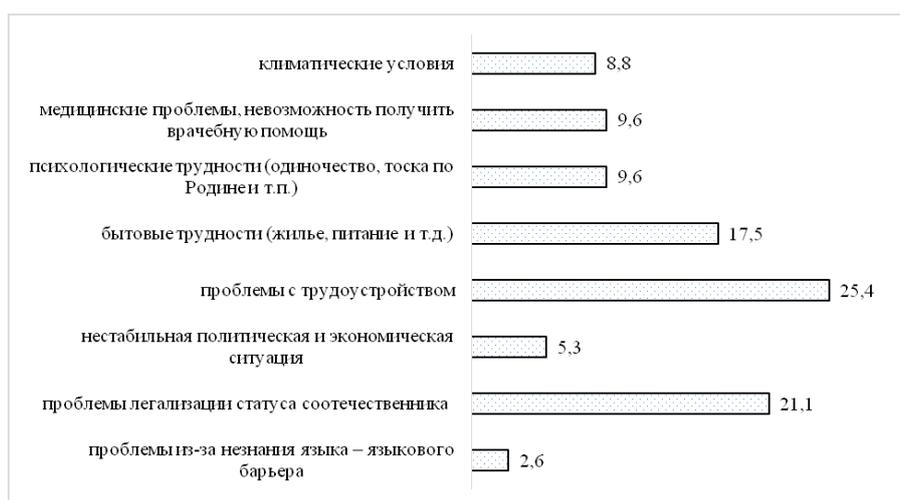

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «С чем у Вас возникли наибольшие трудности после переезда?» (в процентах от числа опрошенных)¹

В целом полученные нами предварительные результаты подтверждают успешность адаптации иностранных мигрантов — участников программы содействия переселению соотечественников. Положительные оценки социального самочувствия также можно считать одним из маркеров успешной адаптации в принимающем региональном сообществе. Кроме того, практически все наши респонденты разделяют суждение, согласно которому в Приморье следует привлекать больше соотечественников. Считаем, что исследование поведенческих стратегий «новых дальневосточников» — участников программы содействия переселению соотечественников требует дальнейшего углубления и расширения, в том числе и на основе регулярного мониторинга, который позволит выявить актуальные трудности и потребности иностранных мигрантов, привлекаемых на Дальний Восток на постоянное место жительства.

Литература

1. Ардальянова А. Ю., Бадараев Д. Д., Бийжанова и др. Современное дальневосточное приграничье: институциональные трансформации и центр-периферийные процессы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. Т. 55, № 3 (54). С. 69–76. Текст: непосредственный.
2. Артемова О. В., Логачева Н. М. Социально-экономическое положение российских регионов и качество жизни в субъектах РФ // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов XIV Международной научно-практической конференции (Пинск, 24 апреля 2020 г.). Пинск: Изд-во Полесск. гос. ун-та, 2020. С. 3–5. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42813654> (дата обращения: 12.03.2023). Текст: электронный.

¹ Составлено авторами.

3. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Стратегия развития человеческого капитала Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 184–193. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49538558_16396462.pdf (дата обращения: 14.03.2023). Текст: электронный.
4. Мейдич Д. Более тысячи соотечественников переселились в Приморье в 2022 г. // Правительство Приморского края: официальный сайт. URL: https://primorsky.ru/news/280110/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 09.04.2023). Текст: электронный.
5. Миграционные процессы в Дальневосточном регионе России: опыт комплексного анализа / под общ. ред. Н. М. Байкова. Хабаровск: Изд-во ДВИУ — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, 2013. 284 с. Текст: непосредственный.
6. Мотрич В. Л., Зубков В. В. Миграционные процессы в современном демографическом развитии Дальневосточного федерального округа: состояние и проблемы // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 1 (138). С. 149–159. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46538043_79245126.pdf (дата обращения: 12.03.2023). Текст: электронный.
7. Туркина Н. Г., Мисевич К. Н. Социально-демографические и расселенческие факторы, оказывающие влияние на качество жизни населения // Социальная география регионов России и сопредельных территорий: фундаментальные и прикладные исследования: научные труды II Всероссийской научной конференции (Иркутск, 8–10 октября 2008 г.). Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2008. С. 145–148. Текст: непосредственный.
8. Храмова М. Н., Зорин Д. П. Возможности и ограничения для роста человеческого капитала в регионах Российского Дальнего Востока // Сегодня и завтра российской экономики. 2022. № 107–108. С. 26–36. Текст: непосредственный.
9. Чуриков А. В. Основы построения выборки для социологических исследований. Москва: Общественное мнение, 2020. 240 с. Текст: непосредственный.
10. Эндрюшко А. А. Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8, № 4(23). С. 45–70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32366854> (дата обращения: 21.03.2023). Текст: электронный.
11. Янгирова Е. И., Кандаурова И. Р., Мусин У. Р. Миграционная привлекательность региона // Московский экономический журнал. 2018. № 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36402347> (дата обращения: 01.03.2023). Текст: электронный.
12. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. № 1(46). P. 5–34. URL: [https://www.scirp.org/\(S\(351jmbntvnsjt1aadkpozje\)\)/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=673789](https://www.scirp.org/(S(351jmbntvnsjt1aadkpozje))/reference/ReferencesPapers.aspx?ReferenceID=673789) (accessed: 21.03.2023). Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 11.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

"NEW FAR EASTERNS" IN THE HOST REGIONAL COMMUNITY:
A SOCIOLOGICAL ANALYSIS (A CASE STUDY OF PRIMORSKY KRAI)

Anna V. Vinokurova

Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof., Researcher,

Far Eastern Federal University

10 posyolok Ayaks (FEFU campus), Russian Island, Vladivostok 690922, Russia

vinokurova77@mail.ru

Anna Yu. Ardalyanova

Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof., Researcher,
Far Eastern Federal University
10 posyolok Ayaks (FEFU campus), Russian Island, Vladivostok 690922, Russia
ardy2004@mail.ru

Konstantin N. Serdyukov

Cand. Sci. (Sociol.), Researcher,
Pacific Institute of Geography FEB RAS
7 Radio St., Vladivostok 690041, Russia;
Researcher,
Far Eastern Federal University
10 posyolok Ayaks (FEFU campus), Russian Island, Vladivostok 690922, Russia
customs-toll@yandex.ru

Aital I. Yakovlev

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof.,
Ammosov North-Eastern Federal University
58 Belinskogo St., Yakutsk 677000, Russia;
Researcher,
Far Eastern Federal University
10 posyolok Ayaks (FEFU campus), Russian Island, Vladivostok 690922, Russia
aytalyakovlev@mail.ru

Abstract. The article focuses on a specific social category — "new Far Easterners". These are foreign migrants who participate in the program to assist the resettlement of compatriots in Primorsky Krai. Most of them are citizens of the CIS countries. The study is based on official regional statistics and a quantitative sociological survey conducted in the form of telephone interview (n=145) as part of a monitoring strategic plan. The results has shown that the migration exchange of Primorye with other regions of Russia is negative, and with the CIS countries is positive. At the same time, the quality of life can be interpreted as one of the factors affecting the migration (un)attractiveness of the region, contributing to both the migration outflow and the inflow of the population. Satisfaction of migrants with their stay in the host community increases the attractiveness of Primorye as a preferred region for the subsequent influx of foreign migrants, including those, who participate in the program to assist the resettlement of compatriots. In addition, the results of the study made it possible to identify typical problems of social adaptation of foreign migrants arriving for permanent residence in the host regional community, the elimination of these problems will minimize the destructive consequences of adaptation in the future.

Keywords: migration processes, foreign migrants, social adaptation, adaptation barriers, host community, level and quality of life, regional development, the Far East, Primorsky Krai.

Acknowledgments. The study was financed from the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu., Serdyukov K. N., Yakovlev A. I. Children's Buryat-Russian Bilingualism: Dynamics of Sociolinguistic Changes. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2023; 2: 38–47 (In Russ.).

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 11.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья

УДК 331.52(470)

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-48-53

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «САМОЗАНЯТОСТЬ» И «САМОЗАНЯТЫЙ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© **Бадонов Алексей Маланович**

кандидат социологических наук, доцент

badonov@mail.ru

© **Бадараев Очир Дамдинович**

студент

ochir.badaraev@mail.ru

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «самозанятость» и «самозанятый». Проанализированы различные подходы к этим понятиям. В современной российской науке было сформировано два основных подхода к понятиям «самозанятость» и «самозанятый», которые можно определить как широкий и узкий. Представители широкого подхода рассматривают понятия «самозанятость» и «самозанятый» как тесно связанные с понятием «предпринимательство». Представители узкого подхода, напротив, разделяют понятия «самозанятость» и «предпринимательство», поскольку считают, что деятельность самозанятого имеет в своей основе личный труд без каких-либо работников.

Ключевые слова: самозанятость, самозанятый, профессиональный доход, налог на профессиональный доход.

Для цитирования:

Бадонов А. М., Бадараев О. Д. К вопросу о понятиях «самозанятость» и «самозанятый» в современной России // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 48–53.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» № 23-04-0502 «Самозанятость в Республике Бурятия: состояние, проблемы, перспективы».

Интерес к понятиям «самозанятость» и «самозанятый» имеет свои истоки с начала 90-х гг. XX в. Эти термины стали активно использоваться в литературе и законодательстве. 25 декабря 1990 г. был принят закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», согласно которому население могло заняться предпринимательством. В одной из первоначальных редакций закона РФ от 19 апреля 1991 г. «О занятости населения в Российской Федерации» было указано, что одними из занятых граждан являются лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой, в том числе предприниматели, лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, включая фермеров, а также члены производственных кооперативов [3, с. 174]. Уже тогда подразумевалось, что лица, самостоятельно обеспечивающие себя работой, являются занятыми гражданами, которых можно определить как самозанятых граждан.

За прошедшее время в научной литературе были определены подходы к понятиям «самозанятость» и «самозанятый», имеющим широкое и более узкое понимание этих понятий. Подходы, имеющие широкое понимание, определяют данные понятия как любую самостоятельную деятельность, которую человек осуществляет лично. Этот подход максимально широко рассматривает понятия «самозанятость» и «самозанятый», т. е. относит к категории самозанятых всех, кто работает самостоятельно без найма.

Одним из авторов, рассматривающих в широком плане эти понятия, является Е. А. Абрамова. По ее мнению, самозанятыми являются владельцы малых предприятий, предприятий микроуровня, предприниматели, которые занимаются индивидуальным трудом без образования юридического лица, а также люди, работающие дома, в своих домашних хозяйствах [1, с. 9]. Такой широкий подход позволяет считать самозанятыми различные группы занятых граждан, которые имеют несовпадающие цели и принципы деятельности.

Известный социолог Т. И. Заславская считала, что самозанятыми являются разные группы, имеющие определенное отношение к бизнесу или предпринимательству. Она определяла самозанятых как лиц, занятых мельчайшим предпринимательством на основе индивидуального труда с использованием принадлежащих ему средств производства. Также к этой категории она относила работников, которые не являются штатными сотрудниками организации, самостоятельно реализуют товары и услуги, созданные ими самими с использованием личного труда. По ее мнению, в реальности люди могут быть заняты в нескольких видах трудовой деятельности в одно и то же время, их можно охарактеризовать как людей, имеющих множественную занятость. Некоторые люди, организовывая свое дело, могут оставаться штатными работниками или наемными сотрудниками, в этом случае их можно назвать своего рода полупредпринимателями или частичными предпринимателями [8]. Т. И. Заславская считает, что в определении самозанятости одной из главных характеристик является именно самостоятельность в организации своего труда, которая имеет своей целью получение собственного дохода. В рамках самозанятости роли работника и работодателя имеют совмещение в лице самого самозанятого человека.

Н. М. Воловская, А. В. Иноземцева, Л. К. Плюсина, А. В. Русина считают, что самозанятость играет роль основы для предпринимательской деятельности. По их мнению, в самозанятости присутствуют такие характеристики, как активная и инициативная деятельность, принятие самостоятельных и рискованных решений, творческий подход и организованность труда [5, с. 23].

Д. О. Стребков, А. В. Шевчук считают, что имеющиеся споры по поводу фрилансеров или самозанятых профессионалов основаны на их противопоставлении наемным работникам. Самозанятые профессионалы не работают штатными сотрудниками различных организаций и не имеют стандартных трудовых отношений с работодателем. Главной характеристикой фрилансеров является самостоятельная организация своей трудовой деятельности, индивидуальное выполнение всех работ, без регистрации юридического лица и без найма сотрудников [15].

Е. Г. Крылова рассматривает самозанятых как имеющих определенные особенности предпринимателей. В первую очередь, она выделяет такую характеристику самозанятых, как неформальная деятельность. По ее мнению, самозанятые — «это физические лица, занимающиеся индивидуальной предприниматель-

ской деятельностью для получения прибыли в качестве средств к существованию, в этой связи устраиваться на работу им нет никакой необходимости» [11, с. 11].

А. В. Бурлак определяет самозанятых как граждан, сочетающих в себе различные характеристики. С его точки зрения, самозанятый является, во-первых, собственником капитала, поскольку на свои или заемные средства приобретает орудия производства, во-вторых, работодателем для самого себя, в-третьих, управленцем. Самозанятый отличается от других тем, что он лично управляет капиталом и выполняет индивидуальную трудовую деятельность. Все это «позволяет определять их как пограничный слой в классе мелких собственников» [3, с. 177].

Е. С. Крюкова и В. Д. Рузанова являются сторонниками узкого подхода в понимании самозанятости. С их точки зрения, необходимо различать предпринимательство и самозанятость. Индивидуальные предприниматели, имеющие государственную регистрацию, а также лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, по их мнению, входят в одну социальную группу, а самозанятые — в другую социальную группу лиц, не являющихся предпринимателями [12].

Разделяют понятия «предпринимательство» и «самозанятость» О. Н. Грабова и А. Е. Суглобов. Они обращают внимание на то, что самозанятые принимают личное трудовое участие в этой деятельности. По их мнению, самозанятые относятся к лицам, которые осуществляют самостоятельную рискованную деятельность, имеющую в своей основе личный труд. Деятельность самозанятых направлена на оказание услуг, выполнение работ для физических лиц с целью систематического получения прибыли. Самозанятые не зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей и не имеют наемных работников [7, с. 109].

С. Г. Землянухина, Н. С. Землянухина, И. В. Костюк также считают, что необходимо отделять самозанятость и предпринимательство. С их точки зрения, аргументом здесь служит то, что самозанятость не предполагает применения понятия «прибыль». Они рассматривают деятельность по получению прибыли как прерогативу, относящейся только к предпринимателям, имеющим наемных работников. По их мнению, к деятельности самозанятых можно применять понятие «доход» [9; 10].

А. Н. Покида, Н. В. Зыбуновская рассматривают самозанятость как самостоятельный поиск работы за оплату для того, чтобы удовлетворить свои личные потребности и потребности членов своей семьи. По их мнению, оплату за свой труд самозанятый получает за результаты своей деятельности выраженные в материальном плане, в плане услуг или выполненных работ. Основными направлениями деятельности лиц, занятых в этой сфере, выступают индивидуальное производство потребительских товаров, оказание различных услуг и выполнение определенных работ. Примером этих направлений могут быть изготовление каких-либо товаров (кожевенное производство, производство сувениров ручной работы), услуги по уходу за больным или пожилым человеком (сиделки), услуги по преподаванию чего-либо (репетиторы), выполнение работ по ремонту помещений (отделочники), по ремонту оборудования (например, мастера по ремонту холодильного оборудования) и др. В этих условиях самозанятые могут иметь договорные отношения с большим количеством заказчиков. По мнению А. Н. Покиды, Н. В. Зыбуновской, особенностью самозанятости является совмещение в одном лице работодателя и работника [14, с. 62].

По мнению П. А. Макеева, люди в большинстве своем отождествляют самозанятых и индивидуальных предпринимателей, поскольку считают, что и те, и другие работают на себя. Это свидетельствует о том, что многие характеристики деятельности предпринимателей и самозанятых схожи между собой. Долгое время самозанятые имели возможность легализации через регистрацию ИП, поскольку законодательные основы не предполагали отдельного вида деятельности, как самозанятые. Автор утверждает, что нельзя ставить знак равенства между понятиями «самозанятость» и «предпринимательство». Одним из отличий статуса индивидуального предпринимателя от статуса самозанятого является возможность найма работников и заключения с ними трудовых договоров, а самозанятый лишен такого права, он может нанять только себя [13, с. 150].

О. Н. Васильева определяет самозанятого как субъекта хозяйственной деятельности, т. е. деятельности физического лица, который на свой риск, самостоятельно, на основе личного труда, без привлечения наемных работников организует индивидуальную деятельность для других физических лиц с целью получения дохода от определенного вида деятельности в сфере производства и / или продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг в установленных законом случаях [4, с. 105].

Приведенные определения понятия «самозанятость» и «самозанятый» рассматривают различные их стороны и особенности, во многом они дополняют имеющуюся информацию. На наш взгляд, самозанятость является определенной формой экономической активности, которая в большей степени относится к предпринимательству, но имеет свои особенности. Самозанятость с предпринимательской деятельностью сближает тот факт, что человек ведет эту деятельность самостоятельно, рискует и использует собственную инициативу при принятии решений, привлекает свои ресурсы и не использует труд наемных работников. При этом самозанятость может являться дополнительной деятельностью, приносящей доход, поскольку самозанятый может иметь основное место работы, трудиться по трудовому договору и в свободное от работы время выполнять какие-либо работы или услуги.

Самозанятые посредством личного труда занимаются общественно полезной деятельностью, они создают материальные блага или оказывают определенные услуги, получают за это финансовое или нефинансовое вознаграждение в виде дохода, который зависит от их личных качеств. Принятие собственных решений, совокупность их действий, умение организовать свою деятельность оказывают существенное влияние на материальное и финансовое благополучие самозанятых. Самозанятые не получают постоянного дохода, доход зависит от многих факторов, в первую очередь, это наличие клиентов. В этом плане деятельность самозанятых имеет определенный риск, поскольку доход непостоянен и никто не гарантирует его получение.

В частности, по мнению Е. Р. Брюхиной, важной чертой самозанятости является прямая зависимость дохода от экономических итогов их деятельности. Самозанятые сами несут ответственность за уплату своих налогов и страховых взносов; сами заботятся о безопасности своего дела и сохранении здоровья в процессе предпринимательской деятельности [2, с. 315].

В 2018 г. был принят федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима

«налог на профессиональный доход»», который дал новое развитие для понятий «самозанятость» и «самозанятый», хотя в самом законе нет этих понятий. Согласно закону «физические лица при применении специального налогового режима вправе вести виды деятельности, доходы от которых облагаются налогом на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, за исключением видов деятельности, ведение которых требует обязательной регистрации... Профессиональный доход — доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества» [6, с. 824].

Таким образом, в современной российской науке было сформировано два основных подхода к понятиям «самозанятость» и «самозанятый», которые можно определить как широкий и узкий. Представители широкого подхода рассматривают понятия «самозанятость» и «самозанятый» как тесно связанные с понятием «предпринимательство», поскольку считают, что самозанятость является одной из форм предпринимательства. Представители узкого подхода, напротив, разделяют понятия «самозанятость» и «предпринимательство», поскольку считают, что деятельность самозанятого имеет в своей основе личный труд без каких-либо работников. С их точки зрения, полученный доход самозанятый тратит на личные нужды, в том числе и на свою семью.

Литература

1. Абрамова Е. А. Кризисная самозанятость в России: классификация, структура и уровни развития. Современные наукоемкие технологии // Региональное приложение. 2012. № 4(32). С. 6–15. Текст: непосредственный.
2. Брюхина Е. Р. К вопросу о проблеме самозанятости в Российской Федерации // Вопросы трудового права. 2021. № 4. С. 315. Текст: непосредственный.
3. Бурлак А. В. К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2016. № 4(49). С. 173–177. Текст: непосредственный.
4. Васильева О. Н. К вопросу о правовом статусе самозанятых в России // Образование и право. 2022. № 1. С. 103–106. Текст: непосредственный.
5. Безработица и самозанятость: ожидания и реалии (по материалам социологических исследований) / Н. М. Воловская, Л. К. Плюснина, А. В. Русина, А. В. Иноземцева // Теория и практика общественного развития. 2018. № 11(129). С. 22–31. Текст: непосредственный.
6. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В., Горина Т. И. Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2020. Т. 20, № 4. С. 821–836. Текст: непосредственный.
7. Грабова О. Н., Суглобов А. Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 6. С. 108–116. Текст: непосредственный.
8. Заславская Т. И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/816/929/1216/002Zaslavskaya.pdf>. (дата обращения: 20.02.2023). Текст: электронный.
9. Землянухина С. Г., Землянухина Н. С. Система экономических отношений в сфере самозанятости населения России // Известия Саратовского университета. Нов. Сер. Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 126–133. Текст: непосредственный.
10. Костюк И. В. Занятость и самозанятость как форма доходной деятельности граждан // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 2 (11). С. 202–206. Текст: непосредственный.

А. М. Бадонов, О. Д. Бадараяев. К вопросу о понятиях «самозанятость» и «самозанятый» в современной России

11. Крылова Е. Г. Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6. С. 11–15. Текст: непосредственный.

12. Крюкова Е. С., Рузанова В. Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 21–26. Текст: непосредственный.

13. Макеев П. А. Самозанятость в России: теоретическое определение, практическое измерение и законодательное регулирование // ЭКО. 2018. № 11. С. 148–157. Текст: непосредственный.

14. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 60–85. Текст: непосредственный.

15. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. 2015. Т. 24, № 1. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

ON THE CONCEPTS OF "SELF-EMPLOYMENT" AND "SELF-EMPLOYED" IN CONTEMPORARY RUSSIA

Aleksey M. Badonov
Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.
badonov@mail.ru

Ochir D. Badarayev
Student
ochir.badarayev@mail.ru

Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

Abstract. The article deals with the concepts of "self-employment" and "self-employed". We have analyzed various approaches to these concepts in modern Russian science, in particular two main approaches, which can be defined as broad and narrow. Representatives of a broad approach consider the concepts of "self-employment" and "self-employed" as closely related to the concept of "entrepreneurship". Representatives of a narrow approach, on the contrary, distinguish the concepts of "self-employment" and "entrepreneurship", since they believe that the activity of the self-employed is based on personal labour without any employees.

Keywords: self-employment, self-employed, professional income, professional income tax.

Acknowledgements. The study was financed from the grant No. 23-04-0502 "Self-Employment in the Republic of Buryatia: Current State, Challenges and Opportunities" of Dorzhi Banzarov Buryat State University.

For citation

Badonov A. M., Badarayev O. D. More on the Concepts of "Self-Employment" and "Self-Employed" in Contemporary Russia. *Oriental Vector: History, Society, State.* 2023; 2: 48–53 (In Russ.).

The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 378(470.23-25)

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-54-66

РОЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР

© Лагутина Мария Львовна

доктор политических наук, профессор

m.lagutina@spbu.ru

© Сергунин Александр Анатольевич

доктор политических наук, профессор

a.sergunin@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, 191969, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8-й подъезд

Аннотация. Сегодня российские вузы представляют собой признанных акторов арктической научной дипломатии, выполняющих ряд важных функций по организации международного научного сотрудничества с зарубежными странами и продвижению на различных международных площадках интересов страны, формированию позитивного имиджа России в мире. Статья посвящена анализу международного научного арктического сотрудничества Санкт-Петербургского государственного университета, ведущего учреждения в данной области исследований, со странами Востока. Авторы отмечают, что в результате последних масштабных геополитических событий происходит географическая диверсификация научных связей ведущих отечественных институтов, реализующих научные и образовательные арктические проекты (к числу которых относятся и СПбГУ), а также включение в арктическое научное сотрудничество стран Азии, формируется направление научных полярных исследований в рамках межгосударственного объединения Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР (БРИКС). В статье проводится анализ наиболее успешных проектов, реализуемых СПбГУ со странами Восточной и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: арктическая научная дипломатия, Россия, Арктика, страны Восточной и Юго-Восточной Азии, «поворот» на Восток, Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур.

Для цитирования:

Лагутина М. Л., Сергунин А. А. Роль Санкт-Петербургского государственного университета в развитии арктической научной дипломатии: восточный вектор // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 54–66.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-20276 и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 14.04.2022 № 38/2022 на тему «Роль Санкт-Петербурга в развитии арктической научной дипломатии Российской Федерации».

Введение

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) сегодня занимает лидирующие позиции среди научно-образовательных учреждений страны и мира в области арктических исследований. Как отмечается на сайте СПбГУ, «история освоения Арктики и история Санкт-Петербургского университета неразрывно связаны»¹. Целая плеяда исследователей Арктики вышла из стен СПбГУ: С. Крашенинников, П. Кропоткин, В. Визе и др. Арктические исследования СПбГУ имеют давние традиции, которые успешно сохраняются и поддерживаются преподавателями и исследователями университета до сих пор. Ученые СПбГУ сегодня принимают активное участие в различных международных проектах и полярных экспедициях. Будучи классическим университетом, СПбГУ реализует исследования по широкому спектру научно-исследовательских направлений²: океанология, гляциология, биология, физика, минералогия, экология, география, политология, международные отношения, этнография, и другие.

Как отмечает директор Научно-исследовательского центра Арктики СПбГУ С. Аплонов, по качеству научных исследований на арктические темы «СПбГУ занимает первое место в городе и второе в России (*прим. автора* — после МГУ). Последние три года он входит в топ-10 ведущих арктических университетов мира по этому показателю, который измеряется числом подобных публикаций, входящих в международную базу данных» [3]. Лидирует СПбГУ и по количеству полученных научно-исследовательских грантов по арктической тематике, большая часть которых имеет междисциплинарный характер.

В СПбГУ активно развивается международное сотрудничество в области арктических исследований с зарубежными странами, среди которых до недавнего времени преобладали западные как арктические (Норвегия, Канада, США, Дания, Финляндия, Швеция), так и неарктические страны (Франция, Германия, Нидерланды и др.). Совместно с зарубежными партнерами активно реализуются международные междисциплинарные проекты. К их числу относится, например, проект INTPART, финансируемый Норвежским исследовательским советом и Норвежским центром международного сотрудничества в области образования, на тему «Изменения на вершине мира через вулканизм и тектонику плит: норвежско-российско-североамериканское сотрудничество в области арктических исследований и образования: (NOR-R-AM2)» (2020–2024 гг.). Он реализуется международным коллективом геологов, вулканологов и экологов из России (СПбГУ), США (Университет Аляски, Фэрбенкс; Университет Техаса, Остин; Университет штата Сонома), Канады (Университет Оттавы) и Норвегии (Центр эволюции и динамики Земли при Университете Осло; Университетский центр на Шпицбергене).

Еще один пример успешного международного научного сотрудничества с европейскими партнерами — совместный проект по линии Российского фонда

¹ СПбГУ — лидер арктических исследований в Санкт-Петербурге. // Официальный сайт СПбГУ. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-lider-arkticheskikh-issledovaniy-v-sankt-peterburge> (дата обращения: 12.02.2023). Текст: электронный.

² Арктические проекты СПбГУ: официальный сайт СПбГУ. URL: <https://spbu.ru/nauka/arkticheskie-proekty-spbgu> (дата обращения: 22.02.2023). Текст: электронный.

фундаментальных исследований и французского Дома наук о человеке на тему «Разработка оптимальной модели безопасности человека в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ)» (2020–2023 гг.), в рамках которого весьма плодотворно взаимодействуют российские (с российской стороны руководителем проекта выступает профессор СПбГУ М. Л. Лагутина) и французские (с французской стороны проектом руководит профессор университета Экс-Марсель С. Гадаль) международники и географы.

В последние годы успешно реализовывались образовательные программы с европейскими странами. Это были, например, «Полярные и морские исследования (ПОМОР) (Polar and Marine Sciences (POMOR))» совместно с Гамбургским университетом (Германия); «Комплексное изучение окружающей среды полярных регионов (CORELIS — Cold Region Environment Landscapes Integrated Science)», в которой участвовали Гамбургский университет, Университет Уни Ла Салль и ряд других европейских университетов Германии, Финляндии и Норвегии; магистерская программа «Исследования Балтийских и Северных стран» совместно с Университетом Тампере (Финляндия). Интересно отметить, что в числе студентов программы ПОМОР были не только российские и европейские студенты, но также студенты из Китая и Южной Кореи. К сожалению, после событий февраля 2022 г. западные партнеры вышли из этих проектов.

Следствием российской специальной военной операции (СВО) и западных санкций в отношении нашей страны оказались не только разорванные международные научные связи, но и географическая диверсификация арктического сотрудничества России в целом и СПбГУ в частности. В свою очередь, это привело к включению в арктическое научное сотрудничество неарктических стран Азии и формированию целого направления полярных исследований в рамках БРИКС. При этом важно подчеркнуть, что СПбГУ развивал весьма успешно контакты с азиатскими странами и до 2022 г., став одним из лидеров и в этом направлении.

Цель статьи — определить роль СПбГУ в становлении и развитии российской арктической научной дипломатии (АНД) и рассмотреть динамику сотрудничества СПбГУ со странами Восточной и Юго-Восточной Азии в контексте современных геополитических трансформаций.

СПбГУ как актор арктической научной дипломатии России

АНД является относительно новым явлением для российской дипломатической практики. На данном этапе идет концептуальное и институциональное оформление российской АНД, хотя ее основы в виде развитой научно-исследовательской инфраструктуры были заложены еще в советский период. Очевидно, что в современных геополитических условиях повышается значение дипломатического измерения научной деятельности и дипломатических функций ключевых акторов АНД («от науки» («наука в дипломатии» и «наука для дипломатии»)¹, среди которых не только ученые, исследующие Арктику, но и научно-образовательные и научно-исследовательские учреждения, арктические музеи и т. д. Несомненно, важное место в списке акторов российской АНД занимает и СПбГУ.

¹ New frontiers in science diplomacy. London, The Royal Society, 2010. URL: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/policy/publications/2010/4294969468.pdf (дата обращения: 12.02.2023). Текст: электронный.

СПбГУ как актор АНД продолжает делать важный вклад в одно из трех измерений научной дипломатии — *наука для дипломатии*, подразумевающее использование научных альянсов в целях улучшения отношений между странами. Так, с 2012 г. СПбГУ является членом научно-образовательной ассоциации Университета Арктики (University of the Arctic, UArctic), который представляет собой международную сеть университетов и исследовательских центров, целью которой является продвижение науки и образования в северных регионах. Эта сеть объединяет более 200 университетов и научных центров арктических и неарктических государств. Университет Арктики является наблюдателем в Арктическом совете (АС) и оказывает его рабочим и экспертным группам консультативную поддержку. Несомненно, участие СПбГУ в UArctic дало дополнительные возможности для академического обмена между российскими и зарубежными партнерами, формирования новых и укрепления уже установившихся научных связей в сфере арктических исследований. В 2018 г. СПбГУ и UArctic подписали Соглашение о создании Аналитического центра арктических исследований, ведущими исполнителями проекта были назначены СПбГУ и Университет Тромсе (Норвегия). Цель проекта — создать консультативный экспертный орган при UArctic, обеспечивающий арктическое научное сообщество актуальной аналитикой о развитии, проблемах и результатах международного сотрудничества в Арктике. К сожалению, в марте 2023 г. Университет Арктики заявил об отказе продолжать работу с 55 российскими вузами пока «ситуация не позволит его продолжить»¹. Однако, как отмечено на сайте UArctic, сотрудничество между индивидуальными исследователями в рамках его тематических сетей и образовательных проектов будет продолжено, где это возможно.

В этих условиях РФ продолжает создавать научно-образовательные консорциумы уже с неарктическими странами, проявляющими интерес к Арктике, научному сотрудничеству в регионе. Так, в конце 2022 г. на площадке Северного форума по устойчивому развитию в Якутске было подписано соглашение о создании Российско-азиатского консорциума арктических исследований (РАКАИ), в который вошел ряд «научно-образовательных, научно-исследовательских, профессионально-образовательных и иных учреждений Российской Федерации и стран Азии»², в числе которых с российской стороны представлен и СПбГУ. Как отмечено на официальном сайте Правительства Республики Саха (Якутия), «миссия консорциума заключается в консолидации креативного потенциала научных и образовательных организаций для изучения глобальных процессов в области естественных, гуманитарных и общественных наук в Арктике и в Азии»³. По сути дела, создание этого консорциума стало продолжением российской политики «поворота на Восток» в Арктике. На данный момент Азию в консорциуме представляет Океанологический университет Китая, с которым у

¹ Russian Membership Paused // Official site of UArctic. 2023. March 2. URL: <https://ru.uarctic.org/> (дата обращения: 12.02.2023). Текст: электронный.

² Российско-азиатский консорциум арктических исследований будет создан на СФУР // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). 25 ноября 2022 г. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3336379> (дата обращения: 14.02.2023). Текст: электронный.

³ Там же.

СПбГУ сформированы крепкие связи еще с 2011 г. Ведутся переговоры с Харбинским политехническим университетом (Китай). Предложение о вступлении в консорциум направлено в Корейский морской институт и Национальный центр полярных и океанических исследований Индии.

Арктические компетенции СПбГУ имеют институциональное оформление. Здесь следует отметить созданный в 2019 г. Научно-исследовательский центр Арктики СПбГУ, который ориентирован на координацию и поддержку текущих арктических исследований университета, развитие новых междисциплинарных научных проектов, а также проведение экспертной работы по вопросам устойчивого развития Арктики. В 2021 г. был создан Арктический проектный офис СПбГУ (АПО СПбГУ), целью которого является объединение ресурсов СПбГУ и партнерских организаций под задачи развития арктических исследований в соответствии с арктическими приоритетами, зафиксированными в стратегических документах, определяющих государственную политику РФ в Арктике. Обе структуры координируют в том числе международные арктические проекты, способствуют установлению новых связей СПбГУ с различными странами по линии арктических исследований.

Сегодня представляется возможным выделить несколько направлений АНД СПбГУ.

Во-первых, совместные с зарубежными партнерами научные проекты с публикацией их результатов в журналах, индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science. По данным Научно-исследовательского центра Арктики СПбГУ, «в 2020 г. ученые университета опубликовали 159 статей по арктической тематике в высокорейтинговых журналах, индексируемых базами Scopus и Web of Science (в 2015 г. таких статей было опубликовано 85)»¹. Эта тенденция продолжалась вплоть до известных событий 2022 г., и по этому показателю СПбГУ занимал второе место в России после МГУ.

Во-вторых, проведение международных академических конференций по арктической тематике. Знаковым событием здесь стало проведение в 2016 г. на площадке СПбГУ Первого конгресса Университета Арктики в России. Кроме того, различные институты и факультеты регулярно организуют и проводят международные конференции, круглые столы по арктической тематике, встречи с политиками или известными в мире учеными-арктиковедами, сделавшими вклад в развитие арктических исследований. В качестве примеров можно привести ежегодный российско-китайский семинар по арктической тематике, организуемый с 2011 г. факультетом международных отношений СПбГУ и Океанологическим университетом Циндао (Китай). В 2021 г. состоялась международная научная конференция «Арктика как объект государственной политики», организованная совместно СПбГУ и Комитетом по делам Арктики правительства Санкт-Петербурга, в которой приняли участие эксперты, представители федеральных и региональных властей России и Санкт-Петербурга, а также дипломаты из Финляндии, Норвегии и Канады и др. Для студентов университета организуются встречи с ведущими экспертами, политиками и дипломатами, деятельность кото-

¹ СПбГУ — лидер арктических исследований в Санкт-Петербурге // Официальный сайт СПбГУ. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/spbgu-lider-arkticheskikh-issledovaniy-v-sankt-peterburge> (дата обращения: 12.02.2023). Текст: электронный.

рых связана с Арктикой: так, в 2018 г. прошла встреча студентов факультета международных отношений СПбГУ с послом Франции по делам Арктики и Антарктики С. Руаяль, на базе факультета международных отношений регулярно выступал перед студентами профессор арктической политики Университета Лапландии (Финляндия) Л. Хейнинен и др. Тем не менее, на наш взгляд, назрела необходимость организации регулярной общеуниверситетской международной междисциплинарной конференции по арктическим исследованиям, на площадке которой результаты своих исследований могли бы презентовать представители естественных, точных и гуманитарных наук.

В-третьих, ведется работа по линии рабочих профессиональных ассоциаций ученых-арктиковедов. Так, например, ученые СПбГУ принимают активное участие в деятельности различных международных организаций и профессиональных ассоциаций, осуществляющих международное сотрудничество по арктическим вопросам, — АС, Международном арктическом научном комитете, Международной ассоциации арктических социальных наук, Международной сети наземных исследований и мониторинга в Арктике, Ассоциации молодых ученых-специалистов в области полярных исследований, тематических сетях Университета Арктики и пр. Интересно отметить, что доцент кафедры мировой политики СПбГУ Н. К. Харлампьева стала послом доброй воли Северного форума, крупнейшей международной неправительственной организации, объединяющей правительства северных регионов планеты.

Что касается тематических направлений арктических исследований СПбГУ, то безусловным лидером в сфере международного арктического научного сотрудничества СПбГУ являются представители естественных наук, которые проводят исследования по геофизике, геологии, климатологии, гляциологии, картографии, экологии, биохимии, океанологии и пр. Однако со временем в международную проектную деятельность активно включились и представители социальных наук (политологи, международники, журналисты). К приоритетам их международного научного сотрудничества относится изучение арктических стратегий ключевых региональных «игроков», системы региональной безопасности, социально-экономического развития северных стран и Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), коренных народов Крайнего Севера, различных форм парадипломатии, международно-правовых проблем Арктики и пр. Как уже было отмечено выше, на данном этапе отличительной чертой международного арктического научного сотрудничества СПбГУ стали проекты междисциплинарного характера.

Несомненен вклад СПбГУ в развитие еще одного измерения научной дипломатии — *науку в дипломатии*, предусматривающее выработку рекомендаций для достижения целей внешней политики РФ в Арктике. Так, ученые СПбГУ привлекаются в качестве экспертов по линии госзаказов различных российских государственных ведомств по арктической проблематике и государственных компаний (в частности, Комитета по Арктике правительства Санкт-Петербурга, компаний «Роснефть», «Газпром», «Газпромнефть» и др.).

Ученые СПбГУ обладают опытом и международной экспертизы. В этом контексте интересно упомянуть экспертизу по заказу Корейского морского института (Южная Корея). В 2021 г. ученые СПбГУ подготовили аналитический доклад

на тему «Арктическая система управления и международное сотрудничество в арктическом регионе», а затем презентовали его в рамках онлайн российско-корейской конференции в конце 2021 г. Это, несомненно, свидетельствует о росте интереса стран Восточной Азии к арктическому сотрудничеству.

К сожалению, политика, проводимая западными арктическими и неарктическими странами по отношению к России с началом нового этапа украинского кризиса в феврале 2022 г., не способствует дальнейшему развитию арктического сотрудничества, включая его научную составляющую. АС (где Россия председательствовала в 2021–2023 гг.), Совет Баренцева-Евроарктического региона (в котором Россия будет председательствовать в 2023–2025 гг.), Совет министров Северных стран, UArctic и другие заявили о постановке на «паузу» сотрудничества с Москвой и ее бойкоте в рамках тех институтов, членом которых она является. В результате оказались разорваны многие партнерские связи между западными и российскими научно-образовательными учреждениями, прекращены совместные проекты, «заморожено» участие российских ученых в ряде профессиональных ассоциаций, занимающихся изучением Арктики, запрещено российским ученым принимать участие в ряде важных научных мероприятий и указывать свою аффилиацию в тех случаях, когда их выступление на международных конференциях все-таки допускается.

Вплоть до начала 2022 г. ученые СПбГУ активно участвовали в международных научных проектах по исследованию различных аспектов развития Арктики. Однако в 2022 г. в рамках антироссийских санкций был закрыт ряд международных научных и образовательных проектов с участием СПбГУ по арктической проблематике (например, программа ПОМОП), закрыт доступ для преподавателей СПбГУ к некоторым международным информационным ресурсам (например, в 2022 г. приостановлен доступ к базам данных на платформе Web of Science (Web of Science Core Collection, BIOSIS Citation Index, Current Contents Connect, Data Citation Index, Derwent Innovation Index, Korean Science Citation Index, MEDLINE, Russian Science Citation Index, SciELO Citation Index и Zoological Records), базам данных на платформе InCites (InCites Benchmarking & Analytics, Essential Science Indicators и Journal Citation Reports), журналам Oxford University Press и др.), в результате чего пострадала публикационная активность российских исследователей в высокорейтинговых зарубежных журналах и пр.

Однако важно подчеркнуть, что до начала новой фазы украинского кризиса в феврале 2022 г. в СПбГУ был создан достаточно прочный механизм сотрудничества между российскими и зарубежными учеными-арктиковедами из разных арктических и неарктических стран. В условиях практически полного прекращения сотрудничества на институциональном уровне ученые СПбГУ продолжают сохранять контакты со своими коллегами на частном уровне. Кроме того, следует учитывать, что антироссийская позиция в настоящий момент характерна в основном для представителей «коллективного Запада», куда, к сожалению, вошли Япония и Южная Корея, которые ранее довольно плодотворно сотрудничали с российскими партнерами, включая СПбГУ. Ученые из незападных государств (прежде всего из стран БРИКС, таких как Китай и Индия) по-прежнему работают совместно с российскими коллегами, и это сотрудничество приносит свои позитивные результаты для всех его участников.

Обзор проектов СПбГУ со странами Азии в области арктических научных исследований

Еще до начала второго украинского кризиса 2022 г. СПбГУ весьма активно развивал связи с неарктическими азиатскими странами. Поэтому восточное направление международных связей СПбГУ в области арктических исследований не является для него чем-то новым. Примерно с 2010 г. СПбГУ последовательно устанавливал связи и реализовывал совместные проекты по арктической тематике со странами Восточной и Юго-Восточной Азии: Сингапур, Китай, Япония, Южная Корея и другие.

Сингапур. В 2010 г. представители естественных и общественных наук пяти арктических государств (Дания, Канада, Норвегия, Россия и США) впервые собрались на экспертном семинаре в Сингапурском национальном университете. Затем они организовали конференцию в 2012 г., в числе российских представителей были ученые СПбГУ. Результатом встреч стало издание в 2013 г. коллективной монографии «Energy Security and Geopolitics in the Arctic: Challenges and Opportunities in the 21st Century» [2], в которой российские авторы представили свое видение процесса транснационализации Арктики в XXI в. Однако пока сотрудничество с Сингапуром не получило развития.

Китай. Как уже было отмечено выше, СПбГУ одним из первых начал сотрудничество с учеными из Китая по вопросам арктических исследований. В 2018 г. СПбГУ заключил рамочное Соглашение о взаимодействии с Океанологическим университетом Циндао, однако фактическое сотрудничество с китайским университетом началось значительно раньше — с 2011 г. С тех пор ежегодно попеременно на площадке СПбГУ и Океанологического университета Циндао проводится китайско-российский академический семинар по арктическому сотрудничеству, в рамках которого обсуждаются актуальные вопросы и перспективы российско-китайского сотрудничества в Арктике. В список обсуждаемых тем входят наука и образование, медицина, охрана окружающей среды, экономическое развитие и др. Инициаторами академического диалога выступили с российской стороны доцент кафедры мировой политики Н. К. Харлампьева, с китайской — профессор Пейцин Го. Сегодня это по-прежнему одна из немногих платформ академического обмена по вопросам Арктики между Россией и Китаем. Эксперты рассматривают этот формат как успешный пример дипломатии «people-to-people» [4]. В 2020 г. было подписано Соглашение об обмене студентами между СПбГУ и Океанологическим университетом, реализация которого была затруднена пандемией коронавируса. На данном этапе ведутся переговоры о подготовке соглашения об обмене учеными между университетами. Сегодня российско-китайский научный диалог выстраивается как на естественно-научном, так и социально-экономическом поле.

В 2018 г. СПбГУ подписал меморандум о сотрудничестве и соглашение о студенческом обмене с Уханьским университетом, также проявляющим интерес к совместным арктическим исследованиям.

В 2016–2018 гг. коллектив ученых-международников СПбГУ (профессора А. А. Сергунин (руководитель группы), Н. В. Еремина, В. Н. Коньшев, М. Л. Лагутина и Я. В. Лексютина) реализовал научно-исследовательский проект на тему «БРИКС как альтернативная модель мироустройства» (грант СПбГУ), одним из

партнеров которого стал Китайский университет международных отношений. Значительное внимание в рамках данного проекта уделялось перспективам сотрудничества в области полярных исследований стран БРИКС (в первую очередь России, КНР и Индии), а также их взаимодействию в Арктике [6; 7]. Участниками проекта был сделан вывод о том, что океаническая и полярная проблематика становится одним из направлений сотрудничества БРИКС и рассматривается в основном в рамках научного сотрудничества стран БРИКС. Такой «мягкий» подход дает возможность участия в этом сотрудничестве странам с разной полярной идентичностью. Очевидно, что в условиях сегодняшней сложной геополитической ситуации в мире в целом и в Арктике в частности, несомненно, развитие научного взаимодействия по линии полярного сотрудничества стран БРИКС приобретает новое значение.

В последние годы весьма активно реализуется сотрудничество ученых СПбГУ с коллегами из Центра исследований России Харбинского инженерного университета. В частности, в 2020–2022 гг. был реализован проект по написанию коллективной монографии по Арктике в глобальной политике, издание которого планируется на китайском языке. Вторым проектом стал «Обзор и оценка последних исследований ведущих аналитических центров мира о роли и активности Китая в Арктике» (2021), в ходе реализации которого были изучены позиции экспертно-аналитических учреждений трех регионов мира (Северная Америка, Европа и Россия) в отношении современной китайской арктической стратегии и ее направленности в обозримом будущем. В рамках проекта были рассмотрены теоретические основания мировых аналитических центров, занимающихся изучением китайской политики на Крайнем Севере (парадигмы неореализма, неолиберализма, глобализма и постпозитивизма), то, как они трактуют стратегические намерения КНР в регионе, а также формы и методы китайской политики в Арктике. По итогам проекта был подготовлен аналитический обзор.

Япония. С 2015 г. ученые СПбГУ начали развивать проекты с Японией. Так, в 2015–2016 гг. СПбГУ совместно с Токийским университетом реализовал проект на тему «Устойчивое развитие Арктики: проблемы и возможности», в рамках которого были проведены три научные конференции в Токийском университете — в январе и марте 2015 г. и апреле 2016 г. Результаты проекта были опубликованы в ведущих российских и зарубежных журналах [1; 13]. В проекте с российской стороны приняли участие преподаватели факультета международных отношений СПбГУ — профессора В. Н. Коньшев, И. Н. Новикова и А. А. Сергунин. Проект также включал программу студенческих обменов: 5 японских студентов обучались в течение семестра на факультете международных отношений СПбГУ в 2015–2016 гг., а в марте 2016 г. делегация студентов ФМО СПбГУ посетила Токийский университет, приняв участие в студенческой научной конференции.

Вторым ключевым японским партнером СПбГУ стал Университет Кобе, сотрудничество с которым началось в 2016 г. В 2021 г. было подписано Рамочное соглашение о сотрудничестве между СПбГУ и Университетом Кобе, действующее до конца 2026 г. С 2016 г. учеными было реализовано несколько проектов по арктической тематике: в 2016 г. велась работа по проекту на тему «Российские подходы к возникающему арктическому правовому режиму», результаты иссле-

дования были опубликованы в российских и зарубежных журналах [5; 9; 11; 12]; в 2020 г. исследование было проведено по теме «О предстоящем председательстве России в Арктическом совете (2021–2023 гг.)», результаты проекта также нашли отражение в ряде публикаций [8; 10; 14; 15]. С российской стороны участие в проектах принимал профессор СПбГУ А. А. Сергунин. Эти проекты продемонстрировали интерес японских партнеров к российскому опыту управления арктическими территориями и налаживания международного сотрудничества в регионе.

Наконец, в 2022 г. был реализован проект на тему «Реализация Соглашения об укреплении научного сотрудничества в Арктике 2017 г.: вызовы и возможности для России и Японии». Цель данного исследования — выявить основные препятствия на пути реализации Соглашения об укреплении международного научного сотрудничества в Арктике (2017) и выявить пути содействия имплементации соглашения, которое может укрепить российско-японское научное сотрудничество на Крайнем Севере. Российско-японские отношения в этой области иллюстрируют трудности, а также потенциальные возможности соглашения в укреплении арктического научного сотрудничества между арктическими и неарктическими государствами. В конечном счете исследование выявило несколько возможных способов содействия осуществлению соглашения. В ходе исследования были рассмотрены правовые основания для реализации соглашения. В частности, был изучен механизм мониторинга выполнения соглашения и возможности двустороннего соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Японией и Россией 2000 г., определены наиболее релевантные арктические исследовательские проекты и инфраструктура, способствующие имплементации соглашения, и соответствующие государственные органы в качестве контактных пунктов для реализации соглашения. Кроме того, в рамках проекта была рассмотрена возможность гармонизации соглашения с другими аналогичными форумами и институтами. В частности, особое внимание было уделено АС в качестве платформы для расширения научного сотрудничества в регионе. Кроме того, был рассмотрен потенциал различных арктических профессиональных организаций и ассоциаций, а также арктических встреч министров науки для синхронизации их деятельности с работой в рамках соглашения. По итогам проекта была подготовлена и опубликована совместная с профессором Акихо Шибата (Университет Кобе) статья для авторитетного международного издания «Ежегодник полярного права — 2022» [19].

СПбГУ также подписал рамочные соглашения о сотрудничестве с Ниигатским университетом (2021–2026), Университетом Осаки (2021–2025) и Университетом Тохоку (2021–2025).

Южная Корея. Что касается Южной Кореи, то в последние годы эта азиатская страна последовательно проявляет интерес к арктической проблематике. На данный момент у СПбГУ также подписано несколько рамочных соглашений о сотрудничестве с корейскими университетами: Университетом Кемён (2021–2026); Корейским морским институтом (2021–2025) и Университетом Йонсей (2021–2025). Именно Корейский морской институт в 2021 г. выступил заказчиком аналитики на тему «Арктическая система управления и международное сотрудничество в арктическом регионе», а затем подготовленный российскими учеными

аналитический доклад был презентован в рамках онлайн российско-корейской конференции в конце 2021 г. В рамках данного проекта были рассмотрены состояние и структура системы регионального управления в Арктике. Экспертами были также проанализированы отношения России с международными организациями и институтами, действующими в Арктике, а также со странами-наблюдателями в АС, в том числе азиатскими. Особое внимание было уделено политике Республики Корея в Арктике и перспективам российско-корейского сотрудничества в этом регионе.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что сегодня СПбГУ является одним из ключевых акторов российской АНД, последовательно реализующих арктические научные проекты с участием зарубежных партнеров из разных стран. За годы своей международной научной деятельности в области арктических исследований СПбГУ и его ученые сформировали научно-исследовательские и образовательные основы для АНД Санкт-Петербурга и России в целом.

Вплоть до недавнего времени основными партнерами СПбГУ по арктическим проектам были западные арктические и неарктические страны, однако в современных геополитических условиях СПбГУ вынужден адаптироваться к новым трендам, развивая связи со странами Востока. В результате второго украинского кризиса серьезно пострадали институциональные связи СПбГУ с западными партнерами. На данном этапе основу международных контактов с этими странами составляют, главным образом, личные контакты ученых СПбГУ (people-to-people), позволяющие сохранять наработанные ранее международные связи.

Что касается восточных партнеров СПбГУ по арктическим исследованиям, то в них традиционно входят Китай, Япония, Южная Корея, намечаются связи с Сингапуром и Индией. Отметим при этом, что данное направление не является для СПбГУ чем-то новым, университет довольно активно развивал свои связи с азиатскими странами и до событий на Украине. Однако с 2022 г. в АНД СПбГУ наметился радикальный «восточный поворот» и сближение, прежде всего, с Китаем пошло быстрыми темпами.

В настоящее время наметился ряд устойчивых направлений и форм АНД СПбГУ на Востоке — совместная проектная деятельность, публикации в высококорейтинговых изданиях, научные конференции, работа в международных научных организациях и профессиональных ассоциациях ученых-арктиковедов. Сформировались и приоритеты арктических исследований в области естественных, точных и общественных наук, однако пока превалирует сотрудничество в области общественных наук. В ряде случаев наблюдаются институционализация арктического научного сотрудничества и его закрепление на договорно-правовой основе.

Вместе с тем для расширяющихся связей СПбГУ со странами Востока не всегда присущи такие характеристики, как системность и устойчивость. Университету и его азиатским партнерам еще предстоит большая работа по преодолению различных трудностей, вызванных пандемией коронавируса и геополитической турбулентностью, на пути их сотрудничества и по выстраиванию прочных и взаимовыгодных отношений в области арктических исследований.

Литература

1. Кonyшев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В. Государственный приоритет — устойчивое развитие Российской Арктики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, № 3. С. 416–430. Текст: непосредственный.
2. Харлампьева Н. К. Семинар в Санкт-Петербургском государственном университете «Международное научное сотрудничество в Арктике» // Российские полярные исследования. 2017. № 4. URL: <http://old.aari.ru/misc/publicat/sources/30/RPI-30-2017-04-40-41.pdf> (дата обращения: 14.02.2023). Текст: электронный.
3. Юшковский В. Теневое правительство Севера // Ведомости. 14 мая 2021 г. URL: <https://spbvedomosti.ru/people/sergey-aplonov/> (дата обращения: 22.02.2023). Текст: электронный.
4. Kirchberger S., Sinjen S., Wörmer N. (eds.) *Russia-China Relations. Emerging Alliance or Eternal Rivals?* Springer, 2022.
5. Konyshov V., Sergunin A. Potential transboundary maritime energy disputes in the Arctic: the Russian perspective // *Russia's Far North. The Contested Energy Frontier*. Ed. by Veli-Pekka Tynkkynen, Shinichiro Tabata, Daria Gritsenko and Masanori Goto. Abingdon: Routledge, 2018. P. 96–112.
6. Kirchberger S., Sinjen S., Wörmer N. (eds.) *Russia-China Relations. Emerging Alliance or Eternal Rivals?* Springer, 2022.
7. Konyshov V., Sergunin A. Potential transboundary maritime energy disputes in the Arctic: the Russian perspective. *Russia's Far North. The Contested Energy Frontier*. Ed. by Veli-Pekka Tynkkynen, Shinichiro Tabata, Daria Gritsenko and Masanori Goto. Abingdon: Routledge, 2018, pp. 96–112.
8. Lagutina M. L., Casella P. B., Giannattasio A.R.C. BRICS in Polar Regions: Brazil's Interests and Prospects. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2022; 13(3): 326–340.
9. Lagutina M., Leksytina Y. BRICS Countries' Strategies in the Arctic and the Prospects for Consolidated BRICS Agenda in the Arctic. *The Polar Journal*. Special Issue: The Asian View on Polar Research. June 2019; 9(1): 45–63; 32.
10. *New Frontiers in Science diplomacy*. London, The Royal Society, 2010. Available at: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/policy/publications/2010/4294969468.pdf (accessed: 12.02.2023).
11. Sergunin A. Introduction: Quo Vadis? The Arctic Between Nationalism and Globalism. *The Polar Journal*. 2021; 11(1): 1–10.
12. Sergunin A. Russia and Arctic Fisheries. *Governing Marine Living Resources in the Polar Regions*. Edited by Nengye Liu, Cassandra M. Brooks and Tianbao Qin. Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2019. P. 109–137.
13. Sergunin A. Russia and the Arctic Council: Towards a New Agenda. Kobe: Polar Cooperation Research Centre, Kobe University (PCRC Working Paper No. 13, May 2020).
14. Sergunin A. Russian Approaches to an Emerging Arctic Ocean Legal Order. Kobe: Kobe University Press (PCRC Working Paper No. 6, March 2017).
15. Sergunin A. Russian Approaches to an Emerging Arctic Ocean Legal Order. *Towards an International Legal Order for the Arctic: Science, Environment and the Ocean*. Ed. by Osamu Inagaki and Akiho Shibata. Kobe: Kobe University Press, 2018. P. 64–108 (In Japanese).
16. Sergunin A. Russian Environmental Strategies in the Arctic Region: Challenges and Opportunities. *Scientific Prescription for Sustainable Development*. Tokyo: Tokyo University Press, 2016. P. 117–140.
17. Sergunin A. Thinking about Russian Arctic Council Chairmanship: Challenges and Opportunities. *Polar Science*. 2021. Vol. 29. September.

18. Sergunin A. Upcoming Russian Arctic Council Chairmanship: Priorities and Implications for the High North. *Russian Analytical Digest*. June 2021; 269: 5–7.

19. Sergunin A., Shibata A. Implementing the 2017 Arctic Science Cooperation Agreement: Challenges and Opportunities as regards Russia and Japan. *The Yearbook of Polar Law*. Vol. 14. Ed. by Yelena Yermakova and Akiho Shibata. Leiden/Boston: Brill/Nijhoff, 2023. P. 45–75. DOI:10.1163/22116427_014010004.

Статья поступила в редакцию 08.04.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

ROLE OF SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY IN THE DEVELOPMENT OF ARCTIC SCIENTIFIC DIPLOMACY: THE EASTERN VECTOR

Mariya L. Lagutina
Dr. Sci. (Polit.), Prof.
m.lagutina@spbu.ru

Aleksandr A. Sergunin
Dr. Sci. (Polit.), Prof.
a.sergunin@spbu.ru

Saint Petersburg State University
1/3 Smolnogo St., entrance 8, St. Petersburg 191969, Russia

Abstract. Today, Russian universities are recognized actors in Arctic scientific diplomacy, which perform a number of important functions in organizing international scientific cooperation with foreign countries and promoting the interests of the country on various international platforms, creation of positive image of Russia in the world. The article considers international scientific Arctic cooperation between St. Petersburg State University, the leading institution in this field of research, and Oriental countries. As a result of recent large-scale geopolitical events, there is a geographical diversification of scientific ties of leading domestic institutions implementing scientific and educational Arctic projects (including St. Petersburg State University), Oriental countries are included in the Arctic scientific cooperation, and the line of scientific polar research is formulated within the framework of BRICS. The article analyzes the most successful projects implemented by St. Petersburg University with the countries of East and South-East Asia.

Keywords: Arctic scientific diplomacy, Russia, Arctic, countries of East and South-East Asia, Asia pivot, China, Japan, South Korea, Singapore.

Acknowledgements

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (RSF) No. 22-28-20276 and the grant of St. Petersburg Science Foundation in accordance with agreement No. 38/2022 of April 14, 2022 on the topic "The Role of St. Petersburg in the Development of the Arctic Scientific Diplomacy of the Russian Federation".

For citation

Lagutina M. L., Sergunin A. A. Role of Saint Petersburg State University in the Development of Arctic Scientific Diplomacy: The Eastern Vector. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2023; 2: 54–66 (In Russ.).

The article was submitted 08.04.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья

УДК 323.1(470.1/.2)

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-67-74

ПАРАДОКСЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СРЕДИ НАРОДОВ СЕВЕРА

© Ерохина Елена Анатольевна

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник,

Институт философии и права СО РАН

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

leroh@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье предложен подход, который рассматривает этногенез и нациестроительство как два самостоятельных процесса, в которых логика стихийной самоорганизации сопряжена с процессами государственного управления. Рассмотрен опыт советской национальной политики среди народов Севера. Делается вывод о том, что факторами межэтнической интеграции в евразийском социокультурном пространстве являются ориентация на традиционные религиозные системы, совмещение этнических и гражданских оснований советского нациестроительства, политическая интеграция без культурной ассимиляции. Фактором дезинтеграции явился негативный опыт форсированной модернизации, который породил особый, имеющий выраженную антисоветскую направленность дискурсивный стиль.

Ключевые слова: советская национальная политика, народы Севера, интеграция, дезинтеграция, этногенез, нациестроительство, модернизация.

Для цитирования:

Ерохина Е. А. Парадоксы интеграции и дезинтеграции: советский опыт национальной политики среди народов Севера // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 67–74.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания «Трансформация современного российского общества в евразийском социокультурном пространстве: институты, общества, индивиды».

Советский опыт решения национального вопроса вызывает серьезный интерес как среди ученых, так и среди политиков. В оценках постсоветских исследователей сложились две полярные традиции, одна из которых настаивает на тоталитарной природе советского проекта [10], тогда как другая, напротив, на инновационной [5]. Данная дихотомия в полной мере распространяется и на советский национальный проект, который рассматривается либо как имперский [6], либо как современный [1]. Это не исключает отдельных удачных попыток увидеть его как более сложное явление.

Следуя идее Ш. Эйзенштадта о множестве путей к современности, советскую национальную политику следует рассматривать как часть модернизационного проекта [12]. Хотя нациестроительство в СССР осуществлялось на этнической основе, конкуренция этнических элит смягчалась коммунистической идеологией. Последняя в отношении национальной политики базировалась на двух принципах: социалистического патриотизма, который противопоставлялся буржуазному

национализму, и пролетарского интернационализма, семантическим антиподом которого стал космополитизм.

Базовыми чертами советской модели национального строительства можно считать идейные установки, проводимые коммунистической партией Советского союза (КПСС), в решении «национального вопроса»: 1) ориентация на некапиталистический путь развития; 2) фактическое признание коллективной субъектности, что логично вытекало из понимания прав и свобод личности как части коллективного целого; 3) целенаправленное формирование гражданской общности, «советского народа» и соответствующего гражданского самосознания [7].

Однако стратегия движения к заявленным КПСС целям испытывала маятниковые колебания под влиянием одной из двух социокультурных альтернатив. Первая альтернатива, назовем ее условно «рывком в современность», связана со стремлением преобразовать народы СССР в «нормальные нации» как в Европе, сохранявшей статус цивилизационного ориентира. Вторая альтернатива, назовем ее «сочувственной», исходила из представления о необходимости сохранения традиционной культуры, репрезентации которой сохраняли черты идеализации.

Несмотря на радикальную смену эпистемологической матрицы в отечественной этнологии 1990-х гг. и отказ ряда авторитетных ученых признавать за концептами «этнос» и «народ» право на академический статус, проблемы этногенеза и его влияния на процессы национального строительства по-прежнему остаются актуальными. В выступлениях президента Ассоциации антропологов и этнологов России, академика В. А. Тишкова, сомнению подвергается не только академическая уместность использования концепта «этнос», но и его политическая безупречность [11, с. 501]. Причина неудачи советского проекта заключается, считает он, в последствиях национально-территориального размежевания и коренизации элит.

Несмотря на его критику советской теории этноса, в 2010–2020-х гг. происходит переосмысление традиций отечественной этнографии, в том числе и эмигрантской. В частности, в 2021 г. опубликованы ранее недоступные работы С. Широкого, автора термина «этнос» в его современном значении [2].

В статье предложен подход, рассматривающий этногенез и нациестроительство как два самостоятельных процесса, в которых логика стихийной самоорганизации сопряжена с процессами государственного управления, движение к заявленной цели — социально-структурному выравниванию параметров советских наций — сопровождалось травмой модернизации. Идея равенства и права всех народов на самоопределение, которая питала советский проект, идея, предполагавшая «выравнивание» условий их развития, и помощь когда это необходимо, «отстающим» на пути к современности, в своей реализации была сопряжена с практиками жесткой трансформации институтов этнической самоорганизации. Как и всякая травма модернизации, советский переход к современности оставил противоречивое наследие, и попытка изжить эту травму, преодолеть ее, смириться с ней, переосмыслить ее в бинарном ключе не закончена до настоящего времени.

Вышеназванное в полной мере относится к практикам ускоренной модернизации Советского Севера и его коренных народов. Сам характер противоречий между ускоренной модернизацией и попыткой не допустить разрыв социальной

ткани, вызывающий болезненное напряжение, можно рассматривать в двух перспективах: институциональной и семиотической. Первая перспектива — институциональная, позволяет увидеть процесс преобразований на Севере как маятниковое движение от форсированной модернизации к тому, что сами информанты называли «благополучной жизнью» // «добрыми временами», и обратно. Здесь исследователи выделяют следующие этапы [4].

Первый период — начало социалистических преобразований, когда был взят курс на преодоление отсталости, избавления от разнообразных форм неравенства между народами одной страны. В этот период были заложены основы политики советского государства в отношении народностей Севера. К ним относится, в частности, положение теории национальных отношений В. И. Ленина о возможности перехода народов, отставших в своем историческом развитии, к социализму, минуя капитализм. Так, из доклада В. И. Ленина на комиссии Коминтерна по национальному и колониальному вопросу (1920) следует, что «Коммунистический интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [9, с. 246]. Это ленинское положение о некапиталистическом пути развития отсталых народов нашло свое выражение в решениях X (1921 г.) и XII (1923 г.) съездов ВКП(б).

С другой стороны, в логике партийных резолюций о невозможности самостоятельно использовать северными народами своего права на развитие без помощи извне обращает на себя внимание тезис о том, что данная потребность не вытекала из уровня их развития накануне Октября 1917. Следовательно, именно образование социалистического государства с его политикой всемерной помощи менее развитым народам явилось решающим условием особого исторического пути — «сокращенного» перехода к социализму» [8, с. 29–30].

Таким образом, можно констатировать, что корни советского утопизма питались идеей своеобразного «прогрессорства», которое по мере реализации модернизационного проекта приходило в противоречие с романтической идеей «естественного человека». С точки зрения семиотической перспективы крайне интересно посмотреть на это маятниковое колебание прогрессорского и сочувственного взгляда на преобразование в среде северных аборигенов. Оппозиция авангардной стихии революции против идеи естественного человека и его мироцелостности в известной мере возвращает нас к спору просветителей и романтиков.

Напомним, что устремленность в будущее, преодоление невежества путем воспитания нравственных чувств связывались просветителями с силой естественного света человеческого разума. Прогресс и общественное благо невозможны без преодоления предрассудков, страстей, архаики. Суеверие, невежество, все, что связывалось с народными обычаями и традициями, рассматривалось ими как тормоз на пути прогресса. С другой стороны, романтики предложили сочувственный взгляд на народность. Отсюда идея естественного человека, благородного дикаря, неиспорченного цивилизацией, прямотушного, искреннего, честного в своем мирозерцании и в своих поступках.

Экстраполируя просветительские и романтические проекты на практику социалистического строительства в СССР, можно легко обнаружить противоречие меж-

ду жесткой логикой прогресса как целенаправленного, поступательного, алгоритмированного процесса и идеей многообразия перехода к новой жизни. Ключевой пункт разногласий заключается в оценке традиции: достойна ли она сохранения? Или движение к идеалу предполагает беспощадное преодоление всех пережитков?

Национальная политика в отношении народов Севера четко фиксирует указанные маятниковые колебания. Так, например, по мнению С. В. Виноградовой, первый этап, сопряженный с национальным размежеванием в 1930-е гг. — середине 1940-х гг., можно охарактеризовать как этап форсированной модернизации и сплошной коллективизации. Ее отличительная черта — формирование отрядов национальной интеллигенции, интенсивная культурная революция, коренизация управленческих кадров наряду с ограничениями для выходцев из определенных социальных групп, признанных советской властью эксплуататорскими. В это время начинается переход к оседлости, зачастую насильственный, так как кочевой образ жизни признан отсталым, несоответствующим советскому порядку.

Середина 1940 — конец 1950-х гг. — это период, называемый информантами Виноградовой «добрыми временами», характеризуется временной стабилизацией административно-управленческой политики и улучшением материального положения. Коллективные хозяйства, как правило, небольшие, располагались на территориях традиционного проживания, что сохраняло систему родового расселения и экономическую специализацию в соответствии с традиционным укладом [4, с. 134].

Крутые изменения начались на рубеже 1950–1960-х гг. и оказались связаны не только с индустриальным освоением Севера, но и с новыми веяниями в развитии плановой экономики. После постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» начался новый период¹. Был объявлен курс на интенсификацию сельского хозяйства. Мелкие национальные хозяйства коренных народов Севера признавались нерентабельными, и в качестве перспективного направления их развития предлагалось укрупнение (объединение) колхозов либо их огосударствление (преобразование в совхозы и госхозы).

Процессы преобразования предприятий сопровождалась ликвидацией мелких удаленных поселений и массовыми переселениями коренных народов в более крупные населенные пункты. При этом на новых местах переселенцы сталкивались с многочисленными проблемами: нехваткой рабочих мест и жилья, изменением социального статуса, языковыми трудностями. Недоступными становились многие родовые угодья, промысел, который традиционно играл существенную роль в экономике домохозяйств народов Севера. Одновременно с этим началась активная борьба с кочеванием. Семьям и родам теперь предписывалось постоянно проживать на новых местах, а работы в оленеводстве переводились на вахтовый метод. Активное внедрение интернатской формы обучения детей нанесло непоправимый урон традиционным институтам коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [4, с. 134].

¹ О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера: постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 300 от 16 марта 1957 г. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765714380/titles/4BKEGM> (дата обращения: 17.03.2023). Текст: электронный.

Развитой социализм или застой (1970-е — начало 1980) в национальной политике стал временем «расцвета и сближения» социалистических наций. В связи с 50-летием социалистической революции в 1967 г. был сделан вывод о построении в СССР развитого социалистического общества. В логике «расцвета и сближения наций» в СССР осуществлялась целенаправленная политика на уменьшение диспропорций между центром и периферией, на стирание различий в образовательном уровне и социально-профессиональном составе разных народов СССР.

В отношении коренных народов преобладала политика абсолютного патернализма. Фактически регулирование положения коренных народов было сведено к мерам по поддержке оленеводства, которое в эти годы было устойчивым и рентабельным благодаря тому, что государство уделяло ему большое внимание. Основной сферой занятости оставалось сельское хозяйство, в отраслевом отношении ориентированное на традиционные промыслы. Улучшилось материальное положение людей, в том числе благодаря централизованным закупкам. Бригады получали финансовую поддержку и обеспечивались техникой: снегоходами, радиостанциями. Хорошо была налажена транспортная инфраструктура, в том числе малая авиация. При этом в отношении всех народов Севера отмечается тенденция к увеличению доли работников умственного и механизированного труда в структуре занятости.

Вместе с тем высокие темпы промышленного освоения и миграция значительного числа некоренного населения сыграли свою негативную роль в деградации традиционной культуры. В 1960-х гг. во всех школах, расположенных в местах компактного проживания коренных народов, прекратился процесс обучения на родном языке. Осуждались их традиции, обычаи и верования.

С точки зрения семиотической перспективы осмысление «травмы» модернизации как социальной драмы, отразившейся в первую очередь на советском селе, начинается в 1960–1970-е-х гг. в искусстве, общественных движениях, процессах национального возрождения. Они не оставили в стороне академическую науку. Появляются новые области знания, например, этносоциология, которая приобретает статус самостоятельной дисциплины благодаря деятельности московских (Ю. В. Арутюняна, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, А. А. Сусоколова) и региональных, в том числе сибирских, ученых (А. Ф. Фелингера, В. И. Бойко, И. В. Удаловой, В. Г. Костюка, Г. С. Гончаровой). Параметры национальной политики неискаженно выявлялись ими через анализ социально-профессиональной структуры советских наций [3, с. 67]. Близость и сходство социально-структурных параметров двух и более этнических групп позволяли говорить о выравнивании условий их развития, тогда как иерархические различия — напротив, об углублении дистанции между ними. Преодоление неравенства, социальное познание, социальное служение ученого — все эти идеалы сохраняли свое значение для этносоциологов, этнографов, фольклористов.

Наряду с этим усиливался мотив возвращения к «неискаженной подлинности» некоей аутентичной традиции. В полный голос заявил о себе консервативный культурный проект, наиболее объемно представленный в творчестве писателей-деревенщиков (Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин, А. Солженицын). Советская национальная политика в существующих реалиях не

давала ответа на вопрос о том, является ли этничность нашим прошлым или нашим настоящим. По мере ослабления идеологического надзора за религиозной сферой жизни советских граждан они активно возвращались к культовым практикам своих традиционных религий.

Таким образом, противоречия советского модернизационного проекта несут в себе универсальные для перехода к современности черты конфликта между идеей научно-технического прогресса и сохранения мироцелостности сообществ. Общее незначительное улучшение материального положения представителей северных народов в условиях нового этапа интенсивного освоения природных ресурсов не смогло в полной мере компенсировать утрату родного языка как языка повседневного общения и образования, сокращения населенных пунктов компактного проживания и угодий для традиционных промыслов. Перестройка частично вернула привлекательность национального образа жизни, однако отказ государства от политики патернализма в отношении северных этносов в годы рыночных реформ 1990-х гг. «съел» значительную часть благоприобретений. В 1990-е гг. начался новый, постсоветский этап модернизации со своими отличительными чертами и уникальными «травмами».

В новых социокультурных реалиях советский опыт требует учета с точки зрения факторов интеграции и дезинтеграции российского социума. Семиотическим фактором интеграции следует признать учет мироцелостности его народов и влияние цивилизационных детерминант: ориентация на традиционные религии, русско-национальный билингвизм, интеграция без ассимиляции. К институциональным факторам интеграции следует отнести практики формирования советской гражданской идентичности, позволяющие непротиворечиво сочетать нациестроительство на этнической и политической основе. Выраженный идеологический контекст советской национальной политики был сопряжен с конкретными мерами, направленными на выравнивание уровня образования, образа жизни и возможностей социальной мобильности советских граждан — представителей разных народов. Институциональными трансформациями, приведшими к дезорганизации, стали принудительная смена образа жизни, культурная гомогенизация, воинствующий атеизм. Семиотическим фактором дезинтеграции явился негативный опыт форсированной модернизации, который повлек за собой переоценку всего советского наследия в постсоветский период. Коллективная память о травме модернизации породила особый, имеющий выраженную антисоветскую направленность дискурсивный стиль.

Литература

1. Аманжолова Д. А. К вопросу о формировании советского народа: политика и этничность // Труды Института российской истории РАН. 2015. № 13. С. 194–216. Текст: непосредственный.
2. Арзютов Д. В., Андерсон Д. Дж., Подрезова С. В. Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям: этноистория Сергея и Елизаветы Широкогуровых. Москва: Индрик, 2021. Т. 1. 544 с. Текст: непосредственный.
3. Арутюнян Ю. В. Выступление на круглом столе «Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы» // История СССР. 1987. № 6. С. 67–70. Текст: непосредственный.

4. Виноградова С. Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 127–139. Текст: непосредственный.

5. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста: к русскому экономическому чуду. Москва: Наше завтра, 2021. 360 с. Текст: непосредственный.

6. Герасимов И., Могильнер М., Глебов С. Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Балансирование имперской ситуации. XVIII–XX вв. Казань: AbImperio, 2017. 630 с. Текст: непосредственный.

7. Ерохина Е. А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. 418 с. Текст: непосредственный.

8. Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г.: сборник научных трудов / ответственный редактор В. И. Бойко. Новосибирск, 1989. 128 с. Текст: непосредственный.

9. Ленин В. И. Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросам. II Конгресс Коммунистического Интернационала // Полн. собр. соч. 5-е изд. Москва: Изд-во полит. лит-ры, 1981. Т. 41. С. 242–247. Текст: непосредственный.

10. Пивоваров Ю. С. «... И в развалинах век» // Полис. 2011. № 6. С. 52–77. Текст: непосредственный.

11. Тишков В. А. Да изменится молитва моя: 30 лет спустя // XIII Конгресс этнологов и антропологов России: сборник материалов (Казань, 2–6 июля 2019 г.). Москва; Казань, 2019. С. 498–506. Текст: непосредственный.

12. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций. Москва: Аспект-Пресс, 1999. 416 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

PARADOXES OF INTEGRATION AND DISINTEGRATION:
THE SOVIET EXPERIENCE OF NATIONAL POLICY
AMONG THE PEOPLES OF THE NORTH

Elena A. Erokhina

Dr. Sci. (Philos.), Leading Researcher,
Institute of Philosophy and Law SB RAS
8 Nikolayeva St., Novosibirsk 630090, Russia
leroh@mail.ru

Abstract. The article proposes an approach that considers ethnogenesis and nation-building as two independent processes in which the logic of spontaneous self-organization is associated with the processes of state administration. We have analyzed the experience of the Soviet national policy among the peoples of the North. It is concluded that the factors of interethnic integration in the Eurasian socio-cultural space are the orientation towards traditional religious systems, the combination of ethnic and civil foundations of Soviet nation-building, political integration without cultural assimilation. The factor of disintegration was the negative experience of forced modernization, which gave rise to a special discursive style with a pronounced anti-Soviet orientation.

Keywords: Soviet national policy, peoples of the North, integration and disintegration.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the state assignment "Transformation of Modern Russian Society in the Eurasian Socio-Cultural Space: Institutions, Communities, Individuals".

For citation

Erokhina E. A. Paradoxes of Integration and Disintegration: the Soviet Experience of National Policy among the Peoples of the North. *Oriental Vector: History, Society, State.* 2023; 2: 67–74 (In Russ.).

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья

УДК 327(519.5)

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-75-80

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТИЖ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ДИСКУРС-АНАЛИЗ

© Бритова Виктория Римовна

кандидат исторических наук, ассистент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а

mengly@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена дискурс-анализу идеи государственного престижа в речах и заявлениях президентов Республики Корея — Ли Мен Бака (2008–2013), Пак Кын Хе (2013–2017) и Мун Чжэ Ина (2017–2022). В ходе работы мы пришли к выводам о том, что президент Ли Мен Бак обращался к идее государственного престижа в контексте программы «Глобальная Корея», призванной повысить международное положение Республики Корея. Президент Пак Кын Хе рассматривала идею государственного престижа с точки зрения культурного влияния Республики Корея, в частности корейской волны, президент Мун Чжэ Ин обращался к идее государственного престижа с точки зрения повышения статуса страны за счет ее экономического сотрудничества и культурного влияния.

Ключевые слова: внешняя политика, Республика Корея, престиж страны, президенты, международный статус, корейская волна.

Для цитирования:

Бритова В. Р. Государственный престиж Республики Корея: дискурс-анализ // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 75–80.

Государственный или национальный престиж страны является предметом интереса нескольких южнокорейских президентов: Ли Мен Бака (2009–2013) в своих речах и обращениях 45 раз упоминал тему *национального престижа* *국격*, Пак Кын Хе (2013–2017) — 4 раза, наконец, у Мун Чжэ Ина (2017–2022) можно обнаружить 15 упоминаний.

Для дальнейшего анализа среди 45 упоминаний о повышении международного статуса президента Ли Мен Бака мы выбрали его наиболее заметные высказывания, произнесенные как внутри страны, чаще всего это обращения президента Кореи к населению страны в связи с теми или иными событиями, так и вне страны. Президент Ли Мен Бак активно продвигал образ Республики Кореи как *глобального государства* (*세계일류국가*), в частности, это выразилось в проведении ряда международных мероприятий в Корею на высшем уровне — Сеульский саммит Большой двадцатки в 2009 г., саммит по ядерной безопасности в 2012 г., форум по повышению эффективности внешней помощи в 2011 г. и т. д. Главным итогом данной политики он видел повышение международного статуса и престижа Кореи, поэтому было важно сохранить имидж страны как продвинутого и уважаемого государства, что не всегда было возможно ввиду внутренних политических скандалов. В январе 2009 г. в Национальном собрании Республики Корея (РК) произошла массовая драка в связи с забастовкой оппозиционеров, вы-

ступавших против законопроектов президента Ли Мен Бака, в частности договора о свободной торговле с США. 12 января 2009 г. президент Ли Мен Бак выступает с обращением по радио в связи с данными событиями, говоря о том, «как ему стыдно за произошедшее, отмечая, что РК в 2009 г. принимает саммит G-20 и каким образом Корея сможет принимать на себя столь ответственную роль принимающей стороны ввиду данного скандала» [1]. Он говорит, что «развитое государство мирового уровня не может быть таковым, опираясь только на уровень ВВП. И если вслед за экономическим развитием не будет следовать политическое, то развитие невозможно. Таким образом, прогресс в качестве [развитого глобального государства] невозможен» [1].

В июне 2009 г. президент Ли Мен Бак выступает с поздравительной речью в честь 10-й встречи лидеров корейских диаспор и говорит о том, что «Престиж страны значительно возрос. И куда бы ни отправлялись граждане РК, они везде могут гордиться собой, поскольку граждане маленькой страны проявляют выдающиеся способности во всех сферах» [2].

Также в июле 2009 г. в своем обращении в знак поддержки проведения морских военных учений РК совместно с Италией он отмечает, что «в настоящее время наша Корея вносит свой международный вклад в соответствии с уровнем мощи государства. Например, ваши старшие товарищи сейчас занимаются миротворческой деятельностью в разных местах мира, например, в проливе у Сомали активно работают наши приглашенные войска» (우리 대한민국은 국력에 걸맞은 국제적 기여를 확대해 가고 있습니다. 특히 여러분의 선배들이 세계 곳곳에서 평화유지활동을 하고 있으며, 이곳에서 가까운 소말리아 해협에서는 청해부대가 활약하고 있습니다) [3].

В речах и обращениях Ли Мен Бака обращение к престижу страны часто упоминалось в связи с проведением саммита G20 в Сеуле в 2010 г., так как корейское правительство рассматривало проведение подобного мероприятия как возможность повышения своего международного статуса и престижа. В своем 19-м обращении к гражданам Кореи 12 июля 2009 г. президент Ли Мен Бак говорил, что «в следующем году мы будем принимать саммит G20, это наш шанс повысить международное положение. Всего лишь за год мы добились подобного доверия и, следовательно, наша ответственность еще более возросла. Мы приложим еще большие усилия и будем в полной готовности, чтобы повысить наш международный престиж еще на один уровень. Поэтому мы [правительство РК] просим вашего интереса и поддержки». 내년에는 우리는 G20 의장국이 됨으로써 국제사회에서 우리의 위상을 더 높일 기회가 왔습니다. 지난 1 년여 사이에 국제사회에서 우리에게 대한 신뢰가 놀라울 정도로 높아졌습니다. 따라서 우리의 책임도 커졌습니다.우리가 더 많은 노력을 해서 대한민국의 국격을 한 단계 더 높이고 국익에 큰 도움이 되도록 만반의 준비를 해야겠습니다. 국민 여러분의 관심과 성원을 부탁드립니다 [4].

С подобным обращением Ли Мен Бак выступал также на пресс-конференции в сентябре 2009 г., где отмечал, что «сейчас мы находимся на поворотном моменте истории. Если мы успешно откроем саммит G20, то таким образом внесем вклад в развитие мира, также нам нужно использовать этот момент для дальнейшего повышения международного статуса Республики Корея. В следующем году

그것은 21 세기에 정말 중요한 것은 문화이고, 문화의 융성이야말로 나라의 국력과 국민의 삶의 질을 높이는 일이라 생각했기 때문입니다 [9].

В 2015 г. президент Пак Кын Хе на мероприятии по запуску проекта Пояс объединения культуры и творчества (кор. 문화창조융합벨트) говорит о том, что «сейчас корейская волна выходит за границы Азии и распространяется вплоть до Европы и Азии. Бренд «Корея» на мировом рынке повышает международный статус страны» 이미 한류라는 문화는 아시아를 넘어 유럽 및 남미까지 전 세계로 뻗어나가고 있습니다. 세계시장에 'Korea'라는 브랜드를 알리고 대한민국의 국격을 높이고 있습니다 [10].

В подобном контексте идея *международного престижа* 국격 также была затронута в поздравлении президента с 50-летием пожарной службы РК в 2013 г. и 70-й годовщиной со дня образования полиции РК в 2015 г., следует отметить, что вопрос о престиже РК интересовал Пак Кын Хе меньше в сравнении с ее предшественником — президентом Ли Мен Баком.

Далее в 2017 г. на досрочных выборах президента РК побеждает представитель демократических сил — Мун Чжэ Ин, который часто обращался к идее *престижа страны* 국격 в различных контекстах, например, в своем поздравлении группы BTS с получением награды музыкальной премии American Music Awards 2021 г., он говорил о том, что: «Корейская культура быстро захватывает мир, что является демонстрацией силы внешней политики и престижа страны» (한국 문화가 세계를 석권하고, 그것이 국격과 외교에도 힘을 발휘하고 있다는 것입니다) [11].

На 48-м собрании Национальной ассамблеи РК в 2021 г. он также выступил с речью, где подчеркнул, что «правительство будет стараться, чтобы рост престижа страны также способствовал улучшению качества жизни граждан» (정부는 국격 상승이 국민의 삶의 질 향상으로 이어지도록 더욱 매진하겠습니다), данная фраза была сказана в контексте упоминания технических и экономических достижений Кореи и роста спроса других стран на сотрудничество с РК в сфере высоких технологий и экономики [12].

На завершении саммита Большой семерки в Корнуолле в 2021 г. Мун Чжэ Ин также отметил, что «Корея обязуется выполнять роль, соответствующую ее престижу и мощи, чтобы способствовать дальнейшему сохранению мира», особенно выделяя роль РК как моста между развитыми и развивающимися государствами (우리도 지속 가능한 세계를 위해 국격과 국력에 맞는 역할을 약속했고 특히 선진국과 개도국 간의 가교역할을 강조했습니다) [13]. Также президент Мун Чжэ Ин обращается к идее международного престижа с точки зрения роста интереса к изучению корейского языка среди иностранцев. В октябре 2020 г. перед празднованием дня корейской письменности он выступал с поздравительной речью, где говорил, что «количество сдающих экзамен на знание корейского языка (ТОPIK) увеличилось в 140 раз. Настолько возрос престиж нашей страны». 한국어 능력시험 토픽(ТОPIK) 지원 자수도 140 배나 늘었습니다. 우리 나라의 국격이 그만큼 높아졌습니다 [14].

Таким образом, можно сделать вывод, что президенты Республики Корея Ли Мен Бак (2008–2013), Пак Кын Хе (2013–2017) и Мун Чжэ Ин (2017–2022) обращались к идее государственного или национального престижа страны с точки зрения того, ка-

кое место занимает Корея в современной международной системе мира. Если для президента Ли Мен Бака престиж страны мог быть улучшен и повышен до уровня, соответствующего экономической мощи Кореи за счет активного участия в международных делах и проведения крупных мероприятий высокого уровня, то для президента Пак Кын Хе государственный престиж должен был повысить качество и уровень жизни в Корее, также немаловажную роль в этом играет корейская волна 한류. Президент Мун Чжэ Ин рассматривал данную идею престижа с разных точек зрения, будь то культурное воздействие или экономическое взаимодействие, даже образовательное, поэтому можно сказать, что интерпретация лидерами корейского правительства идеи государственного престижа разнообразна и многозначна и изменяется в соответствии с курсом правления президента.

Литература

1. 이명박, 제 6 차라디오연설, 2009 년 01 월 12 일, [Ли Мен Бака. Шестое обращение по радио, 12.01.2009]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
2. 이명박, 제 10 회세계한인회장대회축사, 2009 년 06 월 23 일 [Ли Мен Бака. Поздравление с 10-й встречей глав корейских диаспор, 23.06.2009]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
3. 이명박, 순랑훈련전단장병격려메시지, 2009 년 07 월 10 일 [Ли Мен Бака. Обращение со словами поддержки в ходе проведения военно-морских учений, 10.07.2009]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
4. 이명박, 제 19 차라디오-인터넷연설-국격제고와우리의책임, 2009 년 07 월 12 일 [Ли Мен Бака. 19-ое обращение по радио и интернету — усиление государственного престижа и наша ответственность, 12.07.2009]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
5. 이명박, G20 정상회의유치보고특별기자회견문, 2009 년 09 월 30 일 [Ли Мен Бака. Специальная пресс-конференция в связи с подготовкой к встрече Большой двадцатки]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
6. 이명박, 제 12 차한나라당전당대회축하메시지, 2011 년 07 월 04 일 [Ли Мен Бака. Поздравление по случаю 12-го съезда партии Ханнарадан, 04.07.2011]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
7. 이명박, 한-미 FTA 비준동의에관한국정연설, 2011 년 10 월 28 일 [Ли Мен Бака. Выступление по государственной политике по вопросу заключения договора о свободной торговле между РК и США, 28.10.2011]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
8. 이명박, 제 94 차라디오-인터넷연설-국민모두가함께뛰고, 환호하며응원할것입니다, 2012 년 07 월 23 일 [Ли Мен Бака. 94-ое обращение по радио и интернету. Все граждане вместе идут, радостно восклицая и поддерживая, 23.07.2012]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.
9. 박근혜, 국립현대미술관서울관개관식. 2013 년 11 월 11 일 [Пак Кын Хе. Открытие галереи современного искусства в Сеуле. 11.11.2013]. URL:

<https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.

10. 박근혜, 문화창조융합벨트출범식, 2015 년 02 월 10 일 [Пак Кын Хе. Запуск проекта Пояс культуры и творчества, 10.05.2015]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.

11. 문재인, BTS, 아메리칸뮤직어워드 (AMA)대상수상축하메시지, 2021 년 11 월 23 일 [Мун Чжэ Ин. Поздравление группы БТС в честь награждения Американской музыкальной премией. 23.11.2021] URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.

12. 문재인, 제 48 회국무회의, 2021 년 11 월 09 일 [Мун Чжэ Ин. 48 собрание Национальной Ассамблеи. 09.11.2021]. URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.

13. 문재인, 콘월, G7 정상회의를마치고, 2021 년 06 월 13 일 [Мун Чжэ Ин. Корнуолл, завершение встречи Большой Семерки. 13.06.2021] URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.

14. 문재인, 한글과한국어의세계적인기에대한메시지, 2020 년 10 월 06 일 [Мун Чжэ Ин. Обращение в связи с днем корейской письменности и мировой популярности корейского языка, 06.10.2020] URL: <https://www.pa.go.kr/research/contents/speech/index.jsp> (дата обращения: 20.03.2023). Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 29.03.2023; одобрена после рецензирования 05.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

STATE PRESTIGE OF THE REPUBLIC OF KOREA: DISCOURSE ANALYSIS

Viktoriya R. Britova

Cand. Sci. (Hist.), Assistant,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia
mengly@mail.ru

Abstract. The article presents discourse analysis of the idea of state prestige in the speeches and statements of the Presidents of the Republic of Korea — Lee Myung-bak (2008–2013), Park Geun-hye (2013–2017) and Moon Jae-in (2017–2022). In the course of our work, we have come to the conclusion that President Lee Myung-bak referred to the idea of state prestige in the context of the Global Korea program, developed to increase the international position of the Republic of Korea. President Park Geun-hye considered the idea of state prestige in terms of the cultural influence of the ROK, in particular the Korean Wave. And President Moon Jae-in turned to the idea of state prestige in terms of raising the status of the ROK through its economic cooperation and cultural influence.

Keywords: foreign policy of the Republic of Korea, prestige of the country, presidents, International status, the Korean Wave.

For citation

Britova V. R. State Prestige of the Republic of Korea: Discourse Analysis. *Oriental Vector: History, Society, State.* 2023; 2: 75–80 (In Russ.).

The article was submitted 29.03.2023; approved after reviewing 05.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 304.42(517.3)

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-81-90

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МОНГОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА В XV–XVI вв.

© Гомбожапов Александр Дмитриевич

кандидат исторических наук,

заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

agombozh@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ крупных преобразований монгольского социума XV–XVI вв., последовавших после падения династии Юань и возвращения великоханского двора и массы войск на историческую родину. Показано, что политические и социальные процессы в условиях партикуляризма и ослабления центральной власти вели к формированию новых этнополитических общностей, т. е. имело место возвратное движение от принципов военно-административного устройства к организации общества с сильными началами родоплеменной идентичности.

Ключевые слова: Монголия, трансформация, политика, кочевой, общество, партикуляризм, территориальное родство, социальная организация.

Для цитирования:

Гомбожапов А. Д. К вопросу о трансформации социально-политической организации монгольского общества в XV–XVI вв. // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 81–90.

В 1368 г. в ходе длительного восстания красных повязок была захвачена столица империи Юань г. Даду (Пекин). Ее последний представитель, император Тогон-Тэмур, был вынужден бежать вместе со своим двором в г. Шанду, имевшую в то время статус северной (верхней) столицы. Монгольская династия в Китае пала. В истории Монголии открывается новый период, обозначенный крупным российским монголоведом А. М. Позднеевым как темный.

В целом эпоха преמודерна монгольской истории распадается на несколько периодов, которые характеризуются маятниковой борьбой двух обратимых тенденций — процессов раздробленности и централизации власти. Начало этого периода знаменуется сменой названия династии на Северную Юань, обозначившей как претензию на утраченную власть в Китае, так и новую политическую ситуацию [18]. Дальнейшее ослабление центральной власти отразилось в истории названием эпохи сяо-ван-цзы (временем малых ханов), которое сменилось возрождением и восстановлением власти хагана при правлении Даян-хана. Титул хагана, хоть и имевший номинальное значение при последующих правителях, передавался по линии его потомков вплоть до вхождения под власть маньчжуров. Последняя попытка возродить централизованную власть принадлежит

чахарскому Лигдан-хану. Несмотря на «смутное время», мало отраженное в источниках, постюаньское время представляет важнейший период в истории Монголии. Это уникальный период с точки зрения познания природы власти и потестарно-политических процессов в кочевом обществе.

Большинство исследователей, направление которых затрагивает данные процессы в кочевом обществе, сосредоточены на выявлении эволюционных моментов становления институтов власти, формирования политико-правового единства, понимаемых как постепенное усложнение системы управления. Однако не менее важным в раскрытии характера власти может послужить детальное пристальное прослеживание процессов обратимости централизации власти и деградации единого политического пространства. Это важная и самодостаточная академическая задача, которая позволит внести существенный вклад в общее понимание политогенеза в кочевых обществах.

После падения империи Юань в степи вернулось большое количество монгольской знати и массы монгольского войска [2; 4]. Безусловно, это не могло не создать определенного давления на местное население и должно было перекрыть политический ландшафт. Процесс этот можно обозначить как трансформацию общественно-политической структуры, обратную становлению общества государственного типа. Вместо преобладающего военно-административного социорганизирующего принципа монгольского общества на первый план выходит родоплеменная идентичность. Она задает вектор возрождению той универсальной основы — отношениям родства (псевдородства) и свойства, на которой зиждутся конкретные формы социальной и потестарно-политической организации кочевого общества, а в условиях тесного переплетения трайбалистского принципа, пронизывающего всю общественную организацию, — и этнополитические формы. Однако строго говорить о том, что состоялся обратимый процесс, реватилизирующий прежнюю общественную структуру не приходится.

Надо отметить, что сегодня наука применительно к монгольскому социуму XIV–XV вв. имеет лишь общее представление о том, как именно шел данный процесс трансформации. Чаще всего он ограничивается общим описанием распада политической структуры, ее дезинтеграции с последующим скатыванием к междоусобицам и сепартизму без внимания к деталям. Между тем не может не возникнуть потребность в конкретизации процесса дезинтеграции. Решение этой проблемы требует постановки ряда уточняющих вопросов. До какого уровня шел распад некогда единой политической общности и какие уровни идентичности актуализировались, т. е. какие были коллективные субъекты? Какие существовали механизмы и способы рекомбинации образовавшихся коллективных субъектов? Ведь с исчезновением политического единства в форме империи не исчезало само население, с исторических источников пропадало наименование и связанная с ней политическая идентичность, но не его бывшие носители.

Первым, кто обратил внимание на крупные преобразования общественной структуры, был выдающийся монголовед, академик Б. Я. Владимирцов. Именно он дал описание тех важных изменений, которые претерпело монгольское общество после падения династии Юань [2].

Ученый отмечает, что начиная с XV в. в источниках фиксируется совершенно новые объединения, обозначаемые словом *otog*, которые заменяют собой

древнемонгольский род-клан и «minggan» («тысяча») имперского периода. По-прежнему сохраняется деление на *ulus*'ы, которые обозначалась также другим термином *tümen*. *Otog* является основной единицей, на которую распадаются *ulus/tümen* [2, с. 132]. По нашему мнению, существенное значение имеет характеристика Б. Я. Владимирцова монгольского *otog* как коллективного объединения, основанного на территориальном единстве [2]. После крупных потрясений для социального устройства монгольского общества, вызванного смещением и дроблением родов и племен в рамках военно-административного устройства монгольской империи, выделением уделов наследникам с прикреплением населения, формированием новых подразделений и распределением войск по разным концам империи, а также после изгнания из Китая, появление такой социальной формы, как *otog*, основанного на территориальном принципе, было закономерным явлением.

Не менее значимым в прояснении дальнейшей эволюции монгольского общества является следующее замечание Б. Я. Владимирцова. «Так же, как в состав «тысячи» могли входить представители различных родов и племен, и Отоки составились далеко не из одних родственных групп. Как это сейчас было показано, самым важным для образования отока была территориальная зависимость. В некоторых местах, поэтому можно наблюдать *дальнейшую эволюцию и заметить, как в отоках появляется территориальное родство* (курсив наш. — Г. А.), т. е. родство со всеми вытекающими последствиями вплоть до экзогамии, основанное не на кровных узах, а на территориальной близости» [2, с. 134]. Этими словами ученый наиболее верно отразил процесс становления новых общностей, манифестирующих новую этническую идентичность. Так, можно привести пример с такими этническими общностями, как чахар, хошуты, хорчины и др., составленными из представителей разных родов и племен.

Близкое к данному пониманию содержания отока мнения придерживается и известный монголовед, крупный специалист средневековой Монголии, Т. Д. Скрынникова: «можно с большой долей уверенности говорить о том, что термином *otog* обозначалась мобильная административно-территориальная структура, т. е. подчеркивалось прежде всего то, что это была группа людей, привязанная к определенной территории и маркируемая этнонимом без какого-либо таксона» [12, с. 18].

Условием, способствовавшим вызреванию и устойчивости этнических общностей, как нам кажется, стал тот самый партикуляризм, о котором говорил Б. Я. Владимирцов. «... младшие феодалы *sayid*'ы, вернувшись к своим «тысячам», ставшим отоками, скоро почувствовали свою силу. Экономический и феодальный партикуляризм скоро создал из них почти независимых князей. Многие из сайдов оказались во главе нескольких отоков и даже улусов, если к тому были благоприятствующие обстоятельства» [2, с. 131–132]. Хотя здесь речь идет только о политической «автономизации», вполне можно допустить, что партикулярность монгольского общества способствовала определенной обособленности и в то же время сплоченности внутри этой обособленности, что стало фактором зарождения новой коллективной идентичности, пограничной между принадлежностью и ощущением к единой политической общности и этническим самосознанием. Оставшись без ресурсов необходимых для поддержания «надстройки»,

Монголия перешла к кочевой политико-экономической модели. Особенностью такой модели является организация общества по автономным группам, основанная на горизонтальных родственных и выше племенных связях, следовательно, с высокой степенью независимости отдельных племенных лидеров от центральной власти. Известно, что в кочевом обществе все мужское население представляло явно или потенциально войско, часто выражаемое в понятии «народ-войско». Монгольские войска, организованные по военно-административному принципу, были вынуждены перестраиваться и в конце концов в условиях самообеспеченности перейти в форму народного ополчения.

Такое понимание отвечает разработанным в трудах Т. Д. Скрынниковой теоретическим положениям о том, что «в идентификационном дискурсе и в средневековые наблюдались процессы разной направленности, поскольку тот период отличается резкими, напекающимися изменениями в социополитической структуре, сопровождаемыми разрушением традиционных социальных институтов и появлением новых, изменениями поля культуры в целом. Менялся вектор идентификационных практик, актуализируя представления о разных общностях в резко меняющемся мире, изменялось моделирование дискурсов социополитического строительства. Представляется, что наиболее важным является понимание постоянной изменчивости самосознания, в том числе этнического, пересмотра границ группы или сообщества и соответственно членства в них» [8, с. 199]. Современная антропологическая мысль наполнена идеей дрейфа идентичности, предложенной академиком В. А. Тишковым в русле развития конструктивизма. «Вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем другой процесс — это путешествие индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности» [13, с. 121]. Наверное, этнические перегруппировки в монгольском мире в средневековье представляют самый богатый материал для прослеживания этногенеза с точки зрения конструктивистских теорий.

Множественный партикуляризм вполне может служить дополнительным объяснением и другому явлению — феномену устойчивой легитимности и исключительности рода чингизидов в обстоятельствах постоянной угрозы сепаратизма местной элиты, по крайней мере, у восточных монголов. У отоков, созданных на основе территориальности, отсутствовали прочные традиции наследственной власти, что делало местных вождей уязвимыми в правах на главенство в сравнении с представителями династии «золотого рода». Высказанное не противоречит факту ослабления власти хагана и сужению его полномочий, имевшее место в постюаньский период.

Масштабная трансформация, надо полагать, на время ослабила восточных монголов (*Зургаан түмэн*). В этих обстоятельствах на арену вышли западные монголы, или ойраты (*Дөрвөн Ойрад*) Противостояние западных и восточных монголов, вылившееся в череду вооруженных конфликтов, охватывает все первую половину XV в. и продолжается вплоть до правления Даян-хана.

Б. Я. Владимирцов говорит о борьбе двух сил в среде правящего слоя: между представителями «золотого рода» (*altanurug*) тайджами и сановой аристократией сайдами [2, с. 147]. По его мнению, именно она была причиной длительного пе-

риода междоусобных войн, а также обусловила борьбу ойратов, которые, как известно, приходились «зятьями» по отношению к «золотому роду», с восточными монголами и даже противостояние левого и правого крыла [Там же, с. 147–148]. Известный монголовед Г. С. Горохова подчеркивает, что в целом это правильное объяснение, однако оно не является полностью исчерпывающим [3, с. 6]. Ее мнение основано на том, что «борьбу против монгольского хана порой вела не только ойратская, но и восточномонгольская служилая феодальная знать, стремившаяся к независимости» [Там же].

И. Я. Златкин, известный своим крупным вкладом в исследовании Джунгарского ханства, указывает в качестве основной причины войн ойратов и восточных монголов борьбу за торговые пути в Китай и торговые привилегии на китайских рынках [5, с. 57]. Он считает, что «это было главной экономической основой войн между ханами и князьями двух частей Монголии [Там же]. По мысли ученого, оказавшись в сложной геополитической ситуации, отрезавшей их от рынков на востоке (Китай) и на западе (земледельческие регионы Средней Азии), ойратские правители были вынуждены в зависимости от усиления или ослабления восточных монголов искать возможности для поступления ремесленно-земледельческой продукции в том или ином направлении [5]. Именно это обстоятельство способствовало образованию ойратского союза как необходимого условия для соперничества и борьбы против восточных монголов. Идеологически оно получило оформление путем выработки новой идентичности, в том числе основанной на буддизме [6].

В то же время слабость ханской власти выдвинула на первые роли представителей племенной аристократии восточных монголов. В правление Угэчи-Хашиг (Оруг Тэмур хан) (1402–1408) выдвинулся Аргутай тайши, не принадлежавший к «золотому роду». Он стал фактически правителем восточных монголов при назначенном им Олдзей Тэмур хане (1408–1412).

Процессу раздробленности власти в монгольских степях способствовали не только внутренние факторы, но и большую, а временами и определяющую роль играла политика *divide et impera*, проводимая правительством минской династии. Хотя последовательность в проведении такой политики не всегда соблюдалась. Так, крупный разгром в 1436 и 1437 гг. китайскими войсками восточных монголов, предводительствуемых Адай-ханом, окончательно обессилил их и способствовал усилению и гегемонии ойратов.

Среди ойратских вождей на первые роли выдвигается Тогон тайши. Обладая реальной властью, но не имея легитимного права занять трон, он в 1433 г. возводит чингизида Тохта-Буга на ханский престол под именем Дайсунг-хан (1433–1453). Он также выдал замуж за него свою дочь. Вскоре после этого события обнажились противоречия между провозглашенным ханом и его тестем. Противостояние закончилось соглашением, в котором был отражен реальный расклад сил: номинально всемонгольским ханом оставался Тохта-Буга, реальная же власть была сосредоточена в руках Тогона тайши.

Последний, как пишут монгольские источники, намеревался провозгласить себя ханом. Для этого он прибыл в место интронизации к Восьми белым юртам Чингисхана в Ордосе. В монгольских источниках по-разному приводятся сведения о произошедших событиях, однако они едины в отношении причин гибели

Тогона тайши. Заносчивое поведение Тогона тайши в сакральном месте дорого обошлось ему [3, с. 50].

Ослаблению власти хана способствовал также и разлад с назначенным сопровителем Агбарджин джинонгом. Поводом стало требование хана выдать подданного Агбарджин джинонга по имени Цаган [9, с. 262]. Получив отказ, хан «силой отнял близкого друга Цагана» [Там же]. Агбарджин джинонг, выйдя из-под власти Дайсунг хана, стал кочевать отдельно, а затем, вступив в сговор с ойратскими тайшами, выступил в поход против своего старшего брата Дайсунг хана. Агбарджин джинонг не смог воспользоваться своей победой. Вскоре он пал жертвой заговора ойратов. Власть перешла в руки Эсэнэ тайши (1439–1454), сыну Тогон тайши.

Воссоединение сил западных и восточных монголов позволило Эсэнэ тайши обратить внимание на внешнеполитические вопросы. Первой задачей стало решение пограничных вопросов. В 1440-е гг. он разбил кыргызов, подчинил земельный оазис Кашгарии Хами и заставил признать власть над ними три урианхайских округа в Маньчжурии. Последние были образованы в три военных округа Ду-янь, Тайнин и Фуюй Минским правительством для предотвращения новых выступлений и контроля монгольских племен. В истории они вошли как три урианхайских округа. В мирное время они несли караульную службу, в военное — должны были выступить вместе с минскими войсками. Ежегодно за несение службы они получали земельный инвентарь, посевной материал, тягловый скот, шелка, ткани, вино, продовольствие [17].

С решением пограничных вопросов определилась и главная задача, которая стала все более актуальной с обострением противоречий по поводу даннических миссий минскому двору. Как пишет М. Россаби, многочисленность торговоданнических посольств стали основным фактором разлада между минским Китаем и ойратами [16, р. 31]. Нарастание дипломатических посольств ко двору минского императора или, как их не без основания называет И. Я. Златкин, купеческих караванов, было связано с необходимостью удержать власть со стороны Эсэнэ, поскольку получаемые в обмен щедрые подарки и угощения служили вознаграждением за лояльность монгольской элиты [1, с. 191]. Это видно из того, что посольские миссии имели сложносоставной характер. Об этом пишет Г. Сэйррос, который посвятил этому вопросу несколько солидных публикаций. Так, он показал большое количество участников даннических миссий, отправляемых Эсэн тайши. Наглядным примером может послужить прибывшая ко двору в декабре 1453 г. данническая миссия, в которой обозначены послы от самого Эсэнэ, от его матери, четырех его младших братьев и его старшего сына [18, с. 10].

Из вышесказанного становится очевидным, что характер и структура власти ойратского ханства были типичными для крупной кочевой политики. Это многоступенчатая иерархическая система, интегрирующая отдельные кочевые общности в военно-политическую организацию, «пронизанную на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями» [8, с. 491]. Как пишет Н. Н. Крадин, «механизмом, соединявшим “правительство” степной империи и племена, служили институты престижной экономики» [8, с. 496].

В силу объективных причин кочевое общество не может существовать без связей с «внешним миром» [14]. То, что не могло быть произведено или произ-

водилось в недостаточном количестве, доставлялось из земледельческого Китая. Наряду с ремесленной продукцией огромное значение имела и потребность в продовольственном зерне. Особую потребность в нем кочевники испытывали в период стихийных бедствий (обильные снегопады, засухи и т. д.), вызывавшие массовый падеж скота и голод среди населения. Это становилось причиной инвазии (военной или мирной) номадов в пределы Китайского государства.

Получить желаемое кочевники могли двумя способами: войной или торговлей либо их сочетанием. Поэтому определяющую роль во внешней политике восточномонгольских и ойратских правителей играла борьба за доступ к рынкам сбыта Китая, установление долгосрочных форм обмена между кочевниками и оседлыми земледельцами [5, с. 27]. Д. Д. Покотилев говорит о существовании среди монголов двух партий: мира и войны. За заключение мира и возможности получения замаскированной дани в виде подарков от пекинского двора стояли монгольские князья. Партия «войны» отражала интересы простых кочевников, которые во время набегов получали возможность грабить и тем самым непосредственным образом получать необходимые для них вещи [10, с. 124].

Для Китая было важным держать беспокойных соседей под контролем и быть признаваемым в качестве сюзерена. Явно выраженный неравноценный обмен символической дани, приносимой дипломатическими миссиями монгольских правителей, на богатые и щедрые подарки, вручаемые от имени китайского императора, был по своему содержанию скорее замаскированной торговлей. Систему дани можно было бы по праву назвать торговой системой, потому что она давала этим племенам уникальную возможность обменивать местные товары и товары на продукты питания, шелк и другие предметы роскоши [18].

Не имея прочной основы, ойратская «империя» под предводительством Эсэн тайши при первом же серьезном внутреннем конфликте распалась, тем самым окончив гегемонию западных монголов. В монгольских степях в очередной раз наступили десятилетия междоусобных войн. Возрождение ханской власти связано с правлением Даян-хана (1464–1543). В монгольских источниках правление Даян хана оценивается как время благоденствия и благополучия. Наверное, явным отражением такой характеристики стало принятие нового титула. В письме о принятии дани, направленном к императору Китая в 1488 г., монгольский хан обозначен как «Да-юань-хаган» [15].

В то же время сепаратистские движения оставались постоянной угрозой. Источники перечисляют следующих племенных лидеров, которые были противниками Даян-хана, а значит центральной власти: кэрэтский Цаган, монголджинский Угурхэй, уйгурский Исмал, Бэгэрсэн-Хутагчи и Хонгхули [3, с. 40.] Последовательно разбив своих врагов, монгольджинов, уйгуров, а затем и ойратов, с лидерами которых у него были в том числе и личные счеты, Даян-хан упрочил свою власть, однако он не сумел установить твердый порядок. В подвластных ему владениях перманентно возникали попытки восстания, одним из таких было тумэтское восстание. Причиной стало назначение в качестве ханского наместника и управителя тумэтами Улусболода, сына Даян-хана, чем была очень недовольна местная знать. Обратившись к Даян-хану они сказали, что он назначил Улусболода против их воли и они сами в состоянии найти себе правителя [3, с. 42–43].

Почему же Даян хану не удалось установить долговременное единство и преодолеть сепаратизм местных правителей? По мнению Г. С. Гороховой, причиной тому стало отсутствие той общественной силы, которая бы ратовала за политическое и экономическое единство монгольского пространства. Она не могла вызреть ввиду экономической отсталости, отсутствия внутреннего рынка и господства натурального хозяйства [3, с. 4]. Власть же Даян хану удавалось удержать лишь силой своего авторитета, а оспаривание верховенства его власти решалось силой оружия [Там же].

Кочевую политику или государство, как принято в историографии, Даян хана следует рассматривать как характерную для кочевников политическую организацию. Надо полагать, что к этому времени окончательно утратились основы и принципы той хаганской власти и двора, которая по инерции продолжалась после падения династии Юань, и сепаратизм местных вождей достаточное доказательство того, что сформировались новые трайбалистские объединения.

Разрыв в процессе постоянного воспроизведения модели кочевой империи наблюдается со второй половины XVI в. Показательным в отношении эволюции власти в сторону общества с государственной формой организации стало правление Алтан-хана тумэтского (1548–1582).

Алтан-хану необходимо было выйти за пределы удельного статуса. В рамках традиций передачи власти и установленной системы титулов это сделать не представлялось возможным. «Согласно монгольской политической традиции, хан, потомок Чингисхана, верховный правитель монголов, находящийся под защитой Неба, — один. Поэтому те феодалы, реальная власть которых перешагнула за рамки их собственных владений и породила притязания на более высокий статус, вынуждены были вырабатывать концепции, способные обосновать их притязания на власть и объяснить ее формальный показатель — титул «хан»» [11, с. 12]. Тогда Алтан-хан обратился к буддизму.

Религия и политика, если точнее государственная политика, в средневековые понятия взаимосвязанные и переплетающиеся. Проникновение и успешное распространение буддизма в монгольском мире явление весьма сложное и, безусловно, было определено целым комплексом причин и уникальным стечением обстоятельств. Одним из таковых стали политическое соперничество и борьба за лидерство в условиях углубившихся процессов децентрализации и девальвации традиционных титульных институтов. В условиях трайбалистской удельности монгольского мира претендовать на общую верховную власть, выйдя за ее рамки, можно было только с опорой на наиболее общие принципы объединения людей. Таковыми могли выступить только религиозные. Не обусловленные с этнической, политической идентичностью они представлялись наиболее приемлемыми. Только за счет формирования реактуализированной политико-религиозной основы стала возможной легитимация нового политического статуса Алтан-хана.

Таким образом, период со второй половины XIV–XVII вв. в истории Монголии включал в себя сложные политические процессы. После падения династии Юань возвращение великоханского двора, служилой знати и войска в монгольские степи привело к формированию новой политической реальности. Это стало отправной точкой процесса трансформации средневекового общества Монголии.

Со временем ограниченность ресурсов и узкая база кочевой экономики, не претерпевшей каких-либо качественных изменений, запустили процесс становления независимых от центральной власти крупных этнополитических общностей. Вновь в организации общества возобладали родоплеменные принципы. В то же время внутренние причины генезиса единой центральной власти вкупе с политической внешней (удаленной) эксплуатацией приводили к тому, что в монгольских степях стремительно рождались крупные степные политии такие, как ойратская держава Эсэна тайши или государство Даян-хана и столь же стремительно исчезали под натиском центробежных сил.

Литература

1. Барфилд Т. Дж. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / перевод с английского Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузенцова. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 488 с. Текст: непосредственный.
2. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с. Текст: непосредственный.
3. Горохова Г. С. Монгольские источники о Даян-хане. Москва: Наука, 1986. 133 с.
4. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV веках. Москва: Наука, 1983. 232 с. Текст: непосредственный.
5. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства, 1635–1758. Москва: Наука, 1983. 333 с. Текст: непосредственный.
6. Китинов Б. У. Особенности политико-религиозного развития ойратов в середине XIV — середине XV вв. // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2020. № 3. Вып. 12. С. 236–249. Текст: непосредственный.
7. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград: Учитель, 2006. С. 490–511. Текст: непосредственный.
8. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. Москва: Восточная литература, 2006. 557 с. Текст: непосредственный.
9. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / перевод с монгольского, введение, комментарии и приложение Н. П. Шастиной. Москва: Наука, 1973. 439 с. Текст: непосредственный.
10. Покотилов Д. Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634: (По китайским источникам). Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1893. 242 с. Текст: непосредственный.
11. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство: Внешняя Монголия, XVI — начало XX века. Новосибирск, 1988. 104 с. Текст: непосредственный.
12. Скрынникова Т. Д. Социально-политические институты монголов XVII в. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. № 1. С. 14–28. Текст: непосредственный.
13. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. Москва: Наука, 2003. С. 120. Текст: непосредственный.
14. Khazanov A. M. Nomads and the outside world / translated by J. Crookenden. University of Wisconsin Press, 1994. 442 p.
15. Okada H. Dayan Khan as a Yüan Emperor: the Political Legitimacy in 15th Century Mongolia // Bulletin de l'École française d'Extrême-Orient. 1994. Vol. 81. P. 51–58.
16. Rossabi M. Notes on Esen's Pride and Ming China's Prejudice // The Mongolia Society Bulletin. 1970. Vol. 9, No. 2 (17). P. 31–39.

-
17. Serruys H. Sino-Mongol Trade During the Ming // *Journal of Asian History*. 1975. Vol. 9, No. 1. P. 34–56.
18. Serruys H. Mongol Tribute Missions of the Ming Period // *Central Asiatic Journal*, 1966. Vol. 11, No. 1. P. 1–83.
19. Veit V. The eastern steppe: Mongol regimes after the Yuan (1368–1636) // *The Cambridge History of Inner Asia* / edited by Nicola Di Cosmo, Institute for Advanced Study. Princeton. New Jersey, 2014. P. 151–181.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023; принята к публикации 14.04.2023.

ON THE TRANSFORMATION OF SOCIAL AND POLITICAL ORGANIZATION
OF MONGOLIAN SOCIETY IN THE 15th–16th CENTURIES

Aleksandr D. Gombozhapov

Cand. Sci. (Hist.), Head of Department of History and Culture of Central Asia
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
agombozh@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of the major transformations of the Mongolian society in the 15th–16th centuries that followed the fall of the Yuan dynasty and the return of the Great Khan's court and the mass of troops to their historical homeland. It is shown that political and social processes in the conditions of particularism and the weakening of the central government led to the formation of new ethno-political communities, i. e. there was a return from the principles of military-administrative structure to the organization of society with strong principles of tribal identity.

Keywords: Mongolia, transformation, polity, nomadic, society.

For citation

Gombozhapov A. D. On the Transformation of Social and Political Organization of Mongolian Society in the 15th–16th Centuries. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2023; 2: 81–90 (In Russ.).

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 12.04.2023; accepted for publication 14.04.2023.

Научная статья
УДК 323.1(517.3)
DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-91-99

КОМИНТЕРН В НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

© Батунаев Эдуард Владимирович

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
batunaeveduard@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные и узловые вопросы отечественной историографии, теоретические и методологические аспекты политики Коминтерна в национально-революционном движении монгольских народов. Актуальность обусловлена тем, что в настоящее время в научном дискурсе все больше внимания уделяется изучению революционных процессов в более широком историческом контексте, в рамках транснациональной истории. Автор приходит к выводу, что внешнеполитический курс Коминтерна был направлен на распространение идей мировой революции и борьбы с международным империализмом. В связи с поражением революционного движения в Европе азиатское направление революционизации стало наиболее перспективным. Коминтерн выступал в роли своеобразного коридора для распространения идей мировой революции на Восток, в первую очередь в Китай. В политике Коминтерна Монголия занимала важное место в плане продвижения революционных идей с использованием национально-освободительного движения монгольских народов — панмонголизма. С изменением международной ситуации и военной угрозой со стороны Японии Коминтерн занимался укреплением собственных позиций, поддержкой «левых» во внутривнутриполитической борьбе, а также двусторонними советско-монгольскими отношениями.

Ключевые слова: Коминтерн, Монголия, революционизация, панмонголизм, «монгольский вопрос», геополитика.

Для цитирования

Батунаев Э. В. Коминтерн в национально-революционном движении монгольских народов // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 91–99.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства». № 121031000241-1).

В 1911 г. после Синьхайской революции Монголия, входившая в состав Циньской империи, взяла курс на отделение и создание самостоятельного государства. Джебцзун-Дамба-хутухта, духовный лидер и глава буддийской церкви, был провозглашен теократическим монархом Монголии. Монголы в поиске поддержки в отстаивании независимости обратились за помощью к России. В тех исторических условиях Россия, имевшая свои непосредственные геополитические интересы в Монголии, оказала дипломатическую поддержку монголам и взяла на себя роль посредника в решении т.н. «монгольского вопроса». Для России Монголия имела важное значение в торговом отношении, а также выполняла роль своеобразного «буфера» в потенциальной агрессии с востока. Тем самым «монгольский

вопрос» для царской, а затем Советской России оставался одним из приоритетных направлений в первой половине XX в.

В рамках реализации внешнеполитического курса Россия подписала серию договоров с Монголией и Китаем (1912 г., 1913 г. 1915 г.), в результате был официально закреплён юридический статус Монголии, который определялся как широкая автономия в составе Китая. Это стало возможным благодаря усилиям российских дипломатов, прежде всего И. Я. Коростовца, которые сумели добиться в непростых условиях подписания русско-монгольского договора, по которому Монголия «де-факто» стала независимым государством. Революционные события привели к ослаблению позиций России в Монголии, в итоге произошел окончательный слом «кяхтинской системы», служившей гарантом сохранения монгольской государственности.

Воспользовавшись сложным положением северного соседа, Китай в 1919 г. аннулировал автономию Внешней Монголии вопреки ранее подписанному соглашению. Китайские войска во главе с генералом Сюй Шучжэном заняли Ургу и выдвинули требования, состоявшие из 64 пунктов, главной из которой была ликвидация автономии.

Под влиянием октябрьских событий 1917 г., произошедших в России, в Монголии начинают создаваться первые революционные кружки и активно развиваться национально-освободительное движение. Монгольские революционеры обратились за помощью к Советской России, поскольку она могла реально помочь в сохранении независимости. В Советскую Россию была отправлена делегация монгольских революционеров, вошедшая в историю как «знаменитая семерка» (Д. Сухэ-Батор, Данзан, Лосол, Чагдаржав, Догсом, Л. Дэндэв, Х. Чойболсан) с обращением за помощью, которую встретил заведующий монголо-тибетского отдела Э.-Д. Ринчино и представил ее секретарю Дальневосточного секретариата ИКККИ Б. З. Шумяцкому.

По мнению А. С. Железнякова, в ходе встреч и обсуждений с советскими представителями монгольская делегация все больше склонялась к мнению об их участии в большевистском движении и создании при помощи Советской России своеобразной степной коммуны [4, с. 49]. Поворотным моментом стала встреча монгольской делегации с В. И. Лениным, на котором был окончательно взят курс на некапиталистический путь развития Монголии для достижения хозяйственной и государственной независимости вместе с рабочими и крестьянами Советской России [6, с. 662]. Кроме того, территория Монголии расценивалась большевистским руководством как плацдарм, через которую в дальнейшем можно распространять идеи мировой революции.

В структуре Коминтерна были организованы отделы и секции для поддержки антиколониальной борьбы и национально-освободительного движения в разных частях мира [1, с. 10]. За распространение революционных идей в азиатском направлении отвечал Восточный отдел, созданный 11 декабря 1919 г.

Также была образована секция восточных народов (далее — СВН) при Сибирском бюро ЦК РКП(б), в которую вошли японский, корейский, китайский, монголо-корейский отделы. В результате преобразований СВН стала подчиняться Дальневосточному секретариату ИККИ [Там же, с. 26]. Главой был утвержден Борис Захарович Шумяцкий, известный революционер, один из активных участников монгольской революции 1921 г., член Реввоенсовета 5-й армии, член

Сиббюро ЦК, уполномоченный наркомата иностранных дел по Сибири и Монголии. Под его непосредственным руководством проводилась работа по привлечению государственных и партийных кадров в Монголию. Для оказания помощи в государственном строительстве и развитии народного хозяйства по линии ВКП(б) Коминтерна были отправлены многие бурятские деятели — Э.-Д. Ринчино, Э. Батухан, Ц. Жамцарано, Б. Ишидоржин, С. Нацов (Шойжелов). СВН как составная часть Коминтерна, по сути, являлась главным центром по координации революционной работы в сопредельных странах, в азиатском и Дальневосточном регионе. В работу СВН непосредственно входила организационная поддержка оппозиционных партий, идеологическая, военно-техническая и финансовая помощь, подготовка национальных кадров в учебных заведениях Коминтерна Монголии, Японии, Китая, Кореи. Учебные заведения Коминтерна для подготовки национальных партийных кадров восточных народов были представлены Коммунистическим университетом трудящихся Востока (КУТВ), Коммунистическим университетом Китая (КУТК).

Известный бурятский историк, профессор Л. Б. Жабаева, анализируя национально-демократическое движение монгольских народов в первой половине XX в., отметила, что в политике Коминтерна обращает на себя внимание два основных аспекта: «Во-первых, внешнеполитический, связанный с использованием коминтерновским руководством территории Монголии как выгодного плацдарма для развития революционного движения в азиатском направлении и поддержки китайских коммунистов. Во-вторых, внутривосточный, относящийся к упрочению позиций Коминтерна в ЦК МНРП и правительстве МНР и противодействию и борьбе с «правым уклоном», выступавшим за самобытный путь развития [3, с. 272].

Немаловажную роль в установлении народной власти в Монголии сыграли обстоятельства, связанные с освобождением Унгером столицы Внешней Монголии, Урги, от китайских захватчиков и восстановлением теократической монархии. К тому моменту у Коминтерна и большевистского руководства появились реальные обоснования на ввод частей РККА для уничтожения классового врага, угрожающего нападением на Советскую Россию. Для ликвидации азиатской дивизии Унгерна под руководством Коминтерна было разработано два плана. Первый план, разработанный с участием руководителя Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. З. Шумяцким, состоял в ликвидации Унгерна вблизи советской границы. Для этого необходимо было выманить противника с помощью монгольских революционных частей.

В стратегическом понимании этот план позволил бы воздержаться от трудного военного похода в Монголию. Второй план, подготовленный руководством ДВР, напротив, отражал полномасштабную военную экспедицию в Монголию¹. Вместе с тем стратегически Китай оставался соперником Советской России, т. к. последняя оказывала помощь монгольским революционерам, борющимся за независимость, но практически в конце 1919 — начале 1920 гг. коминтерновское руководство рассматривало его как возможного временного союзника в борьбе с семеновским режимом и влиянием «старой» России.

¹ Монгол ардын хувьсгалт намын нэгдүгээр их хурал (1921 оны гурав дугаар сарын 1–3. Ундсэн баримт бичгууд). [Первый великий хурал Монгольской народно-революционной партии. 1-3 марта 1921 г. Основные документы]. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1971. 217 с.

Реализуя планы продвижения революционных идей на Восток, Коминтерн усилил свою деятельность в Монголии, используя ее территорию в качестве коридора для поддержки китайской революции. В ходе визита монгольской делегации МНП во главе с А. Амаром в Китай по приглашению генерала Фэн Юйсяна, командующего 1 Национальной армией, в г. Калган в апреле-мае 1925 г. прошли переговоры о возможности поставок оружия и боеприпасов из Советской России с транспортировкой через Монголию. Монгольская делегация (А. Амар, Ц. Навааннэрэн и Г. Гэлэгсэнгэ) стремилась установить контакт с влиятельным либеральным генералом Фэн Юйсяном, выяснить его намерения, заручиться дальнейшей поддержкой. Сам факт приглашения свидетельствовал о сдвигах в китайском общественном мнении о частичном признании монгольского правительства. Прояснились позиции сторон по многим конкретным вопросам, достигнута договоренность о создании совместной автотранспортной компании, состоялся взаимный обмен письмами. Делегация побывала также в Пекине, где прошли беседы с советским полпредом Л. М. Караханом и представителями ЦИК Гоминьдана¹.

Организационная и идеологическая работа монголо-тибетского отдела СВН состояла в активизации монголо-тибетской массы, расширении советского влияния, участии в борьбе с мировым империализмом с азиатской спецификой, должна была вестись с учетом всего комплекса этнических, социальных экономических, религиозных особенностей. В задачи монголо-тибетского отдела СВН входило установление тесных связей с Тибетом, создание партийных структур в больших центрах Монголии, привлечение активистов и агитаторов, активизация нелегальной революционной работы, организация сети агентуры и т. д. Для реализации поставленных задач руководством Коминтерна было принято решение о создании политической и военной школы подготовки кадров в г. Иркутске с обучением на монгольском языке. Необходимо отметить, что Коминтерн оказывал значительную помощь Монголии специалистами и инструкторами из числа родственных монгольскоязычных народов, прежде всего бурят и калмыков, знающих язык, обычаи и культуру монголов. Кроме того, предоставлял поддержку финансовыми, материальными и военно-техническими ресурсами.

Кроме того, советское и коминтерновское руководство при рассмотрении монгольского вопроса, несмотря на видимые стратегические перспективы, принимало во внимание и условия революционной целесообразности. Вследствие этого уже на этом этапе Коминтерн рекомендовал использовать в Монголии: 1) панмонголизм как основу для революционирования монгольских народов, что привело бы к объединению и росту национального самосознания монголов; 2) объединение всех слоев населения Монголии под лозунгами борьбы против китайского империализма. Что касается тактики классовой борьбы между различными слоями монгольского общества и создания советских органов, Коминтерн считал несвоевременным в данной ситуации [9, с. 89]. Коминтерн для реализации своих задач в деле распространения мировой революции способствовал панмонгольским планам для вовлечения монгольских народов Внутренней Монголии Китая в единое революционное движение. Ввиду этого укреплялись связи по линии Коминтерна с Народно-революционной партией Внутренней Монголии (далее — НРП ВМ) для оказания

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 31. Л. 70; Д. 33. Л. 5, 29.

идеологической, организационной, военной, материальной и другой помощи. Если исходить из сугубо стратегических соображений, Китай был противником Советской России», поскольку последняя поддерживала монгольских революционеров, отстаивающих свою независимость. Но чисто тактически Советская Россия для Китая выступала в роли союзника в борьбе за Монголию со старой Россией [9, с. 89]. После прохождения специальной подготовки коммунистические группы из китайского, японского, монголо-тибетского, корейского отделов СВН «перебрасывают в соответствующие страны для организации и ведения работы на местах как партий самостоятельных, предварительно представляя их на утверждение в ЦК и через него Коминтерну» [9, с. 91].

Необходимо отметить, что Советская Россия в тот период не желала портить отношения с Китаем из-за Монголии, поскольку с точки зрения революционной целесообразности многомиллионный Китай имел более привлекательные перспективы в будущей схватке с мировым империализмом. Вследствие этого были противоположные взгляды советских дипломатических и коминтерновских структур в отношении Монголии. В результате возник вопрос «Чем же является Монголия на самом деле: разменной монетой в советско-китайских отношениях или реальным субъектом международных отношений?». В острой дискуссии по монгольскому вопросу в связи с задачами китайской революции принимали участие видные представители Коминтерна — Э. Д. Ринчино, Ц. Жамцарано, Т. Рыскулов, С. Нацов (Шойжелов) и др. Все же идея «Китайской Федерации», которая была связана в тот момент с победой китайской революции 1925–1927 гг., неоднократно упоминалась на переговорах монгольской делегации в Иркутске и Москве, ставшей в конечном итоге программным документом Монгольской народной партии (далее — МНП, а с 1925 г. — МНРП). В частности, в ней отмечалось: «МНП стремится в будущем, объединив все монгольские народы, создать единое государство; ныне — сбросив жестокий китайский гнет, восстановить власть недавно уничтоженной автономной Внешней Монголии (п. 2)» [8, с. 75]. Отсюда следует, что авторы кяхтинской платформы (программы) МНП — бурятские национальные деятели Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино — были сторонниками идеи образования всемонгольского государства, которая получила в тот момент поддержку в лице руководства Дальневосточного секретариата Коминтерна.

В следующем пункте кяхтинской платформы МНП отмечаются идеи революционной целесообразности, где указывалось о создании нескольких независимых государств, ранее входивших в состав Цинской империи, связанных между собой взаимовыгодным договором, которые будут вести борьбу с китайским империализмом. В доказательство этому отметим, что в тот период Монголия придерживалась общей линии Коминтерна своей вовлеченностью в распространение идей мировой революции, это явно отражается в программных документах МНП [8, с. 76]. Вместе с тем Коминтерн всегда жестко контролировал идеологические, политические, организационные и иные вопросы не столько своих коминтерновских секций, а сколько «сочувствующих» партий, предъявляя им зачастую жесткие требования без учета самобытного развития, грубо вмешиваясь во внутренние дела, разделяя их на противоборствующие группы, на «правых» и «левых», «старых» и «новых», «худонцев», «оппортунистов», демонстративно расправляясь с самостоятельными монгольскими

руководителями, имевшими свои взгляды на дальнейшую судьбу своей страны¹. Более того, президиум Коминтерна выступил со специальной резолюцией относительно монгольского вопроса, касающейся большевизации МНП, на которую повлияли итоги V Конгресса Коминтерна (июнь-июль 1924 г.) Хотя, как мы помним, МНП была принята в Коминтерн как «сочувствующая партия» и в данном случае на нее не могли распространяться директивы, постановления коммунистических секций, непосредственно входящих в него².

Как отметил монгольский историк О. Батсайхан, «со стороны Коминтерна предпринимались попытки по расколу руководителей партии и государства Монголии на «правых» и «левых», а также по делению на «сельских» и «городских», «старых» и «молодых» [2, с. 203]. Все эти действия Коминтерна не могли ограничивать деятельность монгольских руководителей в принятии самостоятельных политических решений и альтернативных путей развития, но ставили их под контроль советских партийных органов. Во внутривластной борьбе в Монголии Коминтерн также всецело поддерживал позицию «левых», выступающих за социалистическое развитие и борющихся против «правых», сторонников национально-демократического пути развития. Также негативные последствия для поступательного развития Монголии имели межличностные конфликты представителей Коминтерна в Монголии.

В связи с этим следует упомянуть об острой политической борьбе, переросшей в межличностный конфликт между двумя видными представителями советского и коминтерновского руководства в Монголии — Э.-Д. Ринчино и Турара Рыскулова. Э.-Д. Ринчино, один из лидеров революционного и национального движения, стоял у истоков создания бурятской автономии, организатор и участник монгольской революции, председатель Реввоенсовета МНР. В 1921 г. был отправлен в Монголию в качестве советника Дальневосточного секретариата ИККИ, принимал участие в боях по уничтожению белогвардейских частей барона Унгерна, за что в 1922 г. был награжден орденом Боевого Красного Знамени и серебряным орденом МНР. Что касается политических амбиций Э.-Д. Ринчино, то он, на наш взгляд, пытался каким-то способом объединить несовместимые на первый взгляд вещи, касающиеся панмонгольских устремлений создать общемонгольское государство и мировое революционное движение, которое, в свою очередь, не всегда шло в общем русле политики коминтерновского руководства.

Казалось бы, оба представителя Советского государства Э.-Д. Ринчино и Т. Рыскулов должны были совместно работать на благо укрепления советско-монгольских связей и построения социализма в Монголии. Но на деле противостояние Э.-Д. Ринчино и Т. Рыскулова объяснялось в первую очередь, на наш взгляд, через призму личных неприязней и обострившегося соперничества за лидерство вне зависимости от их принципиальных разногласий. Поскольку оба выступали за ускоренное социалистическое развитие, более тесные связи с Советским Союзом, борьбу с правым уклоном и т. д.

Стоит отметить, что в конфликт были вовлечены монгольские и коминтерновские руководители, поддерживавшие как Э.-Д. Ринчино, так и Т. Рыскулова. В частности, это относится к позиции полпреда в лице А. Н. Васильева, вы-

¹ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. Ч. 1. С. 212. Текст: непосредственный.

² История Монголии XX век. Москва: ИВ РАН, 2007. С. 75. Текст: непосредственный.

ступавшего на стороне Э.-Д. Ринчино и, вероятно, имевшего старые счеты с Т. Рыскуловым по работе в Туркестане [10, с. 59]. Вместе с тем было принято немало программных разработок на заседаниях правительства и съездах ЦК МНРП по вопросам хозяйственной, общественной жизни Монголии. В то же время не обошлось без явных промахов и ошибок — не были учтены особенности местной специфики, авторитарные методы управления, чрезмерный радикализм. Т. Рыскулов в своей работе руководствовался мнением, бытовавшим в Москве, что нужно освободить монголов от чрезмерного влияния Ринчино.

Таким образом, очередной конфликт между Э.-Д. Ринчино и Т. Рыскуловым привел к тому, что ЦК МНРП на закрытом заседании 15 июня 1925 г. принял решение отозвать обоих в Москву [7, с. 70]. По мнению известного специалиста политической истории Монголии С. К. Рощина, «национальным демократам, находившимся под перекрестным огнем критики со стороны коминтерновских представителей и худонской оппозиции, с немалым трудом удавалось проводить свою политическую линию и сохранять единство своих рядов» [10, с. 59]. К тому времени происходило формирование политического кредо национальных демократов на объединение национально-демократических сил без противостояния различных уклонов. Но такой консолидации не произошло ввиду жесткого давления коминтерновского руководства, взявшего курс на радикальные меры социальных преобразований в Монголии. Вместе с тем национально-демократические идеи в монгольском обществе все еще продолжали находить отклик у широких слоев населения.

К 1928 г. в советском партийном и коминтерновском руководстве упрочивалась линия на форсирование борьбы с национальными-демократами, представляющими т.н. «правую опасность» в МНР. На состоявшемся VII съезде МНРП (23 октября — 11 декабря 1928 г.) в решающей схватке между «правыми» и «левыми» о путях развития МНР при поддержке делегации ИККИ действовавшие согласно резолюции по монгольскому вопросу национальные демократы потерпели поражение [10, с. 59]. К 1932 г. в результате допущенных ошибок и перегибов, связанных с форсированными темпами коренных социальных преобразований, проводимых сторонниками радикальных мер (левыми), слабого учета местных особенностей, наблюдалось резкое ухудшение положения в Монголии.

Более того, применялся комплекс радикальных мер сторонниками левого уклона, таких как антирелигиозная кампания, насильственная коллективизация, повышение налогов монастырских хозяйств, что вызывало широкую волну недовольства среди населения. В результате произошло вооруженное противостояние 1932 г., вошедшее в историю как «Хубсугульское восстание». По масштабу участников и охвату значительной территории МНР некоторые историки склонны считать ее полноценной гражданской войной, на подавление которой были привлечены значительные силы МНРА, а их организаторы и участники были подвергнуты преследованиям и репрессиям [5, с. 212]. В 1932 г. в МНР состоялся III Чрезвычайный пленум ЦК МНРП, вошедший в монгольскую историю под названием «Новый курс». Само слово «чрезвычайный» свидетельствует об экстренности созыва пленума и значительной важности обсуждаемых и принимаемых решений. Необходимо отметить, что прежде всего они были направлены на исправление ситуации, сложившейся в МНР, недопущение разрастания вооруженного восстания вследствие тех промахов и перегибов, допущенных «левыми»

и коминтерновским руководством на местах. По мнению авторов коллективной монографии «История Монголии XX в.», с этого времени в советско-монгольских отношениях работа уполномоченных Коминтерна в МНР направлена на единоначалие, непосредственно на межпартийные и межгосударственные связи¹.

Таким образом, первоначально политика Коминтерна Монголии была связана с революционной целесообразностью и проводилась в рамках распространения идей мировой революции на Восток, где Монголии была отведена роль плацдарма в революционизации Китая и других стран Востока с использованием всего комплекса задач и целей, идеологических, организационных, финансовых, военных средств коминтерновского руководства. Что касается монголов, в тех исторических реалиях ввиду объективных и субъективных причин помощь в отстаивании независимости могла оказать только Советская Россия в рамках предложенной им модели социального развития. Во внутривластном плане Коминтерн в Монголии для укрепления собственных позиций и советских партийных структур делал ставку на левые силы, ориентировавшиеся на радикальные социалистические преобразования.

Вследствие этого Коминтерн боролся с представителями национально-демократического пути развития (правыми). Безусловно, реализация идей коминтерновским и советским руководством ускоренного социалистического развития в Монголии происходила зачастую без учета местных особенностей и с насаждением чуждых идей (антирелигиозная кампания, насильственная кооперация аратов, повышение налогов, отмена частной собственности), что приводило к ухудшению жизни людей и вооруженным восстаниям. В то же время необходимо отметить, что коминтерновским и советским руководством была оказана значительная помощь в создании национальной промышленности, в развитии образования, медицины.

С 1930-х гг. происходит постепенное свертывание деятельности коминтерновских структур в МНР и взят курс на иную модель советско-монгольских взаимоотношений, ориентированных на единоначалие в межпартийном и межгосударственном плане. Этому способствовало сложившаяся международная обстановка, связанная с нарастанием очага напряженности в Азии и на Дальнем Востоке. Возрастала японская угроза, что указывало на необходимость укрепления обороноспособности МНР и создания военного союза. На наш взгляд, на современном этапе актуально более глубокое исследование деятельности Коминтерна в Монголии с учетом всех положительных и отрицательных последствий, а также внутривластных и международных факторов.

Литература

1. Адиев Г. М. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. Москва: РОССПЭН, 1997. 287 с. Текст: непосредственный.
2. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Оттиск, 2014. 384 с. Текст: непосредственный.
3. Жабаяева Л. Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. 334 с. Текст: непосредственный.
4. Железняков А.С. Рождение монгольского коммунизма // Вестник Московского университета. 2001. № 1. С. 46–60. Текст: непосредственный.

¹ История Монголии XX век. Москва: ИВ РАН, 2007. С. 75. Текст: непосредственный.

Э. В. Батунаев. Коминтерн в национально-революционном движении монгольских народов

5. Кузьмин С. Л., Оюунчимэг Ж. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. Москва: Изд-во МБА, 2015. 212 с. Текст: непосредственный.

6. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Москва: Политиздат, 1983. Т. 44. 662 с. Текст: непосредственный.

7. Лузянин С. Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция // Восток. 1996. № 1. С. 65–75. Текст: непосредственный.

8. Лузянин С. Г. Монголия между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 9. С. 143–147. Текст: непосредственный.

9. Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. Москва: ИДВ РАН, 2000. 268 с. Текст: непосредственный.

10. Рощин С. К. Об идейных основах политики национальных демократов Монголии (1926–1928 гг.) // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): доклады российской делегации. Москва: Изд-во РАН, 1997. С. 59–64. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 08.03.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 26.04.2023.

COMINTERN IN THE NATIONAL REVOLUTIONARY MOVEMENT OF THE MONGOLIAN PEOPLES

Eduard V. Batunayev

Cand. Sci. (Hist.), Researcher,

Department of History and Culture of Central Asia,

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

batunaeveduard@mail.ru

Abstract. The article deals with the problematic and key issues of national historiography, theoretical and methodological aspects of the policy of the Comintern in the national revolutionary movement of the Mongolian peoples. The relevance of the study is determined by the fact that currently more and more attention is paid to the revolutionary processes in a broader historical context within the framework of transnational history. We have come to the conclusion that the foreign policy of the Comintern was aimed at spreading the ideas of the world revolution and the struggle against international imperialism. On the back of the defeat of the revolutionary movement in Europe, the Asian way of revolutionization became the most promising. The Comintern acted as a kind of corridor for the dissemination of the ideas of the world revolution to the East, and primarily to China. In the policy of the Comintern, Mongolia and the related Mongolian question occupied an important place in terms of promoting revolutionary ideas using the national liberation movement of the Mongolian peoples — pan-Mongolism. With the change in the international situation and the military threat from Japan, the Comintern focused on strengthening its own positions, supporting the left-wing views in the internal political struggle, as well as bilateral Soviet-Mongolian relations.

Keywords: the Comintern, Mongolia, revolutionization, pan-Mongolism, the "Mongolian question", geopolitics.

Acknowledgements. The work was carried out within the framework of the state assignment (project "Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States" No. 121031000241-1).

For citation

Batunayev E. V. Comintern in the National Revolutionary Movement of the Mongolian Peoples. *Oriental Vector: History, Society, State*. 2023; 2: 91–99 (In Russ.).

The article was submitted 08.03.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 26.04.2023.

学术论文

UDC 327(470+510)

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-100-103

二十世纪末俄罗斯阿穆尔州与中国黑龙江省区域人文交流

[中] 闫美微*

(俄罗斯布拉戈维申斯克国立师范大学历史系俄罗斯阿穆尔布拉戈维申斯克 675000)

mnina66@yandex.ru

摘要。文章分析了二十世纪末俄罗斯阿穆尔州与中国黑龙江省区域人文交流的主要活动。在文章中，作者研究了二十世纪末俄罗斯阿穆尔州与中国黑龙江省区域人文交流的重要形式和特点。

关键词。俄中区域人文交流、阿穆尔州、黑龙江省、俄罗斯、中国

供引用

闫美微* 二十世纪末俄罗斯阿穆尔州与中国黑龙江省区域人文交流 // 东方向量：历史、社会、国家，2023；2：100 - 103（俄文版）

20世纪80年代苏中关系逐渐升温。俄罗斯阿穆尔州与中国黑龙江省拥有共同边界，阿穆尔州首府布拉戈维申斯克与黑龙江省黑河隔江相对，直线距离800米。有利的地理位置帮助两国发展双边合作，其中包括人文领域合作。当两国边境重新开放，教育、科学、文化、旅游、体育等领域正式在区域一级开始联系。

苏中友好协会和中苏友好协会的地区分会在恢复两国合作方面发挥了重要作用。在1984年10月1日，中苏友好协会黑河分会邀请苏中友好协会阿穆尔州分会参加中华人民共和国成立35周年的庆祝活动。这是双方之间中断20年后的首次活动。同年1月5日至11日，3人代表团赴布拉戈维申斯克进行回访，参加了十月革命67周年的庆祝活动，参观了工厂、畜牧场、商店、科研院等，并与苏中友好协会阿穆尔州分会的领导探讨了文化、体育、科技、友好交流的前景。苏中友好协会主席 В.Н. Дьяченко 通过电话回忆说：苏中友好协会帮助组建经贸联系与黑龙江省。例如，苏中友好协会签订了计算机供应合同。两国的易货贸易都是从苏中友好协会开始的。随着两国边境开放，苏中友好协会的媒介功能也随之消失了¹。

1987年9月28日布拉戈维申斯克国立师范学院通过电报祝贺黑河师范专科学校（当时是齐齐哈尔师范学院分校）成立38周年。同年12月22日，由60人组成的阿穆尔合唱团在黑河进行演出²。

*作者简介：闫美微，女，中国人，历史系博士。

*作者简介：闫美微，女，中国人，历史系博士。

¹ Беседа Янь Мэйвэй с председателем Амурского отделения Общества советско-китайской дружбы В. Н. Дьяченко, от 07.04.2021 [Текст стенограммы беседы]. Личный архив Янь Мэйвэй.

² Чжун-Э юхаоцзиши: Хэйхэ — Булагэвэйшэньсыкэ (Протоколы китайско-российской дружбы...). С. 140.

自 1988 年以来，随着港口和过境点的开放，阿穆尔州与黑龙江省的区域人文合作从多个领域积极开展。1988 年 9 月 22 日在黑河举办了布拉戈维申斯克艺术家展览会。旅游领域也在这一时期开始合作，同年 9 月布拉戈维申斯克和黑河交换了第一批旅游团¹。体育领域恢复联系：同年 10 月 14 日在黑河市体育馆举行了第一届国际女子篮球比赛。1990 年 6 月 9 日第五届田径运动比赛中，阿穆尔州青年队参加了接力赛。随后阿穆尔州与黑河签署了体育交流协议，根据该协议，同年 7 月 18 日在布拉戈维申斯克举行了国际男子篮球友谊比赛。1990 年 9 月 5 日在黑河市体育馆举行了黑龙江省与阿穆尔州的第一届拳击和柔道比赛，黑龙江省柔道队 4 胜 2 负，阿穆尔州拳击队 6 胜 2 负。

1989 年 2 月 12-13 日全俄大豆科学研究院代表团在黑河农业科学研究院进行了为期两天的友好访问。这是近 30 年来苏中边境农业科技人才首次进行科学代表团交流。同年 6 月 1 日，俄中人文合作史上首次进行了儿童代表团交流，阿穆尔州 60 名少先队员赴黑河庆祝国际儿童节，中国少先队员参观了布拉戈维申斯克。开展艺术团体合作在 1989 年 9 月 2 日，由 60 人组成的黑河民族歌舞团在布拉戈维申斯克举行了音乐会。1990 年 1 月中旬在黑河市博物馆举办了中苏关系正常化以来的第一次苏联绘画展，展览展出了 77 件俄罗斯风格的艺术品。1990 年 9 月 27-30 日阿穆尔州米哈伊洛夫卡区民族歌舞团 20 人在逊克县进行了表演²。

值得注意的是，上世纪 90 年代初中国边境地区被列入边境文化走廊建设国家计划。这些地区是东北老工业基地、山区和边远地区以及少数民族地区。1993 年黑龙江省走廊建设计划和它的主要工作方向被确定。制定了省文化领域的改革战略，研究俄罗斯文化并且提升全省人民文化水平，树立东北文化边疆地区形象来利用边境城镇的潜力成为了战略之一[1]。因此，扩大人文交流的任务成为了黑龙江发展全国战略的一部分。

阿穆尔州地方志博物馆与东北烈士纪念馆（哈尔滨）以及其它省博物馆建立了永久联系。定期进行代表团交流。1996 年在黑河和哈尔滨由州地方志博物馆的工作人员组织了名为《世纪的爱》展览会。展出了以《布拉戈维申斯克的建筑》和《阿穆尔第一批移居者的民族服装》为主题的作品³。

阿穆尔州音乐团、州民间艺术之家和黑龙江省音乐演出组织开展了有计划的团队交流工作。在随后的几年里，专业和业余的创作团体以及表演者在黑龙江省进行了一系列大规模的巡回演出。例如：民歌团《Россы》、腾达声乐团《Вдохновение》、舞蹈团《Мы》和曲艺团《Жираф》等。其中曲艺舞蹈团《Имидж》受到了中国观众的热烈欢迎，每年在该省进行巡演。1997 年儿童音乐团与黑河

¹ Чжун-Э юхаоцзиши: Хэйхэ — Булагэвэйшэньсыкэ (Протоколы китайско-российской дружбы...). С. 142-146.

² Там же. С. 147-149.

³ 阿穆尔州国家档案馆, Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 212. Л. 85-86.

市儿童舞蹈学校建立了联系，该团体为布拉格维申斯克的学生举行了 5 场音乐会¹。

阿穆尔州话剧和喜剧剧院在哈尔滨（1993 年）和齐齐哈尔（1996 年）的巡演，齐齐哈尔马戏团在布拉格维申斯克（1996 年）的巡演，成为了阿穆尔州和黑龙江省居民文化生活中有意义的事件²。

阿穆尔州的作家也积极的通过各种形式进行交流合作。俄罗斯作家联盟成员历年访问该省并举行创作交流会面。中国著名诗人李延龄在 1997 年成为了俄罗斯作家联盟成员，同时出版了 2 本俄文诗集³。

90 年代上半时期可以说这是两国高等院校建立合作的重要阶段。正是在这一时期，阿穆尔州的高等院校（布拉戈维申斯克国立师范大学、阿穆尔国立大学、远东国立农业大学、阿穆尔国立医学院[10]利用地理位置优势先后与黑龙江省的高等院校建立了联系，首先同黑河学院（当时是齐齐哈尔师范学院分校），然后同牡丹江、绥化、大庆和哈尔滨学院。因此，俄中区域间高校人文联系的扩大（师生交流、招生）成为了保持和扩大师资力量的一种手段，也是解决生源危机的一种方式，因为大多数外国公民都是付学费学习的⁴。

90 年代下半时期两国区域文化联系范围不断扩大，»中国文化日在阿穆尔州»的活动已成为当地的传统活动。中国表演者的音乐会在白山、希马诺夫斯克、洁雅、斯科沃罗季诺和布拉格维申斯克举行，以及康斯坦丁诺夫卡区、谢雷舍沃区、米哈伊洛夫卡区和坦波夫卡区。1999 年在第一届»阿穆尔-友谊之河»国际会演期间，合唱团«Возрождение»和音乐团的表演者在哈尔滨举行了一系列的音乐会，黑龙江省教师合唱团在阿穆尔州进行了回访巡演⁵。1999 年 4 月中俄文化艺术创作活动基地在黑河（王肃街 200 号）落成⁶。

总之，经济和社会政治因素是阿穆尔州和黑龙江省区域人文合作的基础。尽管二十世纪末两国积极的在各个领域开展人文合作，但两国人文联系没有被集中管理。90 年代俄罗斯没有足够详细地国家战略计划和方案在人文合作领域。因此，区域人文合作由地方行政机关管理。在当时区域经济合作是最重要的，人文联系只是条约的一部分关于经济区域合作。它们没有任何人单独研究。当时的文件没有»人文合作»这样的标题，但只有一个共同的概念»对外经济活动»。人文领域被称为»非营利领域»。

参考文献

1. Рябченко О.Н. Формирование приграничного культурного коридора на северо-востоке КНР // Россия и АТР. 2007. No1. С. 169. Текст: непосредственный.

¹ 阿穆尔州国家档案馆，Ф. Р-978. Оп. 1. Д. 829. Л. 21.

² 阿穆尔州国家档案馆，Ф. Р-978. Оп. 1. Д. 837. Л. 25.

³ 阿穆尔州国家档案馆，Ф. Р-978. Оп. 1. Д. 837. Л. 20.

⁴ Международные связи вузов Дальнего Востока (конец 80-х — 90-е гг. XX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. 2000. Вып. 3. 398 с.

⁵ 阿穆尔州国家档案馆，Ф. Р-978. Оп. 1. Д. 876. Л. 28.

⁶ 阿穆尔州国家档案馆，Ф. Р-978. Оп. 1. Д. 871. Л. 6.

[中] 闫美微。二十世纪末俄罗斯阿穆尔州与中国黑龙江省区域人文交流

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 26.04.2023.

REGIONAL HUMANITARIAN RELATIONS BETWEEN THE AMUR OBLAST
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND HEILONGJIANG PROVINCE
OF THE PRC AT THE END OF THE 20th CENTURY

Yan Meiwei

Research Assistant,
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
104 Lenin St., Blagoveshchensk 675004, Russia
mnina66@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the main activities in the field of regional humanitarian communication between Amur Oblast of Russia and Heilongjiang Province of China at the end of the 20th century. We have studied the features and peculiarities of regional humanitarian communication between Amur Oblast of Russia and Heilongjiang Province of China at the end of the 20th century.

Keywords: russian-Chinese regional humanitarian relations, Amur Oblast, Heilongjiang Province, Russia, China.

For citation

Yan Meiwei. Regional Humanitarian Relations between the Amur Oblast of the Russian Federation and Heilongjiang Province of the PRC at the End of the 20th Century. *Oriental Vector: History, Society, State.* 2023; 2: 100–103 (In Russ).

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 26.04.2023.

Научная статья

УДК 394.3(=512.31)(510)

DOI 10.18101/2949-1657-2023-2-104-113

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ ИГР ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ В СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОБРЯДАХ

© Дашиева Субад Бальжинмаевна

младший научный сотрудник, аспирант

689699@mail.ru

© Цыренова Номинь Дондоковна

младший научный сотрудник, аспирант

nomin_n@mail.ru

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, Сахьяновой, 6

Аннотация. Шэнэхэнские буряты являются одной из этнических групп бурят, в силу объективных исторических причин уже более ста лет проживающих на территории современного Автономного района «Внутренняя Монголия» КНР. В процессе вынужденной миграции, различных социально-политических событий они смогли сохранить и развить традиционную культуру, которая в настоящее время представляет собой самобытную составляющую бурятской и общемонгольской культуры. Буряты активно включились в социально-культурные процессы, обычаи и традиции модернизируются и обретают другую форму, в определенной степени меняется их содержание. Некоторые обычаи утрачивают свое значение, постепенно выводятся из активного использования и могут перейти в разряд архаичных и неактуальных. Большую роль в традиционной культуре бурят играют народные игры как особый элемент жизненного цикла. К числу таких игр можно отнести стрельбу из лодыжек, борьбу за обладание подушкой невесты и прятанье кольца. В настоящее время эти игры стали редко использоваться среди молодежи и в перспективе могут быть вовсе утрачены. В рамках данной статьи предпринята попытка провести анализ упомянутых игр с точки зрения их содержательных и морально-нравственных основ, определение их роли в жизненном цикле шэнэхэнских бурят. В настоящее время еще не было отдельных исследований, посвященных описанию и изучению этих игр в научной литературе.

Ключевые слова: шэнэхэнские буряты, обычаи, традиционные игры, *хаха харбалга*, *дэрэ булялдаан*, *бэһэлиг нюулсаан*.

Для цитирования

Дашиева С. Б., Цыренова Н. Д. Традиционные игры шэнэхэнских бурят в обрядах жизненного цикла // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. Вып. 2. С. 104–113.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII — нач. XXI в. в контексте междивизиационного взаимодействия». № 121031000302-9.

В начале XX в. группа бурят была вынуждена перекочевать из России на приграничные территории Китая — широкие степи Хулунбуира. Постепенно буряты расселились по берегам реки Шэнэхэн-гол, и по названию этой реки данную группу бурят стали называть «шэнэхэнскими». За более чем вековую историю проживания на территории Китая шэнэхэнские буряты сохранили свои традиции и обычаи, в том числе способы ведения хозяйства, ремесленное дело, традиционный транспорт, одежду, питание, жилище, семейно-брачные устои, религиозно-философское мировоззрение, формы проведения досуга (праздники, игры, состязания и др.). В рамках данной статьи мы рассмотрим один из свадебных обрядов — борьба за обладание подушкой невесты / *дэрэ буляалдаан* и игры — стрельба по лодыжкам / *haxa харбалга*, прятанье кольца / *бэһэлиг нюулсаан*. В современных условиях данный обряд и игры уже редко встречаются, поэтому существует необходимость детальной фиксации, описания, а также анализа их роли в обрядах жизненного цикла бурят.

Различные аспекты традиционных общественных игр бурят нашли отражение в работе И. Е. Тугутова [7] и монографии этнографа Н. Б. Дашиевой [3]. В статье Б. Б. Цыбикова «Свадебная обрядность бурят Внутренней Монголии КНР» описаны характерные особенности такой обрядности бурят Автономного района «Внутренняя Монголия» КНР, в частности, традиционный обряд «борьба за обладание подушкой невесты» [8]. Здесь стоит отметить, что в работе не рассмотрены такие аспекты, как значение и правила изготовления подушки невесты. В настоящее время в научной литературе имеется ряд работ по данной теме, в том числе публикации, посвященные отдельным аспектам традиционных общественных игр шэнэхэнских бурят, но все еще нет специальных комплексных исследований, посвященных описанию и анализу этих игр.

Свадебный обряд у шэнэхэнских бурят представлял собой один из важнейших этапов в жизни общества и отдельной семьи. Обычаи проведения данного праздника передавались из поколения в поколение, они отличаются своеобразием и изысканностью, имея сходство с общемонгольскими. В основном традиционная свадьба у шэнэхэнских бурят состоит из следующих этапов: устроить хождение девушки по гостям / *басага айлшалуулха*, *басага зайлгах*, игрище девушки / *басаганай наадан*, провожать девушку / *басага мордуулха*, обряд расстилания приданого / *бараа хуряаха*, проводы невесты / *басага хургэхэ*, борьба за обладание подушкой невесты / *дэрэ буляалдах*, причесывание невесты / *үһэ хахалха*, ритуал почитания огня / *галтахиха*, праздник новой юрты / *шэнэ гэрэй наадан* и т. д.

В рамках проведенного исследования было интервью с представителями старшего поколения, которые рассказали о сущности и нюансах традиционных обычаев. Одним из респондентов была заслуженный учитель Шэнэхэнской школы Санжаа Ешын Сэжжидбагша, 1942 г. р., из рода байтайхугдууд. Она рассказывает: «У бурят подушка (подголовник) символизирует особые отношения молодоженов, символизирует потомство и богатство. В народе выражение *дэрэ нишлүүлхэ* означает «бракосочетаться». В эту подушку кладут детскую одежду. Говорят, что в соревновании *дэрэ буляалдаан* если победит сторона жениха, то у молодоженов родится сын, а если сторона невесты, то дочь».

Соревнование, как правило, организуется и проводится подальше от дома, после завершения победившая сторона аккуратно оставляет подушку на кровати. Был случай, когда при борьбе за подушку охваченная азартом игра молодежь задела стропилу юрты и стена накренилась внутрь. По прошествии некоторого времени, когда хозяин преждевременно ушел из жизни, вспомнили этот случай и связали трагедию с повреждением юрты молодоженов. Существует практика, когда стороны не сильно упорствуют в борьбе, а совместно аккуратно несут подушку в дом».

Описание *дэрэ буляалдаан*. После того как завезут приданое невесты в дом жениха, несколько молодых людей несут к дому (юрту) молодоженов украшенную серебряными заклепками подушку невесты. В это время навстречу им выходит молодежь со стороны жениха и начинается борьба. По правилам побеждает та сторона, которая первой поставит подушку на кровать невесты. Принято считать, что победителей ждет процветание и благополучие, поэтому каждая сторона стремится победить. Если никак не могут определить победителя, то представители жениха и невесты приостанавливают борьбу и вместе заносят подушку в дом [6]. В настоящее время редко готовят традиционную подушку для приданого, соответственно реже стали проводить обряд *дэрэ буляалдаан*.

Верх подушки делают из черной ткани, подкладку раньше делали из войлока, в настоящее время войлок заменили на светлую плотную ткань. На подушке шьют орнаменты в виде монет, символизирующих достаток и богатство, по краям орнаменты *тумэн жаргалан*, означающие счастье и благополучие. С лицевой стороны подушки вставляются три полосы из разноцветной парчи, рядом с концевой стороны — две полосы. Посередине оставляют дырочку, так называемую *хүйхэн* (букв. пупок), чтобы класть вещи в подушку, застегивают ее пуговицей удлиненной формы из древесины крушины (бурят. *яшал модон*) (рис. 2). Самый нарядный фрагмент подушки — это лицевая часть, по центру вставляют парчу синего или зеленого цвета, на парчу наносятся желтые и красные нити из натурального шелка, которые расходятся из центра в стороны. Чем дальше, тем больше нитей, это символизирует процветание и богатое потомство. Потом этот наряд прикрепляется к доске при помощи девяти серебряных заклепок. Существуют разные версии объяснения количества заклепок. Есть версия, что девять — это самая большая цифра в арабской системе исчисления. Согласно другой версии, это обусловлено традиционными верованиями бурят, поскольку в шаманизме придают особое значение цифре девять. Некоторые связывают это с буддийской символикой — перед алтарем ставится девять чашек (рис. 1). Вместе с тем стоит отметить, что данный обычай у бурят существовал еще до проникновения буддизма.

Рис. 1. Лицевая сторона подушки невесты

Рис. 2. Обратная сторона подушки

Обратная сторона подушки имеет большое значение, и необходимо соблюдать ряд правил при ее изготовлении. Начинать шить должна женщина, имеющая полную семью, у которой есть сын и дочь. В процессе изготовления подушки должно участвовать много женщин. Категорически запрещалось матери шить подушку своей дочери, кроме того, девушка не должна шить подушку себе сама. Если родители не успели приготовить такую подушку дочери до свадьбы, то могли это сделать позже, выбрав благоприятную дату. В выбранный день в сопровождении большого количества родственников дочь с подарками (бурят. *хэ-шээ*) приводят в дом мужа. Данный обряд складывался в условиях кочевой жизни, когда на женщине было много обязанностей — начиная от ведения хозяйства до ухода за детьми и стариками. Поэтому сама подушка имела не только эстетический внешний вид, но и отвечала требованиям эргономичности, например, помимо своей основной функции она служила своеобразной сумкой, куда женщина при необходимости складывала свои ценные вещи и детскую одежду.

Когда сын приводит в дом невесту, родители жениха занимают западную часть юрты, а их место, т. е. восточную часть юрты, занимают молодожены в роли хозяев. Свекровь снимает лицевую часть со своей подушки и ставит подушку на кровать лицом к стене, и подушку переименовывают сумкой (бурят. *богсо*). Нельзя ставить подушку свекрови и невесты лицом друг к другу. Эту информацию предоставила Будын Доржын Сэнгэл, 1960 г. р., из рода сагаангууд.

После культурной революции, с постепенным улучшением условий жизни, быт шэнэхэнских бурят налаживается, в связи с этим меняются и обычаи. Например, в приданое невесты вместо традиционной подушки стали готовить деревянный сундук¹ для хранения вещей. Это в некоторой степени ведет к утрате традиционных обычаев и обрядов. Вместе с тем в последние годы руководство КНР реализует политику сохранения памятников нематериального культурного наследия (кит. 非物质文化遗产), на законодательном уровне принимаются специальные нормативные акты. В частности, в 2011 г. после обсуждения и утверждения Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 1 июня вступил в силу «Закон о нематериальном культурном наследии Китайской Народной Республики» [4]. Это придало стимул активному возрождению традиционной культуры народов Китая, в том числе свадебный обряд *дэрэ буляалдаан*.

Следующая игра «колечко», которая проводится на празднике. Молодежь делится на две группы и садится за стол, во время угощения гостей хозяйка прячет кольцо у одного из членов команды, а вторая команда должна угадать, у кого находится кольцо. Команда, у которой спрятали кольцо, должна петь:

Алатанхан бэһэлигээ эриита (Золотое кольцо свое попросите)
Альганһаа гарни шархирна (От ладоней руки мои устали).
Мүнгэнхэн бэһэлигээ эриита (Серебряное кольцо свое попросите)
Мүрһөө гарни шархирна (От плеча руки мои устали).

¹ Раньше готовили *мухалиг* для невесты в приданое, представляющий собой покрытый жестью деревянный короб, установленный на двухколесной деревянной телеге.

Если команда угадывает обладателя кольца, то требует ответную песню:

Алтанхан бэһэлигээ алдабата (Золотое кольцо свое потеряли)
Аятайхан дуугаа хайрлыта (Мелодичную песню спойте)
Мүнгэнхэн бэһэлигээ алдабата (Серебряное кольцо свое потеряли)
Мүртэйхэн дуугаа хайрлыта (Хорошенькую песню спойте).

Если поют неправильно или искажают мелодию, то другая команда поет упрекающую песню [6].

Баруун нуурай баха шэнги (Подобно лягушкам западного озера)
Бархиралдахаа болиита (Перестаньте кричать)
Даага эдihэн шоно шэнги (Подобно волкам, проглотившим двухгодовалого жеребенка)
Дарьялдахаа болиита (Перестаньте выть).

Урда нуурай баха шэнги (Подобно лягушкам южного озера)
Хааглалдахаа болиита (Перестаньте квакать).
Унага эдihэн шоно шэнги (Подобно волкам, проглотившим жеребенка)
Улилдахаа болиита (Перестаньте выть).

Улаан хоолойгоо мохитоо хаа (Если охрип голос)
Уураг хүөөр зүлгыта (Протрите молозивом и молоком).
Хонгёо хоолойгоо мохитоо хаа (Если охрип звонкий голос)
Хониной хүүлээр зүлгыта (Протрите курдюком).

Если команда не смогла угадать обладателя кольца, то противоположная сторона поет:

Арбан сэнгэй бэһэлигым (Кольцо моё десяти колец стоящее)
Алдуулаа дабаха шадал үгыт (Не сможете отбирать у меня).
Хорин сэнгэй бэһэлигым (Кольцо моё двадцати колец стоящее)
Ходолоо дабаха шадал үгыт (Не сможете отбирать у меня).

Холодное время года или темное время суток подходит для игр в помещении, поэтому «колечко» является хорошим вариантом. К тому же вариантов песен очень много, поэтому игра может продолжаться до рассвета. Играли до тех пор, пока не иссякал запас известных песен у игроков обеих команд. Этнограф Н. Б. Дашиева отмечает интересный момент, который не встречается у шэнэхэнских бурят: «Если не угадывали, то игру продолжали, но вместо песни отгадавшая сторона брала заложников с другой стороны до тех пор, пока все игроки не оказывались на одной стороне» [3, с. 150]. В «Сборнике бурятских народных песен», собранном Анандын Айлтагуйн Нума, записано 57 песен данного жанра [1]. Со временем эта игра потеряла свою былую популярность, в настоящее время она демонстрируется лишь в виде спектакля на сцене.

Н. Б. Дашиева отмечает, что «в целом ряде этнографических работ, посвященных общественным играм восточных бурят, устраивающихся в дни праздника, авторы отмечают большую популярность среди всех возрастов населения игр в альчики (шагай)» [3, с. 150]. В настоящее время в Бурятии, Монголии и Внут-

ренней Монголии наблюдается популярность игры в альчики (*шагай*), стрельба по лодыжкам еще не совсем известна среди молодежи.

Стрельба по лодыжкам¹ (бурят. *наха харбалга*) является традиционной игрой кочевых народов. Традиционная культура так же, как кочевой образ жизни, постепенно теряет значимость в современном мире. Поэтому необходимо приложить усилия для сохранения традиций и обычаев для последующих поколений.

По рассказам представителей старшего поколения, стрельба по лодыжкам (бурят. *наха харбалга*) являлась весьма популярной. Цокто Номтоев отмечает, что «участники игры садились вдоль стен юрты напротив друг друга, в центре ставили доску *майдан*, лодыжечные кости *шагай*² устанавливали в ряд. Каждый участник имеет несколько костяных палочек-бит *ёрхо*³, щелчком по *ёрхо* нужно выбить *шагай*, чтобы заработать очко, *ёрхо* ставят на продолговатой узкой дощечке с ручкой *хобоо*. Победителем считалась та команда, которая раньше сняла все *шагай* на доске⁴.

В Монголии *долоон халзан харбаха*, *юсэн зээрэ харбаха*, *зээрэ харбаха* и другие различные виды данной игры входят в программу проведения ежегодных игр Монголии «Наадам». Бурятская стрельба по лодыжкам отличается от монгольской в терминологии и размерах атрибутов игры. В бурятской игре *наха харбалга* используют следующие четыре атрибута: 1. Под термином *шагай* понимаются лодыжки овцы или козы (дзерена, косули). 2. *Ёрхо* в некоторых регионах называют *ёрхо*, *наха*, *саха*, *годули*, *сомо*. 3. *Майдан* еще называют «деревянная квадратная доска или лопата». 4. *Харбуул* в некоторых аймаках называют *хобоо* или *хобдол*.

В музее Баян-тог сомона Доронотского аймака Монголии хранятся атрибуты *наха харбалга*, принадлежавшие отцу Батодоржи. Цокто Номтоев назвал доску этой игры *майдан*, у Батодоржи доска имеет название *хурзэ* (лопата), дощечка *харбуул* маленького размера, по его версии, эта дощечка называется *ёрхо*. Кроме того, Лодон Линховоин в своей заметке упоминает игру *наха харбалга*. По его мнению, правила, терминология игры и размеры атрибутов у агинских и хоринских бурят практически не отличаются от версии Цокто Номтоева. У него дощечка называется *хобоо*, а у Лодона Линховоина — *харбуул*. Как пишет Лодон Линховоин, играющий должен сидеть, вытянув левую ногу, поджав правую, длина дощечки должна быть не менее 50 см. Таким образом, проигравшей считалась та команда, у которой раньше закончились *шагай*, которые выставляли на доске⁵. Возможно, у команды были ограниченные *шагай*, например, выставлялись в ряд 12 *шагай*.

Наха харбалга у шэнэхэнских бурят также сильно не отличается от версий Цокто Номтоева и Лодона Линховоина, но имеются небольшие отличия по правилам игры и размерам атрибутов. Шэнэхэнские буряты из поколения в поколе-

¹ Переводится с бурятского языка *наха харбалга* как стрельба по лодыжкам [3, с. 554].

² 1) лодыжка, щиколотка; 2) бабка: *хониной шагай альчик* [3, с. 598].

³ Костяной стрежень [2, с. 345].

⁴ Закон о нематериальном культурном наследии Китайской Народной Республики от 01.06.2011. URL: <https://www.chinafolklore.org/web/index.php?NewsID=8804>. (дата обращения: 10.11.2022). Текст: электронный.

⁵ Там же.

ние передавали игру — стрельбу по лодыжкам. Однако после культурной революции популярность игры постепенно пошла на спад, среди молодежи данная игра практически не известна. В последнее время игра *haxa харбалга* возрождается как один из видов соревнований в некоторых сомонах Шэнхэна¹. Для сохранения традиционных национальных игр кочевых народов необходимо проводить открытые занятия и мастер-классы среди школьников и молодежи, пробуждать интерес к национальным играм и обычаям.

Описание правил игры шэнхэнских бурят. 1. Атрибутами игры *haxa харбалга* являются бита *haxa*, костяная палочка, выточенная из кости щиколотки передней ноги лошади, потому как кость щиколотки толстая, твердая и тяжелая. Также можно делать из кости щиколотки коровы. Длина биты 2–3 см, ширина и толщина 1 см. Для минимизации силы трения о поверхность дощечки носовая часть биты слегка заострена и приподнята вверх².

2. Второй атрибут — дощечка *харбуул*, на ней ставятся биты, вырезанные из лиственницы или из кости щиколотки крупного рогатого скота. Дощечка ограничена бортиком с левой стороны, поверхность должна быть гладкая. Длина дощечки составляет 20–30 см, ширина 4–5 см, высота бортика 1–1,5 см. *Майдаан*³ — квадратная доска для лодыжечных костей-*шагай*, имеет длину 30 см, ширину 20 см.

3. Доску, на которой расставляют *шагай*, называют *майдаан* (*табсан* / низенький столик, *дэрэ хабтаһан* / подушка-доска). Ее длина 30 см, ширина 20 см, на одну треть ширины рисовать линию, длину разделить на одну вторую, расставляем на линию ширины *шагай*. Под досками с задней стороны нужно вставить *шагай* в углах, чтобы доска стояла наклонно.

4. Варианты расстановки лодыжечных костей-*шагай*⁴ на доске *майдаан*: 1. ставят 4 *шагай*⁵, в центре стоит *шагай* в позиции кон⁶, на него сверху кладут *шагай* в позиции овца, данный вариант называется *туг*. С двух сторон *туг* ставят по две *шагай* в позиции лошадь, их называют *бара*. Между ними должно быть расстояние одной биты. Если бита попадет в обе центральные *шагай*, то игрок зарабатывает два очка, если одну — одно очко. Боковые *бара* дают по одному очку. Второй вариант: в центре ставят одну *шагай* вертикально (рис. 3), при попадании — два очка, называют этот ход «стрельба в туг», или *щоборниг*. В соревнованиях *haxa харбалга* результат зависит от количества попыток и заработанных очков за точные попадания. Также можно играть в команде [2]. Дашиева отмечает, что «один из них имел отличительный цвет и назывался *туг* (флаг), его укладывали боком на другой альчик посередине кона. По условиям игры в первую очередь надо было выбить флаг, иначе все другие выбитые альчики сно-

¹ Закон о нематериальном культурном наследии Китайской Народной Республики от 01.06.2011 г. URL: <https://www.chinafolklore.org/web/index.php?NewsID=8804>. (дата обращения: 10.11.2022). Текст: электронный.

² Ёрхо/жорхо длиной 10–12 см [3, с. 150].

³ Согласно словарю, слово *майдаан* означает войлок, заменяющий картонный стол [9, с. 528].

⁴ Далее *шагай*.

⁵ Наблюдается различие в количестве расстановки *шагай* на квадратной доске, Н. Б. Дашиева отмечает, что выставлялись в ряд 12 альчиков [3, с. 150].

⁶ Четыре стороны *шагай* в позициях кон, корова, овца и коза.

ва выставлялись на кон» [3, с. 150]. В правилах игры у шэнэхэнских бурят не наблюдается порядок стрельбы. Стоит отметить, что сходства и различия в правилах игры объясняются тем, что у шэнэнских бурят нормы сохранились практически без изменений, тогда как у других бурят вносились некоторые изменения.

Далее опишем правила игры *haxa харбалга*. Основные условия:

1) участников должно быть более 2, также могут играть команды;

2) расстояние от доски 2–2,5 метра, обычно 2,2 метра¹;

3) участники должны сидеть от точки стрельбы по обе стороны полукругом. Каждая сторона определяет главного игрока, у которого право стрелять первым. После этого продолжает игру участник справа. Главный игрок команды, расположенной по левой стороне, садится в конце своего ряда, следующий игрок также будет человек справа от него, и так далее;

4) каждый игрок за одну попытку имеет право на 4–5 биты. Таким образом, игроки поочередно делают попытки и считают заработанные очки;

5) специальный человек отвечает за сбор бит, а также расставляет *шагай* на доске;

6) стреляют битку щелчком указательного и большого пальцев или же щелчком большого и среднего пальцев. Нельзя двигать битку рукой, должен быть именно щелчок. В противном случае попадание не засчитывается;

7) согласно правилам игры, сбитые *шагай* должны падать назад, только в этом случае попадание будет засчитано. Если же *шагай* упадет набок или вперед, то попадание не засчитывается. Ответственный за расстановку ставит *шагай* заново;

8) во время удара игрок должен сесть «по-турецки», при этом левая ступня должна чуть выдвинута вперед, чтобы поставить на ступню дощечку-*харбуул* для удара. Игрок прижимает дощечку левой рукой к левой ступне и направляет ее на конкретную кость-*шагай*;

9) после удара игрок меняет направление дощечки, но при этом нельзя менять расположение самой дощечки относительно ступни². В данной игре если раньше участвовали только мужчины, сейчас наравне с мужчинами могут принимать участие и женщины.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели традиционные игры шэнэхэнских бурят: стрельбу из лодыжек, борьбу за обладание подушкой невесты и прятанье кольца. В результате пришли к выводу, что немаловажную роль выполняли данные игры в семейно-бытовых обрядах у шэнэхэнских бурят: во-первых, в обогащении, раз-

Рис. 3. Стрельба в туг, или шоборниг

¹ Как утверждает Д. Дэлгэр из Шэнэхэна, сейчас на расстоянии 2,2 метра играют женщины.

² Закон о нематериальном культурном наследии Китайской Народной Республики от 01.06.2011 г. URL: <https://www.chinafolklore.org/web/index.php?NewsID=8804> (дата обращения: 10.11.2022). Текст: электронный.

витии и передаче традиционной материальной и нематериальной культуры, во-вторых, в сохранении идентичности данной этнической группы, в-третьих, в сохранении и развитии устного творчества монголоязычных народов [5].

К сожалению, глобализационные процессы в современном обществе приводят к изменению традиционных устоев и норм, которые меняют жизненный уклад. Под влиянием этих процессов трансформируются традиционные обычаи, включая национальные игры. Традиционные формы досуга играют большую роль не только с точки зрения воспитания и социализации молодежи, но и содержат в себе морально-нравственные основы этноса. Поэтому задача исследователей — зафиксировать обряды, ритуалы, народные игры как уникальный источник по этнической культуре народа.

Информанты:

1. Будын Доржын Сэнгэл, 1960 г. р., из рода сагаангууд, швея. Запись С. Б. Дашиевой, Н. Д. Цыреновой. 2022 г., Улан-Удэ.

2. Санжаа Ешын Сэжид, 1942 г. р., из рода байтайхугдууд, заслуженный учитель Шэнэхэнской школы. Запись С. Б. Дашиевой, Н. Д. Цыреновой. 2022 г., Улан-Удэ.

Литература

1. Айлтагуйн Нума. Сборник бурятских песен. Хайлар: Изд-во культуры Внутренней Монголии. 2017. 430 с. Текст: непосредственный.

2. Дашиева Н. Б. Традиционные общественные праздники бурят: история и типологии / ответственный редактор З. П. Соколова. Москва; Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2012. 211 с. Текст: непосредственный.

3. Дэлгэр Д. О развитии бурятской традиционной игры «хаха харбалга» // Исследование шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ, 2017. С. 67–71. Текст: непосредственный.

4. Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 102 с. Текст: непосредственный.

5. Толон. Энхэчэг. Баярма. Традиция шэнэхэнских бурят. Хайлар: Изд-во Академии наук Внутренней Монголии. 2018. 525 с. Текст: непосредственный.

6. Тугутов И. Е. Общественные игры бурят // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1963. Вып. 2. С. 43–65. Текст: непосредственный.

7. Цыбикова Б. Х. Б. Свадебная обрядность бурят Внутренней Монголии КНР (по материалам фольклорных записей) // Традиционная культура. 2017. № 3(67). С. 20–32. Текст: непосредственный.

8. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 томах. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. 1. А–Н. 636 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 05.03.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 26.04.2023.

ROLE OF TRADITIONAL GAMES OF THE SHENEKHEN BURYATS
IN FAMILY RITUALS

Subad B. Dashieva
Junior Researcher, Research Assistant
689699@mail.ru

Nomin D. Tsyrenova
Junior Researcher, Research Assistant
nomin_n@mail.ru

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia

Abstract. The Shenekhen Buryats are one of the Buryat ethnic groups. Due to objective historical reasons they have been living on the territory of the modern Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC for more than a hundred years. During the period of forced migration, various socio-political events they were able to preserve and develop the traditional culture, which at present is an original component of the Buryat and all-Mongolian culture. The Shenekhen Buryats actively took part in socio-cultural life, their customs and traditions are being modernized and taking on a different form, their content is changing to a certain extent. Some customs are gradually losing their significance, are gradually falling out of use and can become archaic and irrelevant. An important role in the traditional culture of the Buryats is played by folk games as a special element of the traditional culture. These games include Ankle bone Shooting, Bride's Pillow Fight, and Hidden Ring. At present, young people rarely play these games, and they may be completely lost in the future. Within the framework of this article, we have made an attempt to analyze the mentioned games from the point of view of their content and moral foundations, to determine their role in the life cycle of the Shenekhen Buryats. To date, there have not yet been studies devoted to these games in the scientific literature.

Keywords: the Shenekhen Buryats, customs, traditional games, ankle shooting (hakhaharbalga), Bride's Pillow Fight (dere bulyaaldaan), Hidden Ring (behelig nyuulsaan).

For citation

Dashieva S. B., Tsyrenova N. D. Role of Traditional Games of the Shenekhen Buryats in Family Rituals. *Oriental Vector: History, Society, State.* 2023; 2: 104–113 (In Russ.).

Acknowledgments. The research was carried out within the state assignment "Monuments of Scripts of the Peoples of Russia and Inner Asia in Oriental languages and Archival Documents of the 18th and early 21st centuries in the Context of Intercivilizational Interaction, No. 121031000302-9".

The article was submitted 05.03.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 26.04.2023.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons / Ed. by Sergey Marochkin, Yury Bezborodov. Abingdon/New York: Routledge, 2022. 262 p.

Шанхайская организация сотрудничества: исследуя новые горизонты сотрудничества: сборник статей / под редакцией С. Ю. Марочкина, Ю. С. Безбородова. Эбингдон; Нью-Йорк: Раутледж, 2022. 262 с.

В мае 2022 г. в издательстве «Раутледж» (Routledge) был опубликован сборник научных статей «Шанхайская организация сотрудничества: исследуя новые горизонты сотрудничества» под редакцией профессора, доктора юридических наук, директора Института государства и права Тюменского государственного университета, заслуженного юриста Российской Федерации Сергея Юрьевича Марочкина и профессора Уральского государственного юридического университета и Уральского федерального университета, доктора юридических наук Юрия Сергеевича Безбородова. Примечательно, что коллективная работа российских авторов, посвященная сложной международно-политической проблематике ШОС, опубликована в издательстве в мае 2022 года, когда многие исследователи из России подверглись воздействию неизбирательной «отмены» вне всяких норм научной и публикационной этики. Можно считать это доказательством безусловной ценности прорывного научного поиска, стоящего выше стремлений изолировать нашу страну, в том числе и в научно-исследовательской сфере.

Актуальность изучения Шанхайской организации сотрудничества в настоящее время трудно переоценить, поскольку она занимает важнейшее место в системе международной евразийской интеграции. За относительно небольшой срок своего существования с 2001 г. она обрела заметное влияние на международные политические и экономические процессы как на региональном, так и глобальном уровне.

Как отмечает Рашид Алимов, генеральный секретарь ШОС в 2016–2018 гг., «нацеленная на построение справедливой, отвечающей интересам всех и каждого государства полицентричной модели мироустройства на твердой основе норм международного права и принципов взаимного уважения и учета интересов друг друга, взаимовыгодного сотрудничества, отказа от конфронтации и конфликтов, равной и неделимой безопасности, ШОС является межцивилизационной организацией, нивелирующей возможность конфликта цивилизаций в регионе своей ответственности». В настоящее время особенно актуализируются вопросы создания центров международного сотрудничества, которые могут стать альтернативой гегемонии западных стран в условиях глубинной трансформации мировой политической системы. ШОС как межправительственная международная организация, объединяющая усилия многих стран в деле укрепления взаимного доверия, дружбы и добрососедства между государствами-членами, содействия их эффективному сотрудничеству в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, а также в сфере образования, энергетики,

транспорта, туризма, охраны окружающей среды становится важным компонентом построения многополярного мира.

Вместе с тем большинство исследований в рассматриваемом издании посвящено отдельным аспектам развития и функционирования организации. На наш взгляд, в настоящее время существует острая потребность в системном анализе ШОС, охватывающем все направления ее деятельности.

Первая часть сборника посвящена историко-правовым аспектам формирования и институционального развития ШОС, взаимодействию стран-членов ШОС в международно-правовом поле, сотрудничеству в сфере обеспечения безопасности и противодействия терроризму.

Вторая часть состоит из статей, направленных на изучение различных уровней сотрудничества в ШОС, таких как конвергенция западных и азиатских правовых ценностей, гуманитарное сотрудничество, сближение правового регулирования трудовых отношений, миграции и взаимодействие с ЕАЭС.

Третья часть сборника включает прогностические исследования экономического сотрудничества в эпоху турбулентности, правового регулирования в сфере энергетики, транспортно-логистического содействия странам Центральной Азии, развития стратегического экономического партнерства с Индией.

Сборник представляет собой ценный вклад в мировую науку, занимающуюся проблемами регионального развития и международного евразийского сотрудничества. Он будет востребован в исследовательской работе ученых разной научной направленности, государственным служащим и дипломатическим работникам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами международной политики и сотрудничества. Для молодых ученых он может стать примером научного исследования большой и сложной проблематики, в котором они найдут не только важную научную информацию, но и, что важнее, могут получить образец сочетания теоретического и эмпирического анализа и синтеза фундаментальной и прикладной науки. Безусловно, эта книга будет полезна в учебном процессе университетов, осуществляющих подготовку по различным направлениям (бакалавриат и магистратура), прежде всего таким как «международные отношения», «международное право», «политология», «мировая экономика» и другие.

Об авторе

Тимур Баторович Бадмацыренов, доктор социологических наук, заведующий кафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

The author

Timur B. Badmatsyrenov, Doctor Sci. (Sociol.), Head of the Political Science and Sociology Department, Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

0

<i>Тощенко Ж. Т.</i> Идеологическое безвременье как характеристика современного российского общества.....	3
<i>Дырхеева Г. А.</i> Детский бурятско-русский билингвизм: динамика социолингвистических изменений.....	20
<i>Бадарев Д. Д., Актамов И. Г.</i> Бурятский язык в оценках студенческой молодежи (по материалам социологического исследования).....	29
<i>Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю., Сердюков К. Н., Яковлев А. И.</i> «Новые дальневосточники» в принимающем региональном сообществе: социологический анализ (на материалах Приморского края).....	38
<i>Бадонов А. М., Бадарев О. Д.</i> К вопросу о понятиях «самозанятость» и «самозанятый» в современной России.....	48

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Лагутина М. Л., Сергунин А. А.</i> Роль Санкт-Петербургского государственного университета в развитии арктической научной дипломатии: восточный вектор.....	54
<i>Ерохина Е. А.</i> Парадоксы интеграции и дезинтеграции: советский опыт национальной политики среди народов Севера.....	67
<i>Бритова В. Р.</i> Государственный престиж Республики Корея: дискурс-анализ.....	75

ИСТОРИЯ

<i>Гомбожапов А. Д.</i> К вопросу о трансформации социально-политической организации монгольского общества в XV–XVI вв.....	81
<i>Батунаев Э. В.</i> Коминтерн в национально-революционном движении монгольских народов.....	91
[中] 闫美微。二十世纪末俄罗斯阿穆尔州与中国黑龙江省区域人文交流.....	100
<i>Дашиева С. Б., Цыренова Н. Д.</i> Роль традиционных игр шэнэхэнских бурят в семейно-бытовых обрядах.....	104

РЕЦЕНЗИИ

<i>Бадмацыренов Т. Б.</i> Рецензия на книгу «Шанхайская организация сотрудничества: исследуя новые горизонты сотрудничества: сборник статей / под редакцией С. Ю. Марочкина и Ю.С. Безбородова. Эбингдон; Нью-Йорк: Раутледж, 2022. 262 с.	114
--	-----

CONTENTS

SOCIOLOGY

<i>Toschenko Zh. T.</i> Ideological Stagnation as a Characteristic of Modern Russian Society.....	3
<i>Dyrkheyeva G. A.</i> Children's Buryat-Russian Bilingualism: Dynamics of Sociolinguistic Changes.....	20
<i>Badarayev D. D., Aktamov I. G.</i> Children's Buryat-Russian Bilingualism: Dynamics of Sociolinguistic Changes.....	29
<i>Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu., Serdyukov K. N., Yakovlev A. I.</i> Children's Buryat-Russian Bilingualism: Dynamics of Sociolinguistic Changes.....	38
<i>Badonov A. M., Badaraev O. D.</i> More on the Concepts of "Self-Employment" and "Self-Employed" in Contemporary Russia.....	48

POLITICAL STUDIES

<i>Lagutina M. L., Sergunin A. A.</i> Role of Saint Petersburg State University in the Development of Arctic Scientific Diplomacy: The Eastern Vector.....	54
<i>Erokhina E. A.</i> Paradoxes of Integration and Disintegration: the Soviet Experience of National Policy among the Peoples of the North.....	67
<i>Britova V. R.</i> State Prestige of the Republic of Korea: Discourse Analysis.....	75

HISTORY

<i>Gombozhapov A. D.</i> On the Transformation of Social and Political Organization of Mongolian Society in the 15th–16th Centuries.....	81
<i>Batunayev E. V.</i> Comintern in the National Revolutionary Movement of the Mongolian Peoples.....	91
<i>Yan Meiwei.</i> Regional Humanitarian Relations between the Amur Oblast of the Russian Federation and Heilongjiang Province of the PRC at the End of the 20th Century.....	100
<i>Dashieva S. B., Tsyrenova N. D.</i> Role of Traditional Games of the Shenekhen Buryats in Family Rituals.....	104

REVIEWS

Review of the Book «The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons. Edited by Sergey Marochkin and Yury Bezborodov. Abingdon/New York: Routledge, 2022. 262 p.».....	114
---	-----

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В «ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР: ИСТОРИЯ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО»

Отбор и редактирование публикуемых в журнале статей производятся редакционной коллегией журнала из ведущих ученых и приглашенных специалистов, задача которых — обеспечить соответствие статей требованиям РИНЦ и международных баз цитирования, вступление в которые является ведущей целью журнала.

В журнал «Восточный вектор: история, общество, государство» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Рецензенты статей должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Каждая статья имеет классификационный индекс уникальной десятичной классификации (УДК), а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть отправлен электронным письмом или на электронном носителе. На последней странице — подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Название следует дать строчными буквами, не использовать аббревиатуры и сокращения. Точка после заглавия не ставится. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова и словосочетания (не менее десяти слов) на русском и английском языках. Ключевые слова и словосочетания разделяются запятой, недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Литература должна содержать не менее 10 источников.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версий 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое — 15 мм, левое — 25 мм, верхнее и нижнее — 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ — 5 мм. Интервал — полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля — 14 пт. Список литературы и аннотация — 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения — до 3 стр., статьи на соискание ученой степени кандидата наук — 8–12 стр., на соискание ученой степени доктора наук — 10–16 стр. Название статьи должно содержать не более 10 слов.
Сведения об авторах	Указываются полностью фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность (если есть, только на русском языке) и официальное название места работы, желательно из устава, в именительном падеже, страна, адрес с почтовым индексом (на русском и английском языках), телефоны/факсы, e-mail.

- Англоязычная аннотация должна представлять собой качественный перевод русскоязычной аннотации. Использование автоматического перевода различных интернет-сервисов недопустимо.

- Список литературы — все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках. В литературу не включаются любые материалы, не имеющие конкретного автора (законы, стандарты (включая ГОСТы), статьи из словарей и энциклопедий, страницы сайтов), где не указан конкретный автор, ссылки на них оформляются как сноски в тексте статьи.

- Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала «Восточный вектор: история, общество, государство». Корректуре авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются. Всем принятым к публикации статьям присваивается DOI.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском, китайском и монгольском языках, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский или английский язык.

- Формат журнала 70x100 1/16.

- Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие символы.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, издательство Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова.

Тел. 8(3012)21-95-57

Национальным стандартом Российской Федерации (ГОСТ) введены некоторые правки в Системе стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу в части оформления статей в журналах и сборниках.

В частности, выдвинуты следующие требования:

1. Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

2. Электронный адрес автора приводят без слова «e-mail».

3. Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» («Abstract»).

4. Сведения о благодарности организациям или учреждениям научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, предшествовать словом «Благодарности» («Acknowledgments»).

5. В конце статьи дать следующую информацию о датах: Статья поступила в редакцию ...; одобрена после рецензирования ...; принята к публикации ...

Без соответствующего оформления статьи для публикации издательством не принимаются.

Научное издание

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР
ИСТОРИЯ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

Научный журнал

Перевод на английский язык С. В. Сазоновой
Редактор Д. Н. Гармаева
Компьютерная верстка Н. Ц. Тахинаевой

Формат 70x100 1/16

Уч.-изд. л. 8,4. Усл. печ. л. 10,5. Тираж 1000. Заказ 57.

Дата выхода в свет 22.05.2023. Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
gio@bsu.ru

Отпечатано в типографии Издательства Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а